

«РЭДВОЛЛ»

Новая страница летописи аббатства Рэдволл! Из страны вечных льдов пришел варвар Гуло в Лес Цветущих Мхов. Ненависть и жажда мести отправили его в погоню за родным братом — главным соперником и претендентом на трон. Непримиимые враги встретились у стен Рэдволла, чтобы после смертельной схватки победителю достался не только Бродячий Камень, символ власти, но и само аббатство. Опасность нависла над Рэдволлом, но на защиту мирных жителей встает Ракети Там — воин, чей меч не знает поражения, а слово крепче стали.

НАСТОЯЩИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ!

ISBN 978-5-91181-317-8

9 785911 813178

РЭДВОЛЛ

БРАЙАН
ДЖЕЙКС

КЛЯТВА
ВОИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЗБУКА

БРАЙАН

ДЖЕЙКС

КЛЯТВА ВОИНА

Море

Лодка Аскора

Корабль Було

Саламандастрон

Берег

Ю

В

Дюны и равнины

Доша короля
Аральтума

Ров

Лес
Цветущих Алхов

Тропа

Аббатство
Ридволл

Пещера Юфуса

Лес
Цветущих Алхов

Валивные дуга

Щель

Озеро

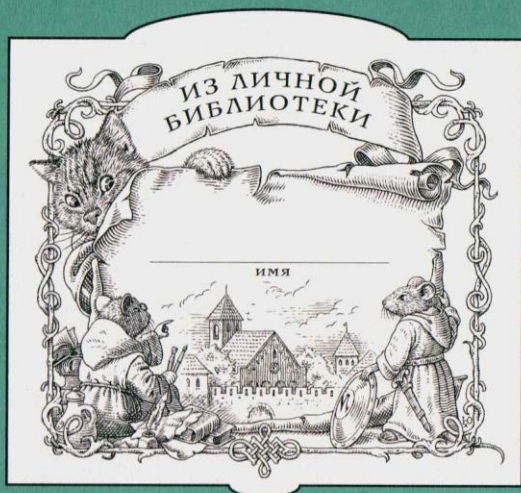
Рукава и протоки

Водопад

Здесь зарыт
Бродячий Камень

Сосны
и черные птицы

Видная ива

СЕРИАЛ «РЭДВОЛЛ»

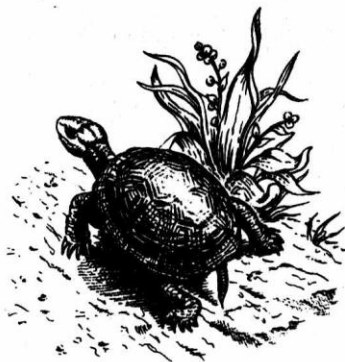
ВОИН РЭДВОЛЛА
ВОЙНА С КОТИРОМ
ПОХОД МАТИАСА
МЭРИЕЛ ИЗ РЭДВОЛЛА
САЛАМАНДАСТРОН
МАРТИН ВОИТЕЛЬ
КОЛОКОЛ ДЖОЗЕФА
ИЗГНАННИК
ЖЕМЧУГ ЛУТРЫ
ДОЗОРНЫЙ ОТРЯД
БЕЛЫЕ ЛИСЫ
ЛЕГЕНДА О ЛЬЮКЕ
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА
ТРИСС ВОИТЕЛЬНИЦА
ТАЛИСМАН ИЗ РЭДВОЛЛА
МЕЧ МАРТИНА
КЛЯТВА ВОИНА

Брайан Джейкс

КЛЯТВА ВОИНА

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Азбука-классика»
2007

УДК82-93
ББК 84.4 Вл
Д40

Brian Jacques
RAKKETY TAM
© The Redwall La Dita Company, Ltd., 2004
First published in the United States.
Published by arrangement with **Philomel Books**,
a division of Penguin Young Readers group,
a member of Penguin Group (USA) Inc.
All rights reserved

Перевод с английского Юрия Балаяна

Перевод стихов Сергея Степанова

Дизайн переплета Вадима Пожидаева

Иллюстрации на обложке Антона Ломаяева

Иллюстрации на форзаце
Светланы Макаровой, Валерия Макарова

Художник Валерий Макаров

Джейкс Б.

Д40 Клятва воина / Пер. с англ. Ю. Балаяна. — СПб.:
Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. — 352 с.
— (Рэдволл).

ISBN 978-5-91181-317-8

Новая страница летописи аббатства Рэдволл!

Из страны вечных льдов пришел варвар Гуло в Лес Цветущих Мхов. Ненависть и жажда мести отправили его в погоню за родным братом — главным соперником и претендентом на трон. Непримиримые враги встретились у стен Рэдволла, чтобы после смертельной схватки победителю достался не только Бродячий Камень, символ власти, но и само аббатство. Опасность нависла над Рэдволлом, но на защиту мирных жителей встает Рэкети Там — воин, чей меч не знает поражения, а слово крепче стали.

© Ю. Балаян, перевод, 2007

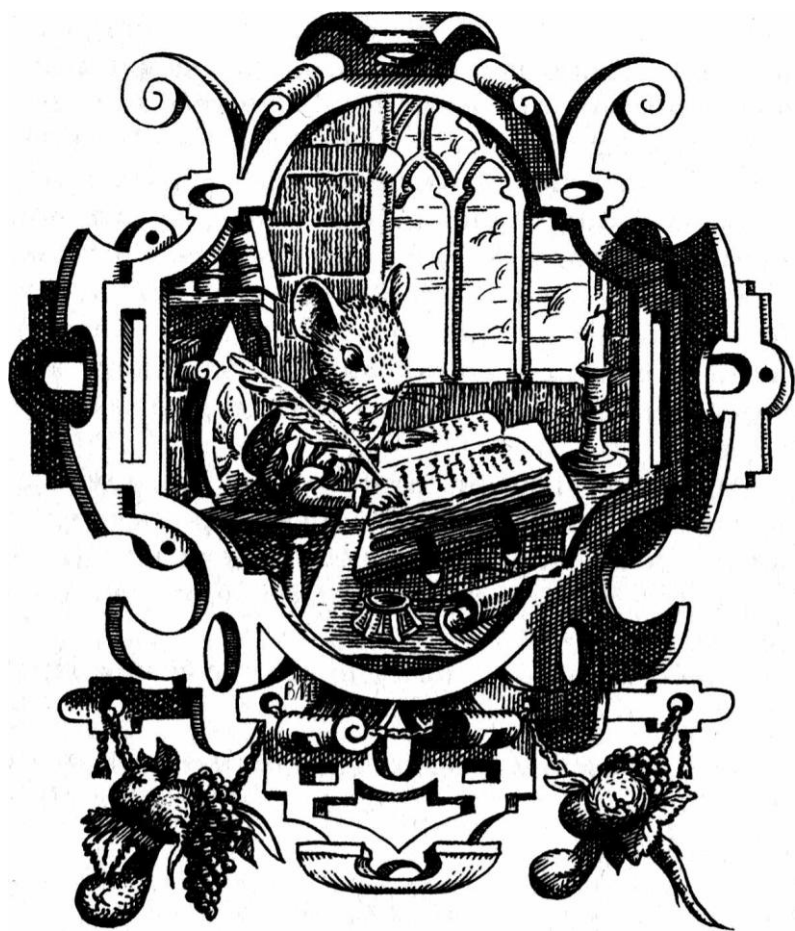
© С. Степанов, перевод стихов, 2007

© Издательский Дом «Азбука-классика», 2007

ISBN 978-5-91181-317-8

*Тиму Мозесу,
коллеге и доброму другу
с бесконечной благодарностью*

ПРОЛОГ

Позвольте представиться, я — Меланда, самая молодая летописец за всю историю аббатства Рэдволл. Мой учитель и наставник, почтенная сестра Скрива, передала мне дела и помогает теперь брату Демплу, садовнику аббатства. Это по ее

совету я составила историю «Свирых Сезонов». Ох, не зря получили они свое страшное имя! Все события происходили еще до моего рождения, так что пришлось много потрудиться, чтобы собрать материал для этой хроники. Но теперь труды мои принесли плоды, я могу наслаждаться результатом и благодарна всем, кто помог советом и информацией. Жаль, что невозможно назвать помощников поименно, слишком их много, жителей Рэдволла, зайцев из отряда Долгого Дозора...

Мое повествование относится к ужасному периоду жизни аббатства, когда ему угрожало чудовище, до тех пор невиданное в Лесах Цветущих Мхов. Свирых варвар, подгоняемый жаждой власти и мщения...

Но больше я вам сейчас ничего не скажу. Прочитаете — сами узнаете.

*Меланда, летописец аббатства Рэдволл в
Стране Цветущих Мхов*

ВОИН, ПРОДАВШИЙ
СВОЙ МЕЧ

КНИГА
ПЕРВАЯ

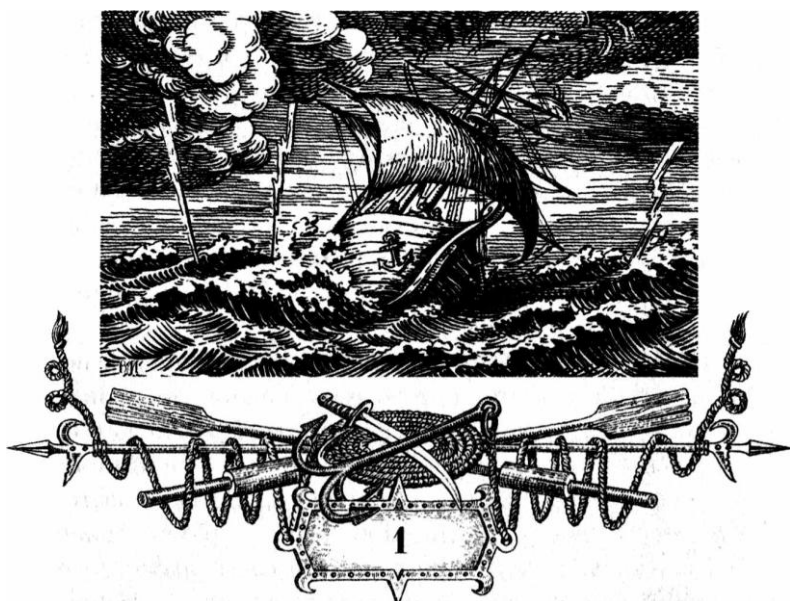

агает Рэкеті Рэкеті Там!
Бьет барабанный бой!
Шагает Рэкеті Рэкеті Там!
Шагает он на бой!

От Пограничья путь его
До Рэдволла лежит.
Непобедим его палаш,
Непробиваем щит!

Шагает Рэкеті Рэкеті Там!
Поверишь или нет?
Он продал меч свой дураку
И дал ему обет.

Вопя, как стая диких птиц, шторм гнал перед собою череду водяных гор, увенчанных белоснежными шапками пены. Огромный корабль, не убавляя парусов, стремился к юго-востоку, удаляясь от холодных северных берегов. Скрипели мачты; паруса, казалось, вот-вот лопнут от безумного напора шквалистого ветра. Скорей, скорей! Убийца преследовал вора, свирепый варвар Гуло гнался за своим братом, Аскором.

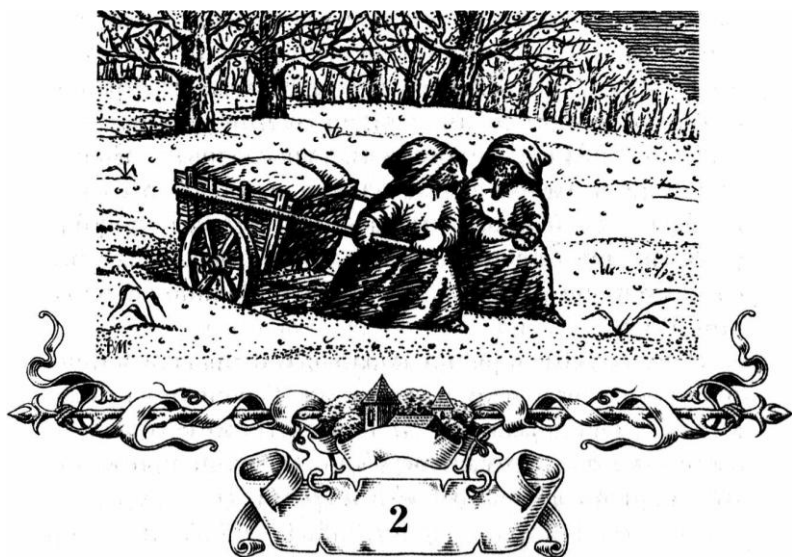
Сверкнула молния, выхватив из мрака могучую фигуру Гуло. Вонзив в поручень страшные когти, Гуло буравил мрачным взглядом бушующую водную пустыню.

Только тот, кто владеет Бродячим Камнем, может править страну льдов и снегов. Камень этот прибыл из стран за солнечным закатом, им обладал великий Драмз. Он и закон установил, по которому унаследовать Бродячий Камень может только сильнейший. А кто сильнее Гуло? Чтобы доказать свое первенство, Гуло убил отца. Но трусливый Аскор похитил Камень и пустился наутек, скрылся от гнева Гуло в Великом Холодном Море.

И вот Гуло снарядил корабль и отправился в погоню во главе сотни головорезов. Говоря по правде, команда ему нужна не для защиты. Никого нет на свете сильнее и отважнее Гуло. Не один противник пал жертвой его свирепости и мощи. Из всех врагов у него остался один-единственный — братец Аскор. И Гуло не успокоится, пока не отправит братишку к Адским Вратам, заполучив символ власти — Бродячий Камень.

Судно несется по бурному морю, как дикий жеребец, вставая на дыбы, взмывая на гребни и проваливаясь между волнами. Оно покинуло снега и льды севера, чтобы, повинуясь воле бесстрашного командира, достичь берегов Страны Цветущих Мхов, жители которой ничего не знают о земле за Холодным Морем. Скоро они познакомятся с силой и свирепостью зверя, которого зовут Гуло.

Н а ночь зима преобразила землю. Снег толстым слоем покрыл Рэдволл. Настоятель аббатства отец Монотон рано проснулся в своем любимом погребе. Он всегда вставал спозаранку, независимо от сезона и погоды. Уже долгие сезоны управлял аббатством старый еж Монотон. И все не переставал удивляться, что именно его выбрали аббатом. Кроткий Монотон всю жизнь ведал погребами. Казалось, ему с рождения были известны все закоулки погребов и таившиеся там напитки и легенды. Но через два сезона после кончины аббатисы Фуртилы Совет

Старейшин единогласно избрал ежа новым главой Рэдволла.

За решением Совета последовали долгие уговоры, а также раздумья и сомнения хранителя погребов, пока наконец Монотон не согласился принять на себя обязанности настоятеля, но заявил, что жить согласен по-прежнему только в погребе. Не хотелось ежу переезжать наверх, расставаться со своими любимыми бочками и бочонками, с подвальной кузницей и с любимой раскладушкой. «Он душою под землею, в своих мирных погребах», — говорили в аббатстве. На старую привычку, не найдешь отвычки, как гласит старинная рэдвольская поговорка. И каждое утро отец Монотон начинал с обхода погребов, прежде чем приступить к своим аббатским обязанностям.

Еж расшевелил угли и раздул огонь в кузнечном горне, загрузил его сломанными клепками от бочек, морским и древесным углем. Обошел погреб, осмотрел и обстучал бочки. Потом подошел к спящему Берлапу, сменившему его на посту хранителя погребов. Монотон улыбнулся и прикрыл одеялом пятки молодого ежика. Добрую смену вырастил себе Монотон. Сообразительный, работающий и сильный Берлап отлично справлялся с работой.

Старые кости подсказали аббату, что снаружи выпал снег. Сняв с колышка теплый домотканый плащ, настоятель отправился наверх.

Брат Грисом уж давно хлопотал на кухне. Он оторвался от трудов и помахал припорошенной мукою лапой раннему гостю:

— С добрым утречком, батюшка настоятель. А снаружи-то снежок!

— Здравствуй, Грис, — ответил Монотон, подошел к котлу и, помешав в нем поварешкой, наполнил две миски овсянкой. — Я, ежели позволишь, ночной вахте кашки отнесу.

Грисом, толстая мышь-соня, щедро сдобрил одну из порций медом. Над второй миской он энергично затряс сделанной из тыквочки перечницей.

— Жгучего корня Командору побольше, — бормотал он при этом не то аббату, не то самому себе. — А сейчас небольшой сюрприз для веслохвоста. — Он добавил щепотку из другой коробочки. — Мускатный орех. Посмотрим, сообразит ли он, чего я ему тут намешал.

И аббат направился к выходу из кухни с подносом, нагруженным двумя мисками, теплым ореховым хлебом и кружками с горячим мать-и-мачеховым чаем.

Снаружи все еще валил снег. В темноте настоятель свернул за угол. Под ногами, обутыми в прочные сандалии, поскрипывал снег. Отец Монотон усмехнулся, вспомнив, как в далеком детстве он со сверстниками выбегал на свежий снежок, чтобы отпечатать на белой поверхности свои следы.

На парапете восточной стены закутанный в плащ Командор выдр грел лапы у переносной жаровни. Он заметил фигуру настоятеля в луче света, льющегося из окна. Сдув с усов снежинки, Командор крикнул:

— Эй, стой, кто идет, свой, чужой или съестной?

Тут же раздался и отклик:

— Друг и завтрак! Разрешите подняться?

— Сюда, сюда, на помощь голодающим! — подбодрил Командор настоятеля и заспешил ему навстречу. — Осторожно, ступеньки скользкие!

Выдра принял у ежа поднос, и оба принялись упивать кашу, стоя на крепостной стене, запорошенной снегом, и глядя в сторону леса, над которым уже светлел восточный горизонт.

— Дедуля Солнышко тоже встает. Что бы мы без него делали? — Командор ткнул ложкой в восточном направлении. — Хм, чую в каше что-то еще, кроме жгучего корня. Станный привкус, не могу понять...

— Брат Грисом так и думал, что ты не поймешь. Пусть, говорит, поломает голову. Вообще-то это орешек мускатный.

— Неплохо, неплохо, — одобрил Командор, энергично загребая кашу ложкой. — Молодец старина Грис!

Солнце, завешенное бороною огромного облака, быстро поднималось над лишенным листвы зимним лесом.

— Чудеса матушки природы, — вздохнул Командор. — Любуйся да удивляйся!

— Наш Рэдволл тоже живет и меняется с каждым сезоном, — кивнул аббат в сторону аббатства, прикрывая кашу от падающего снега. — Глянь, как свет играет на стенах.

Они помолчали, любуясь древним аббатством. Песчаник стен, поначалу пыльно-красный, с сезонами выцвел и приобрел нежный розоватый оттенок. Проемы и арки играли светом и тенью, окна вспыхивали в лучах восходящего солнца, подсвечивая укутанные снегом подоконники. К югу от главного здания, за фруктовыми деревьями и кустарниками сада, покоился под ледяным покровом пруд. Мощные стены окружают аббатство, защищая покой обитателей.

— Да, друг, чудо великое, — улыбнулся Командор, положив лапу на плечи приятеля. — А ты у нас великий отец настоятель, владыка этого чуда.

Отец Монотон поставил миску на поднос, и оба неспешно зашагали по проходу стены, направляясь на юг и к главным воротам.

— Знаешь, мне бы все же лучше хранителем погребов оставаться, — вздохнул старик еж.

— Да ты и так из них не вылезашь, — утешил Командор. — А лучше тебя все равно настоятеля не найти.

Тут с тропы раздался жалобный крик:

— Корочку хлебца для замерзших зверюшек!

Иголки отца настоятеля, казалось, засветились от радости.

— Братец Джем, я его голосок всегда узнаю!

По тропе с юга семенили к аббатству два старичка, еж и крот, закутанные в плащи с надвинутыми на глаза капюшонами. За ними, как будто сама собою, волочлась ветхая тележка.

Крот задрал голову, глядя на стоящих на стене, и вежливо коснулся лапой кончика носа:

— Хурр, добрые сэры, прощеньица просим за беспокойство, впустите старичков, пока они не превратились в снеговичков.

Командор наклонился к пришельцам:

— Чтоб мне хвостом подавиться, да это же Джем Туда-Сюда и Уолт Улепетун! Где вы бродили? О вас никак восемь сезонов ни слуху ни духу. Мы уж и не надеялись...

Еж Джем Туда-Сюда помахал лапой в варежке:

— Доброй зимы вам, кузен Монотон и Командор! Потом расскажем, где нас носило, за добрым жбаном

да в тепле очага. Впускайте нас поскорее, пока лапы шевелятся!

Командор и настоятель спустились со стены и заколотили в дверь сторожки привратника. Из-за двери высунулся брат Гордил, все еще в спальном рубаше и ночном колпаке. Он зевнул и поскреб в затылке.

— Брр, снег! Что за шум? Чего вам не спится, еще толком не рассвело...

— Встречай гостей, приятель, — объяснил причину суматохи Командор, уже отпирая ворота. — Давай пошевеливайся, помогай!

Хрустел снег под лапами, заскрипели тяжелые дубовые створки, впуская путников. Гости втащили телегу и помогли запереть ворота.

Тут распахнулась дверь главного входа аббатства, на снег с воплями восторга высыпала рэдловльская малышня. Некоторые видели это белое чудо впервые в жизни.

Аббат охнул, всплеснул лапами и закричал:

— Немедленно вернитесь! Марш обратно!

Его никто не слышал. Полетели снежки, малыши кувыркались в снегу, загребали его лапами и пробовали на вкус. В дверях показались старшие рэдловльцы с варежками, муфтами, шарфами и накидками.

— Ну-ка оденьтесь как следует!

— А кто завтра будет носом хлюпать?

— Не смей снег жевать, проказник!

Аббат пробрался к порогу, поднялся на ступеньку, повернулся к толпе беснующейся малышни и закричал:

— Немедленно прекра...

Случайный — или метко запущенный? — снежок угодил Монотону в раскрытый рот. За этим снежком последовало множество других, которые, правда, рассыпались, ударившись о широкую спину Командора, спасшего аббата и впихнувшего его внутрь. Малышня внезапно прекратила швырять снежки и помчалась к пруду, очевидно намереваясь проверить прочность льда.

— Сходи на пруд, приятель, — обратился Командор к одной из своих выдр. — Проследи, чтобы эти бандиты не провалились в воду.

Возмущенный Гордил стряхивал снег с ночной рубахи.

— Хулиганы! Ну и молодежь нынче пошла!

— Забыл свое детство, приятель? — усмехнулся аббат. — Мы, скажешь, лучше себя вели?

— Пусть пошालят детишки, — снисходительно проворчал Джем, отряхивая иголки. — Лучше отведите нас на кухню. Нельзя допустить, чтобы кузен самого аббата скончался от истощения.

— Хурр, собственные лапы поджарю на завтрак, — присоединился к нему Уолт Улепетун.

Брат Грисом перехватил поварешку и сердечно пожал лапы вновь прибывшим:

— Добро пожаловать, усталые странники. Кухня в вашем распоряжении. Мы наполним ваши желудки и согреем сердца.

Уолт пихнул Джема локтем:

— Хурр, такую речь и слушать приятно. Душа у меня уже отогрелась.

Грисом усадил гостей на стопку сухих мешков. У них перехватило дыхание, когда повар открыл большую духовку.

— Пирожки с грибами, луком и морковкой, под соусом и сырной корочкой; хлеб свежий пшеничный... Мерли, разогрей быстренько овощной суп. Хорошая у меня помощница, расторопная.

Молодая кротиха-коротышка в кружевном передничке и белом картузе присела в реверансе:

— Хурр, сию минуту!

Командор подивился аппетиту путников.

— Великие Сезоны, нам повезло, что вас только двое! Сколько же на вас голодух напало?

Джем жевал уже второй пирожок.

— Ох, друг, наших голодух не пересчитаешь. Восемь сезонов только о рэдловльской кухне и мечтали.

Уолт оторвал краюху от хлебного каравая и обмакнул ее в луковый соус.

— Хурр-ням, о расчудесном рэдловском обжорстве.

На этом беседа прервалась. Уолт и Джем посвятили все внимание еде. Ясное дело, сначала желудок, а потом уж новости: что происходит в иных краях, какое небо над ними, чем земля дышит, каких зверей на себе носит... Аббат тем временем распорядился разжечь очаг в Пещерном зале и придвинуть к нему удобные кресла.

Немало времени провели гости в кухонном царстве Грисома. Даже малышня отбесилась на пруду и вспомнила о завтраке. Сдавшись в плен молодой белке сестре Армиле, ведавшей больницей и аптекой аббатства, они тянулись за нею нестройной цепочкой под конвоем еще двух взрослых: Кротона начальника Браффи и сестры Скривы, плотной, бодрой мыши, занимавшей пост летописца аббатства. Скрива и Браффи пытались

придать хоть какую-то видимость порядка буйной су-толоке ребячьей стайки.

— Лапы, лапы вытирайте как следует! Не толпитесь!

Командор только ухмылялся, глядя на беспокойную ораву. Малыши встряхивались, брызгая снегом и каплями воды, толкались, суетились, но мало-по-малу продвигались в столовую, все острее ощущая необходимость подзаправиться.

— Сестра Армила! — крикнул Командор, чтобы перекрыть шум малышей. — Кротоначальник, Скрива! Когда отделаетесь от этой чумы, подходите в Пещерный зал, Джем и Уолт выступят с новостями.

— Спасибо, Командор! — откликнулась сестра Скрива, подпихивая отстающих. — Только захвачу письменные принадлежности, может, удастся записать что-нибудь важное.

Васом позже все жадные до новостей обитатели аббатства собрались в Пещерном зале. Джем Туда-Сюда в очередной раз приложился к кружке подогретого Октябрьского эля, почмокал губами, улыбнулся окружающим, сосредоточился и степенно повел речь:

— Да, добрые мои друзья, последние две зимы выдались нелегкими. Остальные сезоны — хоть куда. Свежая весна, теплое лето, осень уютная... Жизнь текла себе своим руслом, пока этой последней осенью не вывела нас на след огромного странного существа. Верно я говорю, Уолт?

— Хурр, верно. Станный зверь, страшный зверь, очень, очень страшный, сказал бы я. — И Уолт в полудреме уставился на пламя очага, как будто силясь в его извивах и всполохах разглядеть очертания странного существа, о котором завел речь его спутник.

Сестра Скрива спешно ткнула перо в чернильницу.

— Станный и страшный... Пожалуйста, продолжайте. Опишите точнее, если сможете.

Джем тоже уставился в очаг, как бы прося у него подсказки.

— Солнечное было утро, да, солнечное... Туман... даже не туман, так, дымка легкая. Топали это мы вдоль берега морского невдалеке от Саламандастрона, горного оплота барсуков. Ну, пляж, песочек, рифы... И наткнулись на разбитое суденышко. Поинтересовались, знамо дело. Верно я говорю, Уолт?

Старый крот уже не слышал вопроса. Сытый и утомленный, он не смог сопротивляться нежным объятиям мягкого удобного кресла и мирно засопел, погрузившись в спокойный сон.

Джем улыбнулся и продолжил рассказ:

— Ладно, постараюсь один справиться. Суденышко, значит. Да просто лодка большая, можно сказать. Один прямой парус... Уж и не парус, лохмотья одни остались. Мачта сломана, да и все там в щепки разнесло, прямо на скалу выкинуло. Бочонок из-под воды и тот вдребезги. Ну, следы ясные, отчетливые. Всего один зверь, но зато здоровенный... и непонятный. Лапы громадные, с кривыми острыми когтями, длиннее и острее, чем у барсука. Отпечаток размытый, стало быть, шерсть на лапах длинная. По весу и размерам — ни дать ни взять большой барсук.

Джем призадумался, и аббат воспользовался паузой:

— А в Саламандастрон вы что, совсем не заглянули?

— Как же, как же! Гостили в конце весны. Все у них по-прежнему, слава сезонам. Барсук-правитель там леди Мелема. Она прислала всем вам привет, наилучшие пожелания, как водится, велела передать... Да, и подарок приготовила, чтобы не забыть.

— О, подарок! — оживился брат Гордил.

Джем приложился к кружке.

— Помните, гостила у нас тут леди Мелема со своими боевыми зайцами Долгого Дозора... Колокола наши как раз спустили с колокольни, чистили их, а канаты колокольные чинили. Помните, конечно.

Кротоначальник Браффи печально покачал бархатистой головой:

— Хурр, на сей раз не довелось леди Мелеме послушать наши колокола. Помню, жалела она об этом шуме колокольном. Да сказала, что надо чем-то время отмечать, пока колокол не бухает.

— Вот для этого, чтобы время бумкать, она и готовит вам барабан!

— Барабан! — Сестра Скрива подняла голову от пергамента.

— Да какой барабан, мэм! — Джем даже заворочался в кресле. — При мне мастерили. Кожа акулы, выкинутой штормом на берег. И ее же кость для ребер использовали. Зайцы в кузнице вбивали золото и серебро, украшали бока. Затейливый такой узор. Чудо-барабан, просто сказка!

Аббат Монотон сцепил лапы в широких рукавах своего одеяния.

— Надо будет приготовить для леди Мелемы какой-нибудь ценный подарок. Платье златотканое да бочонков сливянки-бузиновки... ей наша бузиновка очень по душе пришлась.

Сестра Скрива еле дождалась, пока аббат договорит.

— Верно, отец настоятель, но вернемся к событиям на побережье. Значит, Джем, вы с Уолтом пошли по следу.

— Да, мэ. Видно было, что зверь торопится, хочет удрать от берега. Как будто за ним погоня. Мы, дело ясное, никуда не спешили, медленно, но верно двигались. Нас с Уолтом никакой зверь торопить не заставит. След от берега — и мы от берега, след в холмы — и мы в холмы. По пустошам, через речки вброд, по ручьям... Не один день вели мы этот след. Добрались уже до северо-западных окраин Леса Цветущих Мхов. — Джем пригубил эль и причмокнул. — Да, вечерело, когда мы к лесу выбрались. Слава сезонам, что успели. Страшный шторм налетел с моря, буря невиданная. Спрятались мы под скальным выступом, сидим спокойненько, только от грома вздрагиваем.

— Только пять ночей прошло с той грозы, — уточнила сестра Армила.

— Точнехонько, милая мисси. Не то б мы на два дня раньше до аббатства добрались.

— И вы нашли этого зверя? — спросил аббат.

— Нашли, братец. Как раз наутро после большой грозы. След... да какой уж там след после такой бури! Все подчистую смело да смыло. Нутром гадали, ну, и не подвело нас чутье нутряное. Старик Уолт слышал шумок какой-то... Стон, не то ворчанье. Прибавили мы шагу, и вот он, под стволом гнилого клена, — прямо на

беднягу деревяга рухнула. Хребет, должно быть, раздробила. Помирал зверище. Похож на барсука, только лапы толще и короче. Морда острая, вроде как у ласки, сам здоровенный, черноватый-коричневатый, по обоим бокам полосы посветлее до самого хвоста. Хвостище, что у твоей белки! А зубы да когти — страх смотреть! Скалится, зубищами клацает, как будто дерево прокусить хочет, освободиться. Кровь в жилах стынет, как вспомню.

Кротоначальник Браффи прервал наступившую паузу:

— Понятно, сэр. Хур-хур, а вы с Уолтом что сделали?

— А что мы могли сделать? Выбор-то небогатый. Он увидел нас, зарычал позлее, погромче. Да дерево такое — сотня зверей не сдвинет. А и убери его, так он все равно не жилец, двинуться не сможет, так мы поняли. Ну, мы к нему чуть поближе — друзья, мол, вреда от нас не будет. Он только рычит: «У Аскора нет друзей! Подойдите поближе, и я вас в клочья разлохмачу! Аскор убивает врагов, а враги его — все на свете». Вот ведь как.

Джем оглядел своих слушателей.

— Уолт бросил этому страшилиле флягу с водой — он ее обратно зафитилил. Я ему палкой краюху хлеба подвинул — то же самое. Можете себе такое вообразить? Подыхает ведь со сломанным хребтом, а отказывается от еды и дружеской помощи. Я разозлился и дураком его обозвал. Тут он вроде аж повеселел. Засмеялся! «Дурака еще увидите. Приползет Гуло, так скажите ему, что не видать тупице Бродячего Камня. Скоро Аскору конец, тогда вы меня сожрете, а сейчас пошли вон, надоели».

— Сожрать себя предложил? — ужаснулась сестра Армила.

— Точные его слова, мисс. Ну, я сказал, что питаться им мы не собираемся. Он снова засмеялся, послабее, и обозвал нас дураками и слабаками. Мол, росوماхи всех врагов съедают, а враги у них все на свете. И потому они, росوماхи, такие сильные. А когда Гуло его найдет, есть больше нечего будет. И надо будет этому Гуло сказать, что Аскор победил, что Бродячий Камень принадлежит ему навеки. А Гуло Бродячего Камня не видать.

— А дальше? — подбодрил рассказчика аббат Монотон.

— Да ничего дальше. — Джем откинулся на спинку кресла. — Мы узнали, что имя его Аскор, что он росوماха. Больше он с нами не толковал. Лежал и ждал смерти. Бормотал про своего Гуло и радовался, что не видать тому Бродячего Камня. Я послушал-послушал, да и спросил его, кто такой Гуло и что это за камень такой. Помолчал Аскор, подумал, потом заговорил все-таки.

Сестра Скрива обмакнула перо в чернильницу, готовая продолжить запись.

— И что же он сказал?

— Он сказал: «Гуло — мой брат, самое свирепое и кровожадное существо на свете. Живем мы во льдах за Великим Холодным Морем. Правил страной наш отец Драмз, хотя и одряхлевший от многих сезонов. Все повиновались ему, потому что владел он Бродячим Камнем. Отец решил оставить Бродячий Камень нам обоим, чтобы мы после его смерти вместе правили страной. Но Гуло рассудил иначе. Он убил отца и захватил Бродячий Камень. Я, Аскор, украл Камень, и брат стал моим смертельным врагом. Его поддерживают песцы — (это белые

лисы такие у них на севере) — и горностаи. Мне пришлось спасаться, и я пустился в море. Конечно, Гуло гонится за мной, ведь без Бродячего Камня страной править не положено. Но когда он здесь объявится, меня уже не будет в живых, а Камня ему не видать. Аскор победил!»

Джем прервал рассказ. На этот раз никто не нарушил молчания. И он заговорил снова:

— Спросил я его, куда он дел этот камушек. Ответа не ждал, так спросил, для разговору. Но вот его точные слова. Запишите, сестра, пока я не забыл.

Я встал, где солнце с неба — бух! —
И по камням плясать пошло,
Где малый лист большой убил,
Где землю дерево нашло.
Там, где сын Драмза не найдет,
В укромный уголок,
Великий символ власти —
Бродячий Камень лег.

Джем покосился на аббата.

— Загадка, так я понимаю, братец?

— Да, стишок-загадка. А что потом было?

— Аж вспомнить страшно. Аскор вздыбился, зарычал: «Я победил тебя, Гуло! Посмеюсь над тобой, когда встретимся за Адскими Вратами». Обхватив всеми четырьмя лапами ствол, — а вы бы этот ствол видели! — он его, клянусь, приподнял! И рухнул мертвым. Должно быть, доломал себе хребет. Могилу ему вырыть нам не под силу было, так мы его землей да листвою закидали, прикрыли, где лежал. И отправились в аббатство. Сле-

дов не оставили, старина Уолт в заметании следов толк знает. Так что хвостов за нами никаких не ожидается.

— То есть этот злой Гуло может появиться здесь? — забеспокоилась сестра Скрива. — Вдруг он вообразит, что вы с Уолтом нашли его Камень?

Командор ободряюще похлопал сестру Скриву по спине:

— Не беспокойтесь, мэм, Уолт — настоящий лесных дел мастер. Его маскировка даже голодную змею обманет. Так ведь, отец настоятель?

— Командор прав, сестра Скрива. По следам наших товарищей этот Гуло сюда не придет. Тем не менее я бы просил присутствующих не рассказывать об услышанном, чтобы зря не волновать аббатство.

Кротоначальник Браффи поднес ко рту свой роющий коготь:

— Хуш-ш-ш, дамы и господа, сэр Джем чуток прикорнул.

Голова Джема склонилась на подушки кресла под грузом усталости, сытной еды, эля, тепла и уюта. Осторожно вынув из лапы заснувшего ежа кружку, аббат пробормотал:

— Утомились, бедолаги. Пусть отдохнут. А мы пока можем поинтересоваться, что замышляют наши мелкие разбойники.

Потихоньку, на цыпочках все покинули Пещерный зал. Последними вышли отец Монотон и Командор. Закрывая дверь, Командор пробормотал аббату:

— Ночные огни на стенах временно отменим. Охрану я проинструктирую. На всякий случай усилим бдительность.

— Верно, друг мой. Я на тебя надеюсь, — прошептал аббат и пожал мощную лапу выдры.

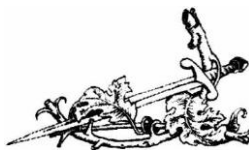
Позавтракав, малышня снова выбежала на снег. В аббатстве воцарилась тишина. Со столов в Большом зале уже убрали, большинство взрослых тоже вышли наружу. Конечно же, все делали вид, что вышли только для надзора за детишками и первый снег их вовсе не интересует.

Аббат прошелся по вытертым плитам Большого зала и остановился перед гобеленом с портретом Мартина Воителя, героя-освободителя их Лесов, одного из основателей аббатства. Много сезонов прошло с тех пор, но Мартин оставался духовным покровителем Рэдволла. Его меч висел на стене между двумя скобами, а хозяин меча мудрыми, добрыми, но внимательными глазами следил за сменой событий и поколений. Он смотрел в глаза каждому из находившихся в зале, следил за тобой, в каком бы месте зала ты ни оказался.

Снаружи доносился шум веселья взрослых и детей. Дороги были эти звуки сердцу отца Монотона. Он поднял глаза к портрету покровителя аббатства и прошептал:

— Не дай судьбе сыграть с твоим аббатством злую шутку, Мартин, прошу тебя.

Слегка подмигивали фонари, гобелен колебался от ветра, врывавшегося сквозь открытую дверь, но изображение Мартина не шевелилось. Уверенно и непоколебимо стоял древний воин на страже своего детища, ныне, как и во все прежние сезоны.

Королевство, подвластное Его Величьею Величеству Аральтуму и его супруге Идге, ограничивалось небольшой рощицей из буков, орешника и всяких разных березок, сосен да елок. Роща эта находилась в двух лигах от Саламандастроны, древней крепости барсуков, и недалеко от места, где Джем и Уолт нашли разбитую лодку северной россомахи Аскора.

Титулом короля тщеславный толстяк Аральтум наградил себя сам, одновременно пожаловав титул королевы своей высокомерной и плохо воспитанной половине. Очень они подходили друг дружке. Появилась парочка тщеславных

белок в этой рощице около дюжины сезонов назад и завладела территорией с помощью наемников, предлагавших свой меч и службу в обмен на возможность безбедной жизни в кронах изобилующих плодами деревьев. Королевский двор расположился в центре рощи. Аральтум и Идга развлекались, выдумывая множество мелких церемоний, законов, актов, штрафов, соблюдение которых обеспечивали все те же «солдаты удачи».

Однажды утром Ее Беличье Величество Идга сообщила, что весна в разгаре. Снег быстро исчезал даже из самых затененных закутков рощи, птицы распевали в кронах деревьев, их щебету вторило журчание ручейков, сбросивших ледяной панцирь. Земля снова примеряла весенний наряд. Новый сезон — новая церемония. Разметка границ! Много зимних вечеров убили Их Беличьи Величества на разработку деталей этого великолепного празднества. Церемониальный марш к границам королевства. Начало — в Столичной Резиденции, затем — круговой обход, осмотр и учет земель, возвращение в Резиденцию, торжественная праздничная трапеза. Разумеется, все под музыку, с пением, торжественными речами, написанными за зиму. Идга в течение зимы подгоняла служанок, готовивших королевское знамя. Ах, какое получилось знамя! Золотистое поле с голубым краем, означающим море. Шесть зеленых деревьев напротив голубой полосы — символ сухопутных владений. В центре — два скрещенных беличьих хвоста, символы Его и Ее Беличьих Велиществ короля и королевы.

В самом начале праздника королевской чете под одобрительные возгласы преподнесли новое знамя, прикрепленное к ивовому древку. Идга выполнила

изящный реверанс, оступилась и приземлилась на свой обширный зад. Порыв свежего ветра чуть не снес с ног Аральтума. Два капитана, Муштрик и Чумик, спасли знамя и Его Величество, придворные дамы и слуги подняли Ее Величество, и церемония продолжилась как ни в чем не бывало.

Король приступил к своей речи:

— Гм... Э-э... У кого не замрет душа при виде нашего королевского штар... штандарта? Невольно почтительно склоняются головы, вздымаются хвосты в порыве энзутити... энтузизи... энтузиазма. Сердца бьются чаще, а дышится вольнее... Широки просторы родной рощи... Нет на свете другой такой страны... гм, я, во всяком случае, другой такой страны не знаю, где так вольно...

Паузы королевской речи благодарные слушатели то и дело заполняли воплями восторга.

— ...и вселяет ужин... то есть ужас — в трусливые душонки ничтожеств, посмевших посягнуть на нашу нерушимую Родину, э-э, на мое королевство.

На глазах особо восторженных дам заблестели слезы.

— Этот всепобеждающий стяг будет вечно развеиваться над просторами королевства символом несравненной красоты и мудрости королевы Идги и мощи, мужества, бесстрашия ее короля, великолепно...

Здесь он поднял обе лапы, потому что подданные единодушно завопили:

— Да здравствуют королева Идга и король Аральту-у-у-ум!!!

Процессия запетляла между деревьями. Во главе шествовал Его Величество, за ним Муштрик и Чумик несли королевское знамя. Далее следовали шестеро

приближенных, за которыми резвилась толпа скомо-
рохов, во всю мочь распевавших хвалебную песнь Их
Величествам (сочиненную Идгой и Аральтумом все в
те же зимние вечера).

У самых корней громадного каштана, в кроне ко-
торого размещался королевский двор, внимательный
взгляд мог обнаружить крепкую дверцу. За нею спря-
талась каморка для содержания под стражей всяческих
злоумышленников, «инакомышленников» и прочих
нежелательных негодяев.

Толстяк Дуги Дикий приник к глазку в дверце, по-
том прислушался внимательнее, немного послушал
еще, затем не выдержал, отвалился от двери и захохо-
тал, придерживая свое огромное брюхо.

— Го-го-го, ты бы послушал, что они там выпевают
этой бочке сала.

Так непочтительно Дуги отозвался о Его Величе-
стве, полностью пренебрегая своим прозвищем и осо-
бенностями собственного телосложения. А обращался
Толстяк Дуги к высокому, поджарому товарищу по ка-
мере.

— Го-го-го-ох, Там, красавчик, хотел бы ты там
сейчас подвывать эту бредятину, хвалить Их Вели-
чества-идиотичества, а потом на пиру ням-ням-ням
всякую вкуснятину, а?

Капитан Рэкет Там МакБерл лениво повернулся
на другой бок, вытянулся на узкой скамье.

— Не-е, Дуги, я уж как-нибудь без пиров обойдусь,
лишь бы не шаркать вокруг этой жабы. Сами сочинили
свои дурацкие куплеты, пусть сами и твякают.

Северный акцент МакБерла не столь резок, как у
потомственного горца Дуги. Это и понятно, ведь Рэкета

Там родом из Приграничья, отделяющего горы от холмистых равнин.

Дуги тоже растянулся на скамье.

— Эх, Мак, дернула же нас нелегкая направиться с милого севера в сторону южную, продать свои клинки таким идиотам, как эти королек и короедка.

Там сухо усмехнулся:

— Не горюй попусту, крошка Дуги. Ведь тогда это казалось нам делом стоящим. Нет худа без добра.

Дуги рассеянно поскреб хвост:

— Не спорю, только в последнее время добро какое-то мелкое, не разглядишь.

МакБерл шагнул к двери и постучал в нее:

— Эй, Петлик! Долго нас здесь еще мариновать будут? Мы, бедняжки, оголодали, того и гляди отощаем.

Петлик, боевой товарищ Дуги и МакБерла, сочувствовал заключенным. Он пожал плечами:

— Извини, Там, придется дожидаться конца всей тягомотины. Потом мы вас должны отконвоировать к Величествам, они вас судить будут за государственные преступления. Я и отведу. Приказ, ничего не поделаешь, ребята.

— Преступления? — наивным тоном удивился Там. А через что я это такое переступил?

Петлик ухмыльнулся:

— Уж нарушение субординации-то как пить дать, капитан МакБерл. Отказ нести знамя на церемонии... А короля обозвать... молчу-молчу, не повторяю. Ты наш лучший боец, Там, не спорю, но нельзя же короля-то так, все же начальство.

— А я тогда за что страдаю? — донесся из камеры обиженный голос Дуги. — Я об этом придурке и олухе короле за всю жизнь словечка дурного не молвил.

— Га-га-га, — заржал часовой. — А королеву сварливой старухой кто обозвал?

— Да брось ты, все так говорят, — поморщился Дуги.

— О ней говорят, но не ей, разница есть какая-то, сам понимаешь, — объяснил Петлик непонятливому горцу, опершись о копье. — Да вы лучше сосните на лавочках, ребята, за мое здоровье. Я бы сам поспал часок-другой, да на посту не положено, вас надо караулить.

Рэкета Там и Дуги так и сделали. Свернулись на лавочках, лежали, думали, засыпали, просыпались, опять засыпали... Оба они покинули родные северные края жестокою зимою. Голод и хищная нечисть погубили множество белок в тот недобрый сезон. Родни у них не осталось, молодость и склонность к приключениям, жажда новых впечатлений выгнали их из родных краев. Они случайно встретились в пути, дальше отправились вместе. Дорожные приключения сплотили их, выковали боевую пару.

На территории Аральтума пришельцев сразу заметили и встретили дружелюбно. Его Величество оценил их бойцовские качества. Живописная роща с лужайками, кустами, неисчерпаемыми запасами пищи, бодрящим морским воздухом понравилась молодым странникам, они поступили на службу. Быстро продвигаясь по служебной лестнице, Там вскоре стал доверенным рыцарем-чемпионом короля. Имена МакБерла и Дуги стали известны за пределами их крохотного королевства, нечисть стала обходить рощицу стороной, жизнь устоялась, успокоилась, и военные подвиги уступили место надоедливому и мелкому придворным дразгам, раздражавшим бывалых бойцов. И вот за день до ве-

сеннего королевского торжества случился скандал, и их заключили под стражу по тем же законам, которые они должны были поддерживать силой оружия.

МакБерл и Дуги снова задремали, но тут раздался стук в дверь. Дуги уселся, обмахнул физиономию хвостом и заворчал:

— Ну, что там еще? Отдохнуть спокойно не дадут...

Петлик затарабанил в дверь копьём:

— Вылезайте, хватит дрыхнуть. Идга вызывает. Что-то случилось, не знаю, что именно, но какая-то гадость.

Там поднялся и принялся неторопливо обматываться пестрым — коричнево-лилово-зеленым — пледом: сначала вокруг пояса, в юбку-килт, затем вокруг груди, наконец, перекинул через плечо в виде плаща. Он подмигнул Дуги:

— Идга вызывает? Что ж, неплохо было бы, если б она нам еще и угощение приготовила... Но надо ведь выглядеть как следует, не бежать же к Ее Величеству растрепами, так, Дуги?

— Ну, пошли, пошли! — поторапливал Петлик, стоя в проеме распахнутой двери. — Сказано — срочно!

Дуги воткнул в берет маленькое орлиное перышко, плюнул на лапу и пригладил хвост.

— Эк, хвост раскосматился! Королева на бал вызывает, надо бы расчесать как следует.

— Ребята, кончайте валять дурака, она ведь потом на мне отыграется! — взмолился Петлик.

Там туго затянул широкий пояс и лихо сдвинул набок берет.

— Ну, друг Дуги, мы готовы предстать пред очами Всебелъчайшего Величайшего!

Дуги четко отсалютовал хвостом.

— Как девицы на танцульки!

Там галантно поклонился Дуги и указал на дверь:

— После вас, сударыня! Шаго-оум... аррш! Левой! Левой! Хвосты равняй! Плечи прямо, грудь вперед!

Они отпечатали шаг-другой и разом прыгнули на могучий ствол старого каштана.

Крона каштана сплеталась с ветвями соседних деревьев, образуя таким образом королевский двор — обширное пространство, на котором в момент появления государственных преступников творилось нечто невообразимое. Растрепанный, хнычущий Аральтум дрожал, завернувшись в одеяло. Идга валялась на спине в полуобморочном состоянии. Вокруг нее хлопотали служанки, обмахивали ее папоротниками и умащали лапы розовой водой. Белки без толку носились взад-вперед; кто-то собирал пожитки, кто-то пытался спрятаться. МакБерл сразу подошел к Аральтуму и резко спросил:

— Что здесь происходит, во имя всех сезонов?

Не обратив внимания на вопиющее нарушение придворного этикета, король всхлипнул:

— На нас напали... Чудовища, варвары, бандиты... Похищено королевское знамя!

Придворные и слуги хором завопили и запричитали. Дуги зыкнул, перекрыв их вой:

— А ну, все заткнулись!

Идга повернула к королю заплаканную мордочку, лопоча:

— О дорогой мой, что эти убийцы с тобой сделали?! Ва-а-а-а!

— Замолчите, мэм! — поморщился Там. — Попробуйте вести себя как подобает королеве. Ваш супруг жив и здоров. Где место происшествия, Муштрик?

Упавший духом Муштрик, нянча ушибленную лапу, пробормотал:

— На западной окраине, возле скал.

Там повернулся к Дуги:

Слтай туда, глянь — и сразу назад.

Дуги мгновенно исчез в листве соседних деревьев. Там снова обратился к дрожащему королю:

— Скажите, что вы видели?

Аральтум панически взвизгнул:

— Их были сотни! Белая нечисть! Они окружили нас и напали без предупреждения. Гуло, Гуло их во-жак. Меня чуть не убили! Слышите, чуть не убили! — Он зарыдал и рухнул, содрогаясь в конвульсиях.

Там поморщился, повернулся к Муштрику, приподнял его за плечо:

— Капитан Муштрик, возьмите себя в лапы и доложите.

Но Муштрик все еще не мог прийти в себя. Он растирал поврежденную лапу и стоял перед МакБерлом, не поднимая глаз.

— Кошмар какой-то, — пробормотал Муштрик. — Мы только вышли из-за деревьев... Я и Чумик — знаменосцы. Ну, флейты воют, скоморохи вопят... Вдруг — из засады, вмиг — белая нечисть... белые лисы и белые горностаи. Главный у них Гуло, они все орали его имя. У нас никаких шансов не было. Какой уж тут флаг! Мы с Сосновым Зубом схватили короля в охапку — и вверх, в кроны... Лапу-то я просто ушиб. А наши все перебиты. Нечисть вопила и хохотала, чисто бешеные. Нет,

такого не забыть никогда, никогда... — Муштрик всхлипнул и замотал головой.

Опытный боец, пожилая белка Сосновый Зуб неподвижно сидел в сторонке, не обращая внимания на кровоточащую рану на плече. Там повернулся к нему.

— Нет, Мак, мне нечего добавить, — покачал головой Сосновый Зуб. — Все случилось слишком быстро.

— Займись раной, друг.

Сосновый Зуб покосился на рану, как будто только что ее заметил.

— Клинки у них кривые, кривее сабель, на серп похожи. Этот Гуло сразу убил Чумика. Тот только взвизгнул, как дитя, бедняга.

Тем временем королева Идга опомнилась настолько, что сурово обратилась к Таму:

— Моего бедного Аральтума чуть не убили. А вот вы где были в это время, капитан МакВерл?

Рэкеті Там резко повернулся к Идге:

— Сидел в каталажке под замком, потому что не хотел играть в ваши дурацкие игры, мэ! Не помните? Верните наше оружие, вы его конфисковали.

Сосновый Зуб, не дожидаясь распоряжения Величеств, приволок большой мешок, зубами сорвал завязку. И вот уже на поясе у МакВерла — палаш с защищенной рукоятью, за спиной — длинный кинжал, заменяемый северянами для ближнего боя. Малый кинжал с черной рукоятью, украшенной янтарем, Там приспособил за пучком перьев на берете. Наконец, за левым плечом его повис малый круглый щит.

— Вот теперь я чувствую себя полностью одетым. Сейчас Дуги примчится, тоже завершит туалет.

Дуги, вернувшийся вскоре, занялся своим вооружением. МакБерлу он тихо шепнул:

— Да, брат, резня там случилась, а не битва.

— У нападавших потерь вообще не было? Ты их видел?

— Никого не обнаружил, — покачал головой Дуги.

— Но следов они оставили достаточно. А из наших в живых никого не осталось.

Там указал на Идгу и Аральтума:

— Дуги, возьми оставшихся и проводи туда этих двоих. Пусть посмотрят, к чему приводят их дурацкие игры. Я пойду вперед, ознакомлюсь с обстановкой, пока след не остыл.

Там исчез в листве, а Аральтум, несколько оправившись, вдруг возмутился:

— Как он смеет так себя вести, ведь я король!

Дуги содрал с короля одеяло и рывком поставил его на задние лапы.

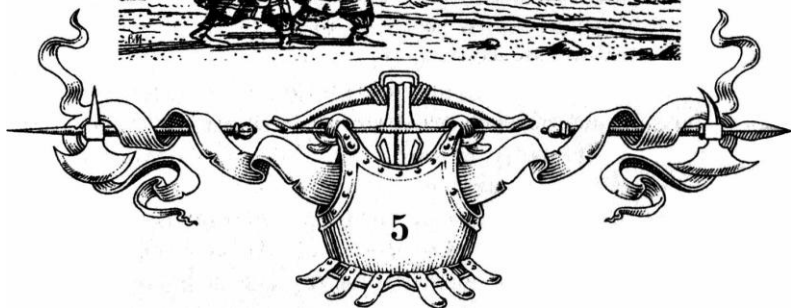
— Дурак ты набитый, пень гнилой, а не король. Пошевеливайся!

— Негодяй! — вспылила Идга. — Я прикажу бросить тебя в тюрьму! Охрана, взять его!

Никто даже не пошевелился. Дуги свирепо оскалился на Идгу:

— Ой-ой-ой, напугала! Шевели своим жирным подхвостьем, не то я тебе пинком помогу.

Дэкеті Там вніматэльна ізучал месці стычкі с вразом. Он асматрэл кажды кустік на акраіне рошы і заглянуў пад кажды камешек на пляжэ. Потом взгляд его абратіўся к берагавой кромке. На не-большом расстоіанні друг ад друга — два караблекрушэня. Мелкое судэ-нышко, ужэ разбітае волнамі в шэп-кі, а радом — чатырэхмачтовы гігант с пробойнай в носу, возле форштэвня.

Прыбыў Дуці с каралевскай чэтой і другімі белкамі. Он махнуў лапай в сторону парусніка:

— Должно быть, на этой посудине они прибыли. Только проку от нее теперь...

Там прищурился.

— Проку от нее точно не будет, если мы поможем огоньком. Попозже с факелами к ней наведемся.

Он отвернулся от берега.

— И вправду побоище... Нечисти около сотни, сплошь лисы и горностаи, да еще один здоровенный зверь, главный, конечно.

— Быстроногая нечисть, — отметил Дуги. — Как будто ветром сдуло.

МакБерл повернулся к Аральтуму:

— Сколько зверей участвовало в церемонии?

Король пожал плечами:

— Откуда я знаю?

— Конечно, какая ему разница, свою шкуру спас, и ладно! — с презрением бросил МакБерл и обратился с тем же вопросом к Сосновому Зубу.

— Этак с три десятка голов было со всеми скоморохами да музыкантами.

Идга раздраженно захлопнула свой веер.

— Действительно, какая теперь разница? Они всё равно все погибли.

— Ни одного убитого с их стороны, все наши, — размышлял МакБерл. — Значит, тридцать. А здесь только восемнадцать. Если считать тебя и Муштрика, то десяти не хватает, — сообщил он Сосновому Зубу.

Старый воин оперся о копьё.

— Восемнадцать?

— Сосчитай сам. Дуги, глянь-ка за деревьями там, к северу.

Идга вдруг горько зарыдала.

— Наше прекрасное знамя! Почти целую зиму мы над ним корпели. И теперь нам его не видать как своих ушей?

— Не переживай так, дорогая моя, — успокаивал ее Аральтум. — Капитан МакБерл его скоро найдет.

Стиснув зубы, капитан МакБерл едва сдержал гневную отповедь двум законченным идиотам, королевской чете. Тут раздался голос Дути:

— Мак, наведайся-ка сюда!

Рэкеті Там направился к окраинным деревьям. Дути, прикрыв рот лапой, разгонял мух, роящихся над останками белок.

— Кошмар, друг. Мало что осталось, кроме черепов разбитых. Вот и наши капитаны тут. Кости обглоданные, шерсть клочьями... Да, самая гнусная нечисть на нас напала, мясоеды.

Мрачные и ожесточенные вернулись Дути и МакБерл к группе белок. Самое неподходящее время выбрал Аральтум для своего выступления.

— Ну как, найден мой королевский штандарт? Он в целости и сохранности? Королева затратила много уси...

Его Беличье Величество врезался спиной в древесный ствол. Выпучив глаза, он разинул рот, но дышать не мог, так как глотку стальным капканом сжимала лапа Рэкеті Тама. Между королевскими зубами, разжимая их, просунулся острый конец боевого кинжала.

— Гнусный слизняк, мерзкая тварь! Три десятка покойников его не волнуют, он толкует о какой-то идиотской пестрой тряпке! Я тебя прикончу, чтобы больше не общаться с таким тупоголовым ублюдком.

— Давай-давай, Мак! — подбодрил друга Толстяк Дуги. — Срежь с его плеч это безмозглое ведро жира.

Как ни странно, вмешательство друга привело к прямо противоположному результату. Рэкет Там опустил кинжал, отшвырнул оцепеневшее от ужаса тело и вытер лапу о килт.

— Убил бы я его, Дуги, и чем я тогда лучше нечисти? К тому же эта дурацкая присяга... Да и хлеб за его столом мы ели.

Хрипя и кашляя, король растирал горло, помятое железной хваткой капитана.

— Верно-верно, капитан Рэкет Там МакБерл. Я все еще твой король, и ты обязан меня слушаться.

— А вот я шалунишка непослушный, — гадко ухмыльнулся Дуги и вытащил палаш. — Давай-ка, птичка-королек, я тебя на голову укорочу.

Но Там удержал лапу друга:

— Не делай этого, Толстяк Дуги. Без нашего слова мы ничего не значим. Аральтум, какой ценой мы выкупим у тебя свою клятву?

Пришел черед Аральтума ухмыляться.

— Да никакой! Будете служить мне до самой смерти, жалкие меченосцы.

Идга вдруг встряла в разговор:

— Вернете королевский штандарт — и вы свободны.

— Никогда! — топнул Аральтум.

— Ты хочешь сказать, что даришь гадкой нечисти наше славное знамя? — возмутилась Идга. — О, какая низость! Какое убожество!

Дуги в притворном сочувствии покачал головой:

— Вы правы, моя королева. Столько ваших драгоценных усилий затрачено впустую, зря! Ваш супруг со-

вершенно не ценит ваш труд, он вас недостойн, Ваше Величество.

Аральтум обнял жену за плечи, но она стряхнула его лапу и разразилась рыданиями:

— Отстань от меня, чудовище! Ничтожество, а не король!

Аральтум понял, что проиграл. Он обмяк, оперся о дерево.

— Ладно, согласен. Вернете знамя — и вы свободны. Катитесь хоть к Адским Вратам. Но не раньше!

— Ваше королевское слово? — обратился Там к обоим супругам сразу.

— Наше королевское слово, — подтвердили они.

— Тогда нечего время тянуть, — решил Дуги. — Ты готов, Там?

— Всегда готов.

— Когда вы вернетесь со знаменем? — заискивающе улыбнулась Идга.

— Кто знает... Может, никогда. Убьет нас нечисть да сожрет с потрохами.

— Сожрет? — ужаснулся Аральтум.

— Запросто! Дело-то житейское, — ласково улыбнулся своему повелителю Дуги, — Глянь-ка на своих капитанов и музыкантов вон там, за кустиками, Твое Величество. Только головы и остались недоеденные, да шерсть клочками по ветру гуляет. Так что похоронить нетрудно. Хоть это ты для них можешь сделать, недоумок, они тебе верно служили и умерли за тебя.

— А-а-ах! — Идга грузно рухнула наземь в непритворном обмороке.

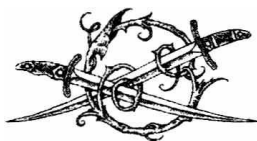
МакБерл и Дуги зашагали прочь, а Аральтум заспешил к своей любимой супруге, которую тут же принялась приводить в чувство многочисленная челядь.

— Красноречивый ты, Дуги, — криво улыбнулся МакБерл.

— Бабуля меня серебряным язычком обзывала. Я ведь птиц с деревьев могу сманивать.

— Лучше вымани у нечисти тряпку королевскую. Боюсь, для этого нужны другие средства, посильнее твоего языка. Но для начала сделаем-ка костерок из этой заморской посуды на берегу.

Тени уже удлинились, когда друзья спустились с утесов к пляжу и береговым рифам. Они направились к судну, не подозревая о том, что сквозь пробойну в носу за ними наблюдают глаза врагов.

Морская выдра Арфлоу наслаждался свободой открытого моря. Он впервые самостоятельно, без опеки старших, пустился в дальний поход. До сих пор ему приходилось плескаться лишь в прибрежных водах под присмотром родителей. Прошлой весной его семью навестили дальние родственники с южных берегов. Гости понравились Арфлоу, в особенности сдружился он с четырьмя ровесниками. Опечаленный расставанием, Арфлоу пообещал нанести ответный визит. Родители сначала и слушать его не хотели, пугали опасностями бескрайнего моря и дальнего пути. Акулы, штормы, изменчи-

вые течения... Но этой весной родилась маленькая сестренка Матунда. Родители посвящали ей все свое время и внимание, а подросток не отставал от них со своей просьбой. Наконец, однажды вечером, когда отец и мать утомились от капризов маленькой Матунды, их удалось уговорить. Конечно же, старшие всегда к своему согласию добавляют кучу условий: придерживаться берега, ориентироваться по небесным светилам, регулярно отдыхать... Арфлоу на все согласился, лишь бы вырваться на свободу.

Арфлоу об отдыхе не думал. Какой там отдых, ведь он полон сил и энергии! Да и берег уже близко, Арфлоу недавно миновал Саламандастрон. Наконец, перевернувшись на спину, он отдался на волю слабого приливного течения. Прекрасный день, приятная вода, по небу плывут барашки мелких облаков. Птицы кружат в воздухе, оживленно перекликаясь. Здоровенный баклан бухнулся в воду совсем рядом, обрызгав выдру. Арфлоу помахал птице вслед, нырнул, разогнался под водой и выпрыгнул в воздух. С громким всплеском он плюхнулся обратно и тут услышал барабан.

Бум-бу-бу-бум! Бум-бу-бу-бум! — доносилось с берега. Арфлоу повернулся на звук и увидел отряд зайцев. Длинноухие едва различались с такого расстояния. Они пели походную песню и топали по берегу под лихой барабанный бой. Юный пловец заорал зайцам и замахал лапами, приподнявшись над водой насколько возможно. Ясное дело, они его не слышат и не видят, да это и не важно. Они счастливы, он счастлив, молод, силен, здоров... это главное!

Но вдруг все изменилось. Откуда ни возьмись на зайцев обрушилось полчище странного зверья. Зайцы героически сопротивлялись, но перевес врага не оставил им ни малейшего шанса.

Бум! — прозвучал одинокий удар. Пришельцы набросились на убитых зайцев. Арфлоу не понял, что они делают, но его переполнили ужас и отвращение. Не раздумывая, выдра развернулась и сменила курс. Нос Арфлоу рассекал воду, как острая бритва режет податливую ткань. Надо срочно дать знать о происшествии леди Мелеме, правительнице Саламандаст-рона, защитнице побережья. От безграничной веселости Арфлоу не осталось и следа. Целеустремленно, быстрее, чем когда-либо раньше, он плыл к гигантской горе, маяком высящейся в отдалении.

Весна принесла в Рэдволл свои весенние заботы. Брат Демпл, опытная и умелая мышь, заведовал пасекой и управлялся в саду и огороде. Ему послушно подчинялось все растущее на грядках, кустах и деревьях возле пруда. Демпл остановился у луковых грядок, где Джем Туда-Сюда как раз втыкал в лунки рассадку.

— Очень неплохо у тебя получается, друг, — обратился Демпл к старому ежу. — Сразу видать, что тебе эта работа по душе.

Джем стряхнул землю с лопатки и выпрямился.

— Что верно, то верно, нравится мне огородничать. Думаю даже, лучше б я в огороде ковырялся, чем бродяжничал сезоны напролет. А скажи-ка, Демпл, почему бы всю рассаду сразу не высадить? Вон сколько еще осталось.

Демпл подумал, сунул в землю еще один росток и осторожно присыпал его нежные корешки рыхлой землей.

— Потому что они созрели бы все вместе и пришлось бы нам снимать рекордный урожай. А рекорды нам ни к чему. Кладовые бы ломились, а проку что? А так мы снимем сколько надо, а на освободившееся место снова посадим чего требуется. И продукт свеженький.

Он широким жестом обвел огород:

— Видишь, лук всякий разный, репчатый да трубчатый, свекла, морковка, кресс, капуста, и все разных сортов, сколько надо, но не больше.

Демпл помахал лопаткой двум малышам, которые, как казалось, собирались рвануть напрямую через грядки.

— Аккуратненько, милостивые государи! Чем могу служить?

Мимзи и Мадж перешли с галопа на рысцу, замедлились до степенного шага и остановились.

— Хурр, брат-повар сэра Грис нас послал за ягодами-картошкой-капустой для пирога с вкусной корочкой, хур-хурр.

— Тогда вам не в огород, а в кладовую. Пойдемте, мы с мистером Джемом вас проводим.

Взяв малышей за лапки, Джем и Демпл степенно направились к аббатству.

Джем сдвинул колючие брови и скосил глаза на крота-малыша.

— А скажите-ка, мистер Мадж, сэр, разве брат Грисом не сказал вам, где взять припасы для пирога? Ведь в огороде овощи еще незрелые.

Мадж хлопнул крохотной лапкой по своему бархатистому лбу:

— Хурр, веррно, сэрр! И откуда вы все знаете? Говорил он нам, да мы забыли запомнить, запаматовали.

Джем вздохнул и покачал головой:

— Ох, как я тебя понимаю, друг. Мы, старики, тоже все забываем.

Они вошли в кладовую и принялись за работу. Вскоре туда же заглянул отец Монотон.

— Привет, маленькие разбойники! Чем вы тут занимаетесь?

Мимзи нахмурилась:

— Мы не разбойники, мы овощи на кухню носим.

Аббат погладил ее по голове:

— Молодцы! А я и забыл, что сегодня у нас торжественный кротовый ужин. Вот повеселимся, правда, Демпл?

Малыши продолжали набирать припасы, а аббат подошел к своему двоюродному брату.

— Послушай, Джем, ты еще помнишь слова Аскора? Стишок-загадку о Бродячем Камне. Как она точно звучит?

Джем озадаченно уставился в потолок, как будто ожидая от него подсказки.

— Вроде солнце с неба свалится да примется отплясывать. Знаешь, честно говоря, запаматовал.

Мадж даже прекратил жевать сочную морковку.

— Хур-хур, все забыл, сонный старичок, — пробубнил он.

— Морковку тебе велели на кухню нести, а не здесь жевать, — напомнил ему Джем. — И повежливее со старшими. — Он повернулся к аббату, — А для чего тебе вдруг этот стишок понадобился?

Монотон пожал плечами:

— Хотя бы потому, что это загадка. У меня не выходит из головы этот Бродячий Камень.

Джем снял с полки кочан цветной капусты.

— Да, я тоже задумывался над значением этой загадки. Но ведь сестра Скрива ее записала, так что у нее можно узнать.

Монотон хлопнул себя по лбу:

— Какая удача, что у нас такой надежный летописец! Я ее попрошу снять копию, и мы с Гордилом займемся решением. Может, вы с Уолтом поможете?

— Конечно! И помочь мы всегда готовы, и загадки любим разгадывать. Конечно, не такие мы с Уолтом ученые, как вы здесь... Сегодня и начнем?

— Нет, сегодня не получится. Кротовый праздник! Может, вы с Уолтом тоже выступите? Песню, танец, что угодно. Фокус какой-нибудь...

Джем поскреб иголки.

— Ладно, что-нибудь придумаем. Давненько мы, правда... Пойду-ка к Уолту, поговорю с ним прямо сейчас.

Уолт Улепетун заседал в погребке с кротами Кротона начальника Браффи. Они дегустировали ромашково-щавелевый тоник и перебирали родословные — излюбленный досуг кротов. Занимательность историй всегда ценилась выше их достоверности.

Седой древний Джадж, вооруженный слуховой трубой, вытащил из поясной сумки стопку набросков на бересте и пустил их по кругу.

— Хурр, вот он, Берби Долгий Сезон, прапрапрадед моего прапрадедушки. Он, говорят, за завтраком начинал бочонок Октябрьского эля и осушал его до ужина, так я слыхивал.

Присутствующих это сообщение почему-то безмерно обрадовало. Раздался взрыв громового хохота, кроты затопали по каменным плитам пола и застучали кружками по столешнице — кто уже успел допить и не успел снова наполнить.

Джем застеснялся, увидев, что он здесь единственный, не принадлежащий к братству «хур-хур». Еж вежливо вытянул головные иглы и попятился.

— Э-э, извините, друзья... Прошу прощения.

Толстая пожилая мамочка-кротиха приглашающе хлопнула лапой по скамье рядом с собой:

— Да ладно тебе, еж — тот же крот, только с колючками.

Это замечание тоже развеселило собрание. Кто-то со смеху даже свалился со скамьи. Джем вдруг почувствовал, что тоже становится смешливым, сам не понимая почему.

— Ты, должно, хурр, меня хотел видеть, Джем? — тронул его за плечо Уолт.

Еж сморгнул с глаз веселые слезы, с трудом овладел собой.

— Ой, точно, Уолт. Братец мой отец Монотон хочет с нами разгадать загадку этого свирепого покойника Аскора. Не сейчас, завтра.

— Хур-хурр! Чем сможем, поможем, — сразу согласился Уолт, ухмыляясь во весь рот неизвестно чему. — Мы ведь и сами любители загадок.

Довольный согласием друга и утомленный беспричинным весельем, Джем потихоньку выбрался из погребка. Выходя, он услышал, как эстафету затейников принял Уолт.

— Хр-рр, есть у меня товарищ, лучше его не найти... знаете старину Джема. Так у него братец, который ему же и отец. Ха-ха-ху-ххуррр!

Сопровождаемый очередным шквалом веселья, держась за стенки и безудержно хихикая, Джем добрался до выделенной им с Уолтом комнаты и сразу растянулся на кровати. Отдышавшись, он принялся за просмотр своих нехитрых пожитков в поисках чего-нибудь подходящего для вечернего праздника. После долгих странствий ему не терпелось принять участие в таком торжественном мероприятии.

Вечером на пост возле двери Пещерного зала встали хранитель погребов Берлап и сестра Армила. Задолго до начала в коридорах и на лестнице выстроились обитатели Рэдволла, готовые к празднику. Чинно стояли и прохаживались, беседуя и сплетничая, принаряженные взрослые, носились и егозили чисто вымытые, опрятные малыши. Хор приветствий встретил аббата Монотона, спустившегося по лестнице с Джемом. Аббат облачился в бледно-зеленую рясу, подхваченную бежевым шнуром, а Джем щеголял в красной рубашке и синей шелковой накидке. Настоятель торжественно прошествовал к двери и ударил по ней трижды. Из-за двери послышалось ворчание Кротона начальника:

— Хурр, который крот скребется в дверку?

Отец Монотон приосанился и продекламировал согласно установленной традиции:

— Вас беспокоит Рэдловла аббат,
Поздравить вас он нынче будет рад.
Со мной честной звериный наш народ
На славный праздник всех кротов идет.

Дверь распахнулась, и все увидели Браффи. В широком коричневом бархатном плаще, в венке-короне из лютиков, ромашек и колокольчиков стоял Кротоначальник на пороге, подняв жезл — веточку ивы с пушистыми сережками. Улыбаясь во весь рот, он ответил сердечным приглашением:

— Добрые, родные звери,
Заходите в эти двери.
Всем кротам и не кротам
Угощенье будет там!

Наконец-то изнывающие от любопытства и ожидания рэдоволльцы попали в Пещерный зал. Организаторы праздника оставили свободным для выступающих центр зала, столы расставили вдоль стен, скамьи заботливо устлали мягким мхом. Освещалось помещение разноцветными фонарями, всюду висели цветочные венки и гирлянды.

Стол, по рэдовольскому обычаю, ломились от самых изысканных и причудливых яств. Но главным украшением праздника стал концерт. Когда из-за столов кто-то выкрикнул: «Кротоначальника с аббатом просим!» — все сразу поняли, о чем речь, и просьбу неоднократно повторил дружный хор голосов.

Кротоначальник и аббат сначала отнекивались:

— Неужто интересно снова слушать старую байку?
— Бурр, да я и слов-то не помню.
— Подскажем! — в один голос завопили присутствующие.

И вот оба почтенных обитателя Рэдволла вышли на середину зала. Кротоначальник влез на уже принесенную кем-то табуретку и принял величественную позу победоносного полководца. Аббат медленно обошел «статую» и начал:

— Аббатом в Рэдволле служу,
Его в порядке содержу.
Чтоб были мир здесь и покой.
А вы, любезный, кто такой?

Кротоначальник развел лапы в стороны и скромно ответил:

— Я просто крот.
И хор голосов повторил за ним:
— Он просто крот!

Аббат изобразил на физиономии удивление и продолжил:

— На кухне повар есть у нас,
И звонари, что каждый час
В колокола быют. Разумеете?
А вы, любезный, что умеете?

Кротоначальник окинул взглядом аудиторию и повторил:

— Я просто крот.
И снова отозвались слушатели, на этот раз громче:
— Он просто крот!!

Аббат приложил лапу к уху, как будто не расслышав.

— У нас привратник у ворот,
И в лазарете лекарь ждет,
Лечить от ссадин-синяков.
А вы, любезный, кто таков?

Кротоначалышк просто ткнул себя в грудь рабочим когтем, а зрители радостно завопили:

— Он просто крот!!!

Аббат поскреб головные иголки и покачал головой:

— Есть в погребке надежный еж,
И сторож, коего не трожь! —
И часовые на стене.
А вы-то кто? Скажите мне!

Кротоначалышк улыбнулся зрителям, которые вскочили с мест и завопили:

— Он просто крот!!!!

Аббат, казалось, потерял дар речи. Кротоначалышк, воспользовавшись паузой, поднял лапу, спрыгнул с табуретки и остановился перед аббатом:

— Верней друзей не сыщешь ты.
Кроты — они везде кроты!
Искусство тонкое мое —
Кроторытье! Кроторытье!

Рэдволльцы, стоя ожидавшие этого момента, хором складно продекламировали:

— Нору, пещеру или грот никто не выроет, как крот.

Оба исполнителя поклонились зрителям, пожали друг другу лапы и вернулись на места, отвергнув просьбы о повторении номера.

За стенами аббатства царила ночная тишина, утих даже легкий вечерний ветерок. На темном бархате неба сверкали булавочные острия звезд. Долькой абрикоса прилип к небосводу месяц. В Большом зале аббатства Мартин Воитель, освещенный двумя неяркими фонарями, берег свою мирную обитель. А в это время далеко на юго-западе свирепствовала банда нечисти под командой странного существа, занесенного судьбой из-за Великого Холодного Моря, из страны льдов и снегов.

Вокинув судно, Гуло оставил на нем двух горностаев, поручив им заделать пробоину и охранять корабль. Спрятавшись в трюме, они следили, как в сгущающихся сумерках приближаются к ним две не подозревающие подвоха белки, да еще, как по заказу, с факелами в лапах. Горностаи даже обрадовались появлению противника. Белки оторвали их от тяжких раздумий. Ведь заделать дыру не так просто, особенно если не имеешь представления, как за это взяться. А неисполнение приказа означает верную смерть.

Вытащив кривую саблю, крепкий приземистый горноста́й лизнул клинок и ухмыльнулся. Его соратник, потоньше и повыше, торопливо прошептал:

— Подожди, не убивай их сразу. Они ведь на берегу живут, может, знают, как эту дырку заткнуть.

— А и верно, отлично придумал, приятель, — об­радовался коренастый. — Зачем нам упираться? Пусть эти олухи стараются, а потом уж мы их опри­ходуем. Поживут подольше на часок-другой. Чур, толстый коротышка мой. Давно я не пробовал жир­неньких белочек, аж слюнки текут.

— Ладно, уговорил. Буду об этого жилистого зу­бы ломать. А с какой, интересно, радости эти идиоты прутся сюда на ночь глядя?

— Да какая разница?! — поморщился нелюбо­пытный коренастый. — А вот факелы они не зря за­хватили. Не надо будет с кремнем и трутом возиться. Ха, и огонек прихватили, на котором мы их поджа­рим. Ну, пошли, что ли, пора, — решил он и полез из трюма.

Подошедшие к судну МакБерл и Дуги увидели двоих противников с обнаженными клинками в ла­пах.

— Смотри, нас приветствуют гостеприимные хо­зяева, — пробормотал Дуги и выхватил палаш.

МакБерл незаметно переместил длинный боевой кинжал за щит. Помахав лапой, он бодро крикнул нечистой парочке:

— Привет вам, добрые господа! Ваша посудина? Ох, какая дыра дурная!

Коренастый горноста́й подошел поближе, под­бросил абордажный ятаган над головой и ловко схватил его другой лапой.

— Дырку заметил, не слепой, значит. Ну, вам, дурням деревенским, эту дыру заделать ничего не стоит.

Дуги нежно улыбнулся. Не обращая внимания на горностаев, он обратился к МакБерлу:

— Слышишь эту гнилую образину? Он нас за плотников принимает. Дыру ему латай. Давай ему еще одну дырку сделаем — в башке.

МакБерл закрепил факел в расщелине скалы.

— Не-е, Дуги, давай все ж починим что-нибудь, коль просит. Дырки в его воспитании, к примеру, сделаем.

Худощавый горностай, поигрывая саблей, подошел к коренастому приятелю.

— Заткните пасти и сдайте оружие. Перед вами воины великого Гуло. Повинуйтесь, и останетесь в живых.

Дуги тоже закрепил свой факел в расщелине.

— Плевать мне, кому ты служишь. Никто не смеет так разговаривать с Диким Дуги Толстяком.

Переговоры закончились, началась смертельная схватка. Высокий горностай взмахнул саблей, чтобы отхватить Дуги голову, но горец реагировал с неожиданной для его габаритов прыткостью. Он прыгнул вперед, палаш его описал сверкающую дугу, выбив саблю из лапы противника и продолжив путь к его горлу. Второго удара не понадобилось. Коренастый решил располовинить МакБерла мощным скользящим ударом сверху, но навстречу его сабле взметнулся малый круглый щит боевой белки. Вынырнувший из-под щита кинжал-дирк пронзил сердце нападавшего. За какое-то мгновение судно лишилось и охраны, и ремонтной команды.

Дуги небрежно спросил, вытирая палаш:

— Щит не повредил?

Рэкета Там внимательно осмотрел центральную пластину щита.

— Ну, еще одна зарубка в шишке, не самая глубокая. Их тут уж и не сосчитаешь. Пойдем осмотрим эту дырявую сандалию.

Они пробрались в трюм и огляделись. Дуги закрыл нос хвостом.

— Ох, и вонища же тут! — Он брезгливо покосился на заплесневевшие перья морских птиц и рыбы кости под ногами. — Этот Гуло... похоже, мы с его знакомцами разбирались.

Белки отправились осматривать палубы и отсеки судна.

— Гуло... О нем и Муштрик говорил. Их вождь. Мясоед, пожиратель трупов. Нам с ним тоже придется познакомиться, чтобы вернуть знамя.

— Ладно, будем с ним повежливей, Рэкета Там. Пошли отсюда, ничего и никого здесь больше нет.

Вернувшись на берег, друзья швырнули в пробину оба горящих факела. Уже полностью стемнело, но окрестности осветил быстро разгоревшийся громадный костер, в который превратился корабль Гуло. Пламя охватило корпус и надстройки, карабкалось вверх по мачтам и такелажу, пожирало паруса. Пользуясь отличным освещением, Там осмотрел берег.

— Они сюда возвращались после нападения на рощу. Как считаешь, Дуги, сейчас пойдем за ними или до рассвета подождем?

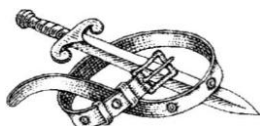
— Грех такой огонь не использовать, Там. Давай поужинаем да заночуем здесь. — И он уселся на теплый песок.

Ужин состоял из нескольких яблок и сыра. Они насаживали яблоки на острия палашей и пекли их, вытягивая поближе к полыхающему носу судна.

Поужинав, Дуги завернулся в плащ и удовлетворенно заворчал:

— Как короли живем, Там. Огонь в очаге, пол из песочка, крыша из неба ясного, на ужин печеные яблоки с сыром — чего еще желать?

Незадолго до рассвета, когда друзья спали здоровым, беззаботным сном, завернувшись в плащи и согреваемые догорающим бандитским кораблем, из тьмы вынырнули темные силуэты. Белок оглушили дубинками, примотали к древкам копий и бегом унесли по пляжу в северном направлении.

Дрифтул и его шайка из восьми речных крыс промышлял и по рекам и ручьям, не гнушаясь грабежом, разбоем, не останавливаясь перед убийством. Чаще всего они прятались в засаде, выжидали появления слабых или одиноких путников. В последнее время добыча вела себя нечестно хотя бы потому, что редко попадалась в лапы. Приходилось тяжело трудиться, собирая ягоды, вылавливая рыбу, выкапывая корешки. Вот и сейчас рассвет разбудил крыс на берегу речной бухточки с урчащими от голода животами.

Дрифтул вскарабкался по склону, чтобы обозреть окрестности. Шайка его приступила к утренним трудам. Разводили костер, собирали для него топливо, четверо шлепали по воде, стараясь изловить хоть какую-нибудь рыбешку. Вчера спать легли без ужина. Красот природы Дрифтул не замечал, ими не позавтракаешь. Зато он вдруг заметил какое-то интересное изменение обстановки. Кроншнеп на каменистом берегу клевал всякую мелкую живность. Вот от него кто-то убежал, и птица завопила от возмущения и жалости к самой себе.

Вытащив пращу, Дрифтул выбрал из сумки несколько камушков. Он постарался сократить расстояние до добычи, которая вдруг замерла и тут же двинулась дальше, туда, где ползали вкусные букашки. Дрифтул зарядил пращу и приподнялся, завертев оружие над головой. Птица подпрыгнула и взлетела. Неудачливый охотник хотел было выругаться, но вместо этого плюхнулся на пузо и замер. Он заметил белого лиса, неторопливо продвигавшегося между кустов. Дрифтул попытлся, скатился со склона и зашипел подбежавшим крысам:

— Костер засыпать! Оружие хватай! Одиночная цель!

Мгновенно оставив все дела, банда собралась вокруг атамана. Вооружение самое пестрое: сломанные ножи, заостренные палки и дубинки с привязанными камнями.

Косоглаз, названный так из-за дефекта зрения, вытянул шею в направлении ожидаемой поживы и спросил:

— Что за зверь, Дриф?

Атаман придержал Косого за хвост:

— Не кажи носа. Лис какой-то смешной, будто выстиранный. Совсем белый. И меч смешной, кривой. Мешок при нем. Жратва, должно быть.

Еще один член шайки полез вверх по склону.

— А если он с мечом в лапе родился да не из путливых?

Атаман сдернул его за хвост и наградил затрещиной.

— Цыц, кролик! Лис один, а нас куча. Меч кривой и пояс — моя добыча, все усвоили?

Он обвел шайку свирепым взглядом. Убедившись, что вопрос с трофеями решен, Дрифтул зарядил пращу и милостиво добавил:

— Жратву поделите.

Когда белый лис подошел к берегу, атаман высунулся и пустил камень, попав жертве в челюсть. Странный зверь не упал, но вскинул лапу к ушибленному месту и покачнулся, полуголущенный.

— Вперед! — крикнул Дрифтул.

Шайка бросилась на лиса. Его сбили с ног, и Косоглаз ударом дубинки оглушил добычу.

Дрифтул подоспел как раз вовремя, чтобы выбить из лапы своего бандита ржавый нож.

— Сдурел? Успеешь, сперва потолкуем.

Крысы затеяли драку над небольшим мешком пленного, а Дрифтул снял с него приглянувшийся ему пояс и кривую саблю. Сдернув с веток несколько побегов дикого винограда, атаман связал лозой лапы оглушенного лиса.

Очнувшись, связанный принялся было грызть свои путы, но чувствительный пинок заставил его обратить внимание на склонившиеся над ним ухмыляющиеся морды.

— Х-хе-хе, милашка, отлеталась, беленькая пташка! — веселился Косоглаз.

Отпихнув Косоглаза локтем, Дриф поднес к носу пленного свою новую саблю.

— Имя! — прорычал атаман.

Пленный поднял взгляд на Дрифтула, но ничего не произнес.

Дрифтул пощекотал концом сабли горло белого лиса.

— Ты немой или дурной? Я здесь главный, коль я задал вопрос, быстро-быстро отвечай ответ, не то долго-долго шкуру снимать буду. Разевай пасть! Откуда ты такой взялся?

Пленник спокойно, без всяких признаков испуга ответил:

— Из великой белой страны снегов и льдов, из-за Великого Холодного Моря.

Дрифтул Великого Моря не видел, о стране такой понятия не имел. Он рассвирепел и пнул лиса в бок.

— Мозги пудрить мне будешь? Пешком по морю пришлепал? Один-одинешенек?

— Нас великая сила, на великом корабле, великий Гуло ведет нас.

Презрение в голосе распростертого на земле беспомощного пленника раздражало крыс. Под возмущенный ропот своих бандитов Дрифтул сильно пнул лиса под ребра.

— Ну, напугал! Развеличался! Мы уже дрожим!

Шайка радостно подыгрывала атаману. Один из бродяг и вправду задрожал, имитируя испуг. Он опустился перед лисом на колени и заверещал:

— Ой, спасите-помогите! Ой, боюсь-боюсь-боюсь! Ой, напугал!

— Сейчас ты испугаешься не на шутку, о скудоумный! — высокопарно изрек пленный.

Дрифтул ударил лиса по голове плоскостью сабли.

— Не болтай, пока не спрашиваю, резвый язычок! Где ж твои великие силачи?

Лис криво усмехнулся, глядя мимо крыс на вершину берегового откоса.

— Обернись, и узришь.

Бум! Бум! Бум! Бум! Речные крысы резко развернулись и, разинув пасти, уставились вверх. Над ними нависла лавина вооруженных до зубов песцов и горностаев. Двое развернули большое пестрое знамя. Еще двое держали большой разукрашенный барабан, по которому лупило какое-то невиданное чудище из ночных кошмаров, громадное, косматое, с острыми длинными когтями, похожими на сабли его дикого войска, с горящими безумным огнем глазами. С громадных клыков чудовища свисала сосульками и канала вязкая пенистая слюна. Еще один удар: *Бум!*

Барабан замолк, зато взорвались воплем луженые глотки страшной армии:

— Гуло! Гуло! Бей-бей-бей! Гуло! Гуло! Гуло!

Косматая лапа с барабанной колотушкой вытянулась в направлении крыс, и лавина обрушилась на жалкую шайку, окружив ее плотной стеной. Такого бродяги Дрифтула не только никогда не видели, но даже вообразить были не в состоянии. Гуло со свитой проследовал мимо окруженной шайки крыс, не удостоив оцепеневших тварей даже взглядом, и уселся на берегу на услужливо подставленный ему барабан, осененный трофейным флагом. При нем остались два капитана: песец Шрад и горностаи Дирик, — и четверо ординарцев.

Крыс пинками и древками копий подогнали к воде и усадили на береговой кромке. Сидеть пришлось смирно, не поднимая глаз, не раскрывая ртов. Спина нарушителя тотчас вздрагивала от удара.

Подошел песец Зерик, их бывший пленник. Он схватил Дрифтула за шиворот и выволок из группы. Содрав с крысы свой пояс и вернув саблю, белый лис объявил:

— Предстанешь пред Великим Гуло!

Перед Великим уже развели костер. Гуло придвинулся к краю барабана, поворачивая над огнем того самого кроншнепа, который на рассвете ускользнул от Дрифтула, а теперь, сраженный стрелой одного из горностаев и насаженный на стебель камыша, готовился сослужить последнюю службу желудку вождя заморской нечисти. Гуло жарил птицу, не потрудившись ее ощипать, и мерзкая вонь паленых перьев отравляла воздух. Дрифтула швырнули к ногам Гуло, презрительно скопившегося на пленника.

— Чем ты тут занимаешься, крыса? — раздался резкий голос чудовища, и Дрифтул вздрогнул от испуга. — Имя твое как звучит?

Дрифтул постарался подавить страх и ответить как можно толковее:

— Мы тут при воде живем... господин. Рыбку ловим, корешки копаем. А звать меня Дрифтул.

Гуло уставился на крысу. Вытащив птицу из пламени, он ковырнул ее длинным когтем, проверяя готовность.

— Дрифтул... А ты видел здесь такого, как я, похожего на меня зверя?

Дрифтул замотал головой:

— Никогда в жизни не видал, не было здесь таких отродясь, нет!

Гуло рванул птицу зубами, сквозь жженные перья прокусывая ее до еще сырого мяса. Толстый стебель камыша, освобожденный от птицы, вдруг хлестнул Дрифтула по морде.

— Врешь, крыса! — взревело чудовище. — Где Бродячий Камень? Отвечай!

Дрифтул схватился за физиономию. Из глаз брызнули слезы.

— Не, господин, не вру я, ни в жизнь! Здесь никакого брода-то рядом отродясь не было, и камня какого такого... Что за камень?.. Чтоб мне водой подавиться, коль вру!

Снова свистнул в воздухе камышовый стебель, слышался визг крысы. Гуло отбросил сломанную камышину, вонзил когти в хилую крысиную грудь и подтащил Дрифтула к самой своей морде.

— Я повторяю вопрос, и лучше скажи мне, что я желаю услышать. Когда проходил здесь зверь, похожий на меня?

Дрифтул почуял дыхание смерти.

— Т-три... нет, четыре ночи назад, на восток пошел.

Гуло глубже погрузил когти в грудь жертвы.

— Камень... Большой был камень?

Дрифтул лихорадочно размышлял. В дальнейшем странствие большой камень не потащишь... Время, время выиграть...

— Не-е, не больше... яблока.

— Кто мне врет, долго не живет, — еле слышно прошипел Гуло.

Косоглаз, как и другие крысы шайки сжимавшийся в жалкий комочек при каждом новом вопле своего атамана, увидел, что тот же самый белый лис вырос перед ним. Зерик указал на него лапой, и двое горностаев схватили Косоглаза и поволокли его к костру повелителя.

— Ничего не знаю, не ведаю! — верещал Косоглаз. — Дрифтул главный, это все он, он...

Косоглаза бросили перед Гуло. Он лежал, уткнувшись мордой в истоптанную землю, не отваживаясь даже приоткрыть глаза.

— Смотри мне в глаза, крыса! — слышалось над ним жуткое шипение.

Косоглаз приподнял голову, открыл глаза, и услужливая память сразу подсунула ему сцену из жизни живой природы: неоперившийся птенец перед удавом.

— Как звать тебя?

— К... Косоглаз.

Гуло выплюнул кусок птичьего пера.

— Мм... Чем вы тут питаетесь?

Станный вопрос, неожиданный. Косоглаз попытался угадать, что следует ответить, растерялся... Но молчать еще опаснее!

— Р-рыбку... Яйца птичьи... Птичку иной раз изловим. А так все больше корешки да ягодки.

— Х-ха! выдохнул Гуло, и Косоглаза обдало волной вони из пасти мясоеда. — Сказать тебе, чем следует питаться настоящему воину? Можешь сам сообразить?

— Н-не знаю...

— Всем, что движется без помощи ветра. Птицы, рыбы, змеи, крысы...

— К-к-крысы?

— Угу. — Дикие глаза Гуло безумно сверкали, клыки обнажились.

Косоглаз слабо застонал и потерял сознание.

— Возьмите этого придурка и скормите моим воинам. Следующего сюда! — распорядился Гуло.

Подтянутый капитан Шрад, стоявший за барабаном, поклонился повелителю и почтительно заговорил:

— Мне кажется, что мы от этих тварей ничего не узнаем, о Повелитель. Твой облик замораживает кровь в их жилах.

Гуло недовольно проворчал:

— Что предлагаешь, Шрад?

— Позволь мне их допросить. Ясно, что они не видели ни брата твоего, ни Бродячего Камня. Позволь мне попытаться с этим пленным, когда он очнется. Съесть их и потом не поздно, о могущественный.

Гуло выковырял когтем остаток пера, застрявший между зубами.

— Что пользы с них, если они не видели Аскора?

— Верно выбранная приманка и терпение охотника приносят больше добычи, чем быстрая стрела. Не раз бывало, что допрашиваемые сообщали мне больше, чем сами знали. Эти звери не знают твоего брата, Повелитель, не видели Камня. Но они могут знать тех, кто видел. Они местные, могут указать, куда скорее всего мог направиться беглец. Каждый живущий что-то да знает, каждый живой может что-то сообщить. Покойника же можно только съесть.

Вождь, быстрый в битве, скорый на расправу, не любил долго размышлять. Он прищурился на капитана:

— Хитер ты, Шрад. Умны вы, песцы. М-да, умные больно... Давай попробуй.

Белый лис поклонился:

— Вся жизнь моя — служение тебе, о Гуло.

Повелитель устроил себе день отдыха, предоставив капитану Шраду полную свободу действий. Бывало так и раньше. В конце концов, если Гуло что-то не понравится, всегда можно все изменить одним словом... одним уда-ром.

Шрад подсел к коллеге и подруге Фрите. Она покосилась на приятеля.

— Ну, как наш Гуло Глупый, Великий и Могучий? Начал мозгами пользоваться или все еще стремится сожрать все, что шевелится?

Шрад огляделся, проверяя, нет ли кого поблизости, и хлопнул себя по лбу.

— Здесь, в этом черепе, его мозги. А повелитель наш по-прежнему лишь опасное оружие, которым сложно управлять. Ты мне поможешь с крысами. Надо побольше вызнать об этих краях. Теплый рай, страна изобилия.

— Да, здесь уютнее, чем в наших льдах, — согласилась Фрита. — Конечно, помогу, можешь на меня положиться.

Вечер окрасил небо в алый наряд, переходящий к востоку в фиолетовую тьму. Гуло снова сидел у своего костра, расправляясь со щукой. Завидев приближающегося Шрада, вождь поднял голову и перестал жевать. Лис арктической пустыни на всякий случай остановился, чуть не доходя до росوماхи.

— Есть новости, капитан? — бодро спросил Гуло.

Шрад поклонился и доложил:

— Крысы ничего не знают ни о Камне, ни о твоём брате, Повелитель, как ты и предполагал. Но ранней зимой в северо-восточном направлении здесь проследовали два мелких существа, неведомых в наших краях. Колучеигольник и туннелекопатель. Они тянули за собою тележку — это сани без полозьев на круглых колесах.

— Что в санках? — мгновенно насторожился Гуло.

— Этого крысы не знают. Существа скрылись в лесу, прежде чем шайка смогла их догнать. Но можно допу-

стить, что в тележке прятался твой брат Аскор с Бродячим Камнем.

— Допускаю. Возможно. Но куда они направились? И с чего бы им прятать Аскора, а?

— Спрятать его они могли, повинуясь принуждению. С росомхой не поспоришь. А вот куда они направлялись, крысам точно известно. Есть в здешних лесах большая крепость красного камня. Говорят также и о несметных сокровищах, спрятанных в крепости. Крыса, которую ты едва не зажарил, Повелитель, сообщила, что достоверно знает, где находится эта крепость. Она может проводить нас туда.

Гуло, простив капитану скрытый упрек, переспросил:

— Знает дорогу? Может провести?

Шрад улыбнулся:

— Единственное разумное решение, к которому могло прийти это существо. И шанс сохранить жизнь.

Гуло оскалился и зашевелил когтями. Глаза вспыхнули зловещим огнем.

— Хорошо сработал, Шрад. Мы туда направимся. Как называется эта каменная крепость?

— Рэдволл.

Очнулся Рэкеті Там МакБерл от боли. Голова сплошь состояла из боли, лапами не шевельнуть, что-то вцепилось в них и не отпускает. Осторожно приоткрыв один глаз, он увидел каменные стены пещеры, освещенной фонарями. Капитан МакБерл валялся на полу, прикрученный к какой-то длинной палке. Он пошевелился, и палка стукнула о каменный пол.

— Во, ребята, длинный очухался, во! — Голос раздался откуда-то сзади.

Где-то рядом обнаружился и Дуги Дикий. Судя по его реплике, в той же ситуации:

— Й-йа-а, труссы, прохвосты, напали на спящих. Развяжите лапы!

— Во, во, и толстый коротыш проклянулся! — Еще один голос сзади.

Не слишком ласковые лапы помогли обеим белкам сесть спиной к стене. Перед ними оказались две дюжины зайцев. МакБерл молча обдумывал положение, но Дуги молчать не мог. Он завопил, обращаясь к старшему по возрасту и положению зайцу в зеленой рубаше с тремя нашивками на рукаве:

— Слышишь, лопухий? Сними веревки!

Заяц избегал смотреть в глаза Дуги. Глядя прямо перед собой, он спокойно ответил:

— Извини, приятель, придется потерпеть. Скоро леди Мелема подойдет, распорядится, во.

К Дуги подошел молодой длинноухий щеголь в красном плаще и при длинной рапире. Он толкнул Дуги ногой, распластав его по полу.

— Ползай по полу, как змея, проклятый убийца, во, сэр.

Дуги, хотя и стесненный веревками, извернулся и звонко клацнул зубами возле ноги зайца, заставив того неловко отскочить под смех своих же собратьев.

— Я не змея и не убийца, кролик сопливый!

Заяц размахнулся ногой, чтобы ударить Дуги.

— Я кролик?! Я тебе покажу кролика, во...

Старший в зеленой рубаше дернул юнца за длинный плащ, резко оттащив его от связанного пленника.

— Но, но, Фердимонд де Мэйн, ведите себя пристойно, во.

Фердимонд кипел негодованием.

— Сержант, он не пленный, он подлый убийца. Мы потеряли восьмерых товарищей, и он мне ответит за это, во, во!

МакБерл решил вмешаться:

— Конечно ответит, пока связан по всем четырем лапам. Кроме того, мы не убийцы, Дуги сказал, и вы слышали.

Сержант вдруг зычно перекрыл перепалку:

— Смирр-но! Леди Мелема!

В пещеру спокойным шагом вошла правительница Саламандастроны. Мощная ее фигура как будто заполнила помещение. Одежда простая, скромная: обычное домотканое платье с передником. Она обратилась к сержанту:

— Докладывайте, Таран.

Сержант шагнул вперед, отсалютовал и четко отпортовал:

— Мэм, вблизи от места происшествия задержаны две вооруженные белки.

Мелема кивнула, и зайцы привели выдру Арфлоу.

— Были эти двое среди убийц?

Арфлоу бегло взглянул на белок.

— Нет, мэм. Белок там точно не было.

МакБерл снова решил высказаться:

— И не могли мы там быть. Мы преследуем нечисть по приказу короля Аральтума и королевы Идги.

Барсучиха искренне удивилась:

— С виду вы вроде настоящие воины. Как же вы можете подчиняться этой недалекой парочке? — Она повернулась к зайцам. — Освободите их.

Два лихих зайца с медалями на рубашках и звездами на рукавах мгновенно перерезали веревки саблями.

МакБерл и Дуги встали, растирая затекшие конечности. Они почтительно поклонились правительнице. Рэкети Там окончательно решил вести речь за обоих:

— Благодарим вас, мэ. Я Рэкети Там МакБерл, это мой друг Толстяк Дуги Дикий. Служим мы Аральтуму и Идге, потому что присягнули им, ничего не поделаешь. Они обещали освободить нас от присяги, если мы вернем им королевское знамя.

— Надо же, королевское знамя! — снова удивилась Мелема. — На выдумки-то они горазды. Я за ними слежу с самого их появления в моей роще. Вреда от них нет, терпеть можно, а общаться с дураками не хочется. Что это за знамя, Рэкети Там МакБерл?

Там поморщился:

— Просто символ, мэ, одна из их дурацких затей. Гораздо хуже то, что при нападении Гуло убил множество белок, среди убитых и наши друзья. Аральтум и Идга беспокоятся из-за своего флага, а мы поклялись отомстить за погибших товарищей.

Дуги скрипнул зубами.

— Да, леди, добрый воин не успокоится, пока боевая сталь не покарает грязных убийц.

— Вполне с вами согласна, сэр, — кивнула леди Мелема. — Но скажите, вы видели этого Гуло? Что он за зверь?

— Нет, мэ, — ответил МакБерл, — мы его не видели, но, судя по следам, таких существ раньше в этих краях не бывало. Отпечатки лап не меньше, чем у крупного барсука, но когти длиннее, изогнутые и острые. Шерсть на лапах длинная, смазывает следы. Еще одно: Гуло и его нечисть питаются мясом своих жертв. Мы в этом убедились.

Барсучиха мрачно кивнула:

— Знаю. От их лап пали восемь молодых зайцев. И мало что от них осталось, когда туда прибыл Дозорный Отряд. Зайцы несли барабан, подарок аббату Рэдволла. Этот барабан разделит судьбу флага вашего короля. Зайцев, как ни прискорбно, не вернешь, но барабан должен попасть по назначению.

Мелема повернулась к зайцам:

— На рассвете сотня боевых зайцев отправится из Саламандастрона. Они найдут бандитов и отправят ее вместе с вожакom к Адским Вратам. — Она обратилась к белкам. — Хотите присоединиться к отряду?

— Конечно, мэм, — кивнул Дуги. — Только придется вашему отряду удвоить скорость, чтобы не отстать от нас.

— Будете глотать пыль из-под наших пяток, сэр, во! — проворчал Фердимонд де Мэйн, и зайцы согласнo загудели.

— Прекратите глупые препирательства! — прикрикнула леди Мелема. — Эти белки — наши друзья и союзники, я приказываю офицерам и бойцам сотрудничать с ними. Ясно?

— Ясно, мэм! — в один голос рявкнули капитан Фортиндом и младший капрал Вилдери, отсалютовав саблями.

Мелема подозвала сержанта Тарана:

— Сержант, вы старше и опытнее всех. Последите за молодежью.

Ветеран коснулся лапой уха:

— Есть, мэм! Будет выполнено, во. — И он повернулся к зайцам. — Внимание! Три часа на отдых и подготовку. На заре выступаем, во. Разойдись!

— Мэм, наше оружие, — напомнил о себе Мак-Берл.

Барсучиха задержала проходившего мимо Фердимонда:

— Де Мэйн, верните воинам оружие, прошу вас.

Юнец сверкнул глазами, но немедленно исполнил приказание. Там принял от зайца щит и клинки, поблагодарив его кивком, но Дуги решил подразнить за даваку:

— Не порань лапку о палаш, паренек. Это тебе не игрушка для кролика в слюнявчике.

Оскорбленный Фердимонд швырнул оружие Дуги на пол.

— Сам возьмешь, куцехвост. Еще раз кролика помянешь, хвост короче станет, чем у зайца, во, во.

— Испугал до полусмерти, кролик, — ухмыльнулся Дуги, привешивая палаш к поясу.

Они шагнули друг к другу, но тут между ними вырос сержант Таран.

— Дак... Прекратите, господа. Вы слышали леди Мелему, так что ведите себя пристойно. Во.

МакБерл оттащил Дуги.

— Хватит рыпаться, надо отдохнуть хоть немного. Совсем взбесился? Не обращай на него внимания.

— Он гладит мой хвост против шерсти, — проворчал Дуги. — Его надо поучить добрым манерам, и я этим займусь.

МакБерл заволок друга в небольшой грот, заполненный душистым сухим сеном.

— Слушай, Дикий Дуги, если тебе так хочется скрестить клинок с этим юнцом, то уж никак не здесь. Ты оскорбишь хозяйку, а она этого не заслуживает. Завернись в свой хвост и спи!

К ним подошел сержант с двумя кружками:

— Пропустите-ка по кружечке, ребята! Как лапой снимает боль и усталость, во. Мистер Дуги, не обращайтесь внимания на молодого де Мэйна. Боец он отменный, но молодой, дурной да горячий. Это пройдет, во. А пока вам лучше держаться подальше друг от друга.

— Спасибо, сержант. — Мак принял кружку. — Извините за любопытство, но при вас из оружия только праща. А как же ближний бой?

Заяц вскинул вверх лапы.

— Дак, вот мое оружие ближнего боя. Я заяц-боксер, во.

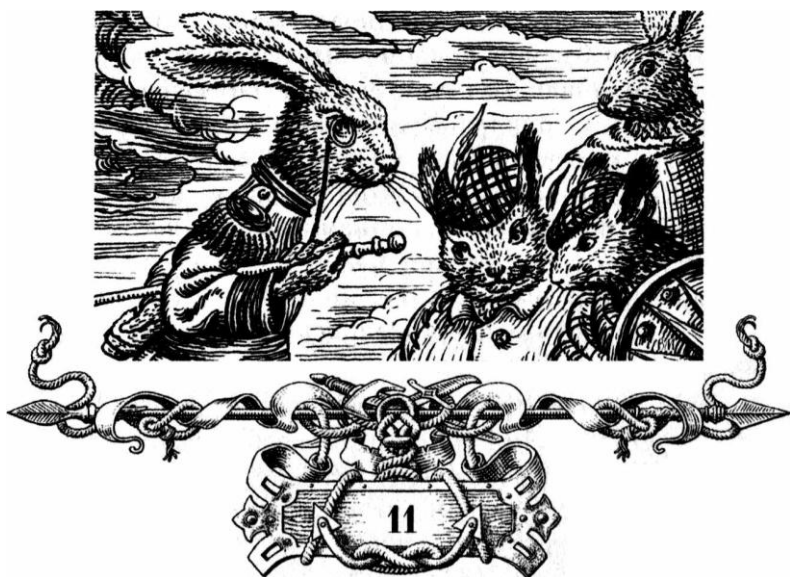
Заяц скачком принял боевую позицию, сделал выпад, другой, третий и замахал лапами. Его силуэт превратился в расплывчатое облако, а лапы двигались так быстро, что были похожи на крылышки летящего шмеля.

— От роду я боксер, потому и зовут меня Тараном. Удар у меня чувствительный, во. Исключительно отключительный. Чувств лишает.

— Сержант, а учеником меня возьмете? — попросился заинтригованный Дуги.

— Почему бы и нет, когда время свободное появится... Пока не до уроков, во. Еще и молодежь мне правительница доверила. Неплохой народ, толк из них выйдет. Толк то есть войдет, во, когда дурь вон выйдет. А пока того и гляди, как бы между собой не сцепились. Понятно небось, в чей огород камушек? Ладно, отдыхайте, ребяташки, во, во.

Зороткий ночной сон освежил белок. МакБерл проснулся бодрым и энергичным. Он пощекотал ухо Дуги, и тот тоже вскочил.

— С добрым утречком, Там. Ох и крепко же я сегодня! Целебным напитокком нас сержант попотчевал.

МакБерл не успел ничего ответить, потому что в этот момент к ним приблизился толстенный заяц с подносом в лапах. Он поставил поднос перед белками, стряхнул с плеча два походных мешка и небрежно отдал честь: мазнул себя лапой по уху.

— Привет, ребята, во. Капрал Задик, — представился он, небрежно поклонившись куда-то вбок. — Провизией ведаю. Жуйте живее и не расслаивайтесь, мой вам совет. Старшой Крамшо за опоздание в строй сожрет вас с пряжками и подтяжками.

Заяц Задик ухмыльнулся на прощание и двинулся прочь, сначала задом, пятками вперед, потом боком и лишь через десяток шагов повернулся почти в направлении движения. Белки последовали совету капрала-кормильца и устремились к месту сбора, на ходу дожевывая завтрак.

Старшой — командир Крамшо — как будто сошел со старинного парадного портрета. Монокль, колючие усы, начищенный мундир, надраенные медные пуговицы.... А чего стоила его манера носить легкую тросточку-стек! Полководец старой школы! Он неспешно следовал вдоль строя сотни замерших по стойке «смирно» зайцев Дозорного Отряда. Попытавшихся незаметно проскользнуть в строй МакБерла и Дуги он каким-то образом заметил спиною, не оборачиваясь.

— Сержант, что там за двое лежебок?

Таран четким шагом подскочил к старшому и отсалютовал:

— Уважительная причина, сэр. Мистер Рэкет Там МакБерл и мистер Дикий Дуги Толстяк, во. Пришлось их вчера с целью нейтрализации подвергнуть иммобилизации.

Старшой подошел к белкам и проинспектировал их сквозь монокль.

— Гм-пф... Ну, эти двое хотя бы не мелочь зеленая огородная, во. Зрелые фрукты. Боевой опыт солидный?

— Так точно, сэр! — рявкнул Дути. — Стычки в очереди за кашей, партизанские рейды в кухонные кладовые, битвы с вооруженными до зубов поварами. Множество славных побед!

— Наши клинки нарубили горы лука, но глаза не проронили ни слезинки, сэр! — добавил МакБерл.

Усы командира едва заметно шевельнулись, обозначив улыбку. «Кадры моего резерва», — отметил он новичков, а вслух отрубил:

— Мамочки вас, бедных, не баловали, так я приласкаю. Спать будем на самых мягких скалах, брести полегоньку, во весь дух, и всего-то от рассвета до заката. Все ясно, бешеные белки?

— Ясно, сэр!

— Походная роскошь, сэр!

Утреннее солнце искрилось в морской ряби. Теплый ветерок едва слышно шуршал песком. Из главного входа появилась леди Мелема. Строй блеснул множеством взметнувшихся в салюте клинков, взорвался оглушительным боевым кличем из сотни здоровых глоток:

— Еулалиа-а-а-а-а-а!

Барсучиха подняла лапу. Обратившись к зайцам с кратким напутствием, она указала цель похода:

— Найдите нечисть, убившую наших молодых товарищей, и уничтожьте. Пленных не брать.

— Равняйся! Смиррр-на! В колонну по четыре... — раздалось рявканье сержанта.

Колонна двинулась, взвилось боевое знамя — зеленый вымпел с белым изображением горы.

Отряд направился к северо-востоку и свернул в дюны. Денек выдался погожий, шагали резво. Не поворачивая головы, Там заметил, обращаясь к другу:

— Идем вперед с ясной целью, никаких королевских капризов сумасшедшей парочки. А сержант-то, послушай только! Соловьем заливается...

Сержант Таран добросовестно выполнял поручение леди Мелемы и подбадривал отстающих:

— Живей, живей, прошлогодние ромашки, облетевшие одуванчики! Ноги шагают, грудь дышит! Носом борозды не рыть, не в огороде! Улыбочку, улыбочку! Потеряли? Снабженец новую выдаст. Сошлю на кухню лук рубить, веселое занятие.

— Сержант лает, но не кусает. А молодежь-то этого не знает, — ухмыльнулся Дуги. — Ничего, скоро многому научатся.

— Да, марш-бросок не прогулка на пикник, — авторитетно подтвердил Мак и выплюнул песок, поднятый пятками идущих впереди.

* * *

К полудню отряд миновал дюны и вышел на равнину. Старший приказал остановиться и подождать возвращения разведчиков. Народ расположился на травке и развязал мешки. Костров не разжигали. Мак-Берл и Дуги сидели с сержантом Тараном и капралом Задиком и жевали ячменный хлеб с сыром. Невдалеке отдыхала компания зайцев, в которой кто-то упражнялся в остроумии. Дуги уже узнавал с первого звука голос Фердимонда де Мэйна.

— Ха-ха-ха! Дикий Дуги, во-во-во! Неплохое имечко, во! Хвост трубой, девчонка в юбчонке...

Дуги положил лапу на рукоять своего палаша.

— Я ему пришью пуговицу на губу. Мой килт его, видишь ли, волнует.

— Дак... Не обращай внимания, приятель, — посоветовал сержант, придерживая Дуги за только что упомянутую юбку-килт. — Не надо клевать на приманку молодого дурня, во.

МакБерл сжал плечо друга:

— Сиди спокойно. Если вам и суждено столкнуться, то не сейчас.

Дуги с силой ударил лапой невинную землю.

— Если и не сейчас, то очень скоро.

Вскоре внимание всего отряда переключилось на вернувшихся разведчиков. Командир Крамшо подошел с ними к группе сержанта Тарана.

— Капрал Задик, накормите молодцов! — приказал командир отряда, присаживаясь и приглашая зайцев сесть рядом. — Ну, ребята, чем порадуете?

Разведчики, близнецы брат и сестра Донси и Керси, еще тяжело дышали от быстрого бега.

— Шли по следам противника на северо-восток, сэр, — выдохнул Донси.

— Те же самые бандиты, сэр, главный — большой зубастый со странными лапами, — подхватила Керси.

— Вчера они вышли к береговому обрыву реки, во, — на втором выдохе продолжил Донси. — Захватили шайку речных крыс, Дрифтул атаман, во.

Крамшо повернул монокль на Керси:

— Наш старый друг Дрифтул, во? Уверены?

Керси поморщилась.

— Ужасно, сэр, во! Только... голову его нашли. Докладывать страшно, но они крыс сожрали... то есть употребили в пищу, во-во...

— Всех, кроме двоих, сэр. — Это снова Донси. — Двоих они прихватили с собой. Кошмар, во! Целую банду речных крыс прикончить!

— Ну, о крысах я слез лить не буду, — процедил командир, полируя монокль. — Они иной участи и не заслуживают, во. Нам забот меньше, мои юные друзья. Куда они направились?

— Все еще к востоку, но взяли много круче к северу, во. К вечеру войдут в лес, — доложила Керси, набрасываясь на еду.

Донси присоединился к ней, не обращая внимания на довольную улыбку капрала Задика.

Монокль вывалился из глаза командира и повис на шнурочке.

— Они нас на день с лишком опережают, сэр, во, — прикинул сержант.

Крамшо повернулся к сержанту Тарану:

— Круче к северу, сержант! Свирепые Сезоны, они же прут к аббатству!

МакБерл, знакомый с географией края только понаслышке, все же понял, о каком аббатстве идет речь. Догадался и Дуги.

— Аббатство Рэдволл? — спросил он. — Мы там никогда не были.

— Скоро его увидите, — бросил Крамшо, вставая. — Сержант, снимаемся. Разведчики, проследить за бандой — и обратно с докладом. Форсированным маршем к ночи до реки доберемся. Надо сократить разрыв, во.

Поздним вечером отряд вышел к реке. К этому времени выдохлись даже самые выносливые. Спотыкаясь от усталости, зайцы сползали по крутому склону. На берегу разбили лагерь и по приказу Крамшо разве-

ли два больших костра. Командир лелеял слабую надежду, что, если разведка врага заметит костры, они послужат приманкой и отвлекут войско Гуло от аббатства.

МакБерл в суматохе спуска по береговому откосу потерял из виду Дуги. Он как раз направлялся с капралом Задиком к водичке, чтобы охладить уставшие ступни, когда сзади поднялся шум и гвалт. Обернувшись, они заметили толпу зайцев, привлеченных происшествием.

Причиной беспорядка оказались, разумеется, Дикий Дуги и Фердимонд де Мэйн.

Ферди орал на окруживших их плотным кольцом зайцев, пытавшихся их разнять, и требовал очистить территорию, чтобы он мог «взмахнуть своим молодецким клинком, во». Дуги почти упирался носом в горло более высокого противника и из-за давки не мог даже вытащить свой палаш.

МакБерл рванулся к толпе, но сержант схватил его за лапу. Рядом с сержантом возник Крамшо.

— Предоставьте это нам, МакБерл, — проворчал командир. — Это приказ. Мы с ними сами разберемся.

Сержант Таран заорал, как на параде:

— Смирр-на-а-а! Вымпел командира!

Все зайцы замерли, расступаясь, лишь чтобы дать дорогу направившемуся к смутьянам командиру, за которым следовали сержант Таран и Рэкеті Там. Сержант втиснулся между Дуги и Фердимондом, отпихнув их друг от друга.

— О чем беседуем, мистер Ферди? — обратился сержант к Фердимонду.

Фердимонд отдал честь и отпраповтовал:

— Дело чести, сержант, во, между мной и этим... господином.

— А вы что скажете, мистер Дуги?

Горец скривился, как будто клюкву жевал.

— Мне нечего сказать, сержант. За меня клинок говорить будет с этим вот, в красном плаще который, как звать, не знаю, да и не желаю.

Крамшо встопорщил усы.

— Все дуэли запрещены законом, как частные, так и общественные. Нарушители подлежат наказанию. Если один из вас убьет другого, победителя мне придется казнить как убийцу. Квинс, Деррон, разоружить их!

Два капитана конфисковали у белки и зайца оружие.

Крамшо повернулся к сержанту:

— Сдается мне, сержант, что эти двое и без оружия не собираются обниматься-целоваться, во. Того и гляди носы-хвосты друг другу откусят. Что можете предложить?

Сержант снова развел драчунов в разные стороны, подальше друг от друга.

— Дак... Пусть подерутся, сэр, раз уж им так надо. Только по-джентльменски, по-спортивному, во.

— Отличная идея, — блеснул моноклем командир. — Устройте все по правилам, сержант, прошу вас. — И Крамшо провел своей тросточкой борозду в песке берегового пляжа.

— Прошу вас, господа, — пригласил сержант Дуги и Ферди, которым уже, казалось, было безразлично, каким образом, лишь бы добраться до ненавистного противника. — Ножки сюда, пожалуйста, во-во, так, вплотную одна к другой. Передние лапки сюда, вот

этак, во. — Сержант подправил соперников. — Замерли! Слушай правила: не кусаться, не царапаться, ниже пояса не бить. Скажу «бой!» — драться. Скажу «стоп!» — замереть. Ясно? Согласны?

— Согласны! — проскрежетали оба, буравя друг друга горящими глазами.

— Благодарю, господа. — Сержант улыбнулся. — Приготовились... Бой!

Лапа Дуги метнулась вперед. Бух! Голова зайца мотнулась назад, из глаз потоком хлынули слезы. Но левая лапа Фердимонда уже врезалась в правый глаз соперника. Дуги метко поразил челюсть зайца, тот впел в белку в ухо. Удары сыпались градом, с такой же частотой раздавались и советы болельщиков, которых у Дуги оказалось почти столько же, сколько и у Фердимонда.

— Берегись левой, Дуги!

— Серию, во, долби серию!

— Под солнышко, Ферди!

— Нырок и крюк правой, правой, во-во-во!

Дуэлянты еще не растратили энергии, но облик их показывал, что трудились они добросовестно. Правый глаз Дуги почти ничего не видел. Нос Фердимонда напоминал перезрелую сливу. Вот заяц выбросил вперед левую, но белка уклонилась, и тут же мощный удар в челюсть снизу оторвал Фердимонда от земли. Оглушенный, он уселся на песок.

— Стоп! — заорал сержант и нагнулся к Фердимонду. — Вы закончили, мистер де Мэйн?

— Закончил? — прохрипел Фердимонд и выплюнул выбитый зуб. — Я еще толком не начал, во.

Сержант вернул бойцов в исходную позицию и снова провозгласил:

— Бой!

Лишившись зуба, заяц почему-то сделался подвижнее. Мощный удар левой послал Дуги наземь. Теперь сержант пригнулся к толстому горцу:

— Достаточно, мистер Дуги?

— Да что вы, сержант?! Вот достану этого... тогда и будет достаточно. Поехали!

Наконец удары ослабели и соперники, разъезжаясь лапами по песку, упали наземь и замерли.

Сержант наполнил щит Дуги водой и посмотрел на Крамшо. Тот кивнул.

Плюх! Вода окатила неподвижную пару. Оба очнулись, расцепились, с трудом сели, тяжело дыша и постанывая.

— Команды «стоп» не было, господа! Прошу продолжать! Поднимайтесь, поднимайтесь, отрывайте задочки от песочка.

Противники встали и, с трудом поднимая свинцовые лапы, добросовестно принялись исполнять команду сержанта. Большинство вялых ударов попадало в воздух. Раз они даже столкнулись спинами, ища соперника перед собой. Болельщики мрачно молчали. Наконец, споткнувшись друг о друга, оба рухнули как подкошенные.

Крамшо кивнул сержанту, и тот вполголоса провозгласил финальный «стоп».

— Э-эй... господа, вы меня слышите? Достаточно? Может, хватит?

Фердимонд попытался приподнять голову:

— Х... х... во, хватит, если и ему хватает.

Дуги пошевелил распухшей лапой:

— Коль ему хватит, то мне и подавно.

Крамшо подошел к сержанту. Вдвоем они помогли Дуги и Фердимонду подняться на ноги.

— Вот и отлично, — похвалил командир. — Схватка образцовая, во. Обоим объявляю благодарность. Ура!

Троекратное «ура» прогремело над водной гладью.

Командир похлопал обоих по спинам:

— Молодцы! Надеюсь, все мелкие недоразумения между вами в прошлом. А теперь пожмите друг другу лапы и освежитесь в речке.

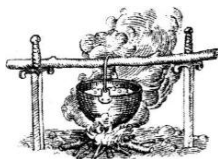
Заяц и белка встретились больными, побитыми лапами.

— Прости, друг, — кривя от боли губы, пробормотал заяц, — я зря о тебе гадости говорил, в-во. Ты настоящий воин.

Дуги попытался подмигнуть, но оба распухших глаза не слушались.

— Ох, друг, я и сам хорош, ты уж меня извини.

Держась друг за друга, сопровождаемые поощрительными возгласами, новоиспеченные друзья направились к воде.

На следующее утро после праздника кротов молодой хранитель погребов Берлап проснулся раньше аббата. Берлап прошелся по погребу, выбрал бочку Октябрьского эля и начал вбивать в нее кран-штулку, чтобы было удобнее разливать напиток. От стука проснулся аббат Монотон. Он зевнул, потянулся и быстро оделся. Берлап виновато коснулся лапой головных иголок.

— Ох, извините, отец Монотон. Я вас разбудил.

— Ничего страшного, Берлап, давно пора вставать. Заспался старичок после вчерашнего пира. Хорошо повеселились, правда?

— Отличный праздник, отец Монотон. Только вот бочку эля-то Октябрьского прикончили, пришлось новую наживлять.

— Вот только вряд ли ты знаешь, чем я с утра собирался заняться, — уставился отец аббат на своего молодого воспитанника.

— Должно быть, позавтракать сначала, — попытался помочь старшему другу Берлап.

— М-да, пожалуй... а потом? — Аббат задумчиво скреб иглы, — А, вот, вспомнил: загадку разгадывать. Позову-ка я брата Гордила, братца моего бродячего Джема, приятеля его Уолта, и вместе примемся за стишок. Если кто меня искать вздумает, пусть посмотрят в саду.

— Понял, отец Монотон.

Монотон вошел в кухню. Среди собравшихся позавтракать обитателей аббатства никого из троих нужных ему не было.

— С добрым утром, отец Монотон, — подошла к нему сестра Армила, молодая целительница. — Кого-то ищите?

— Э-э, доброе утро, сестра, — ответил аббат, кивнув брату Грисому, вручившему ему тарелку со свежими орехово-медовыми пирожками. — Уолта с Джемом да Гордила не видели?

— Нет, не видела. Но я их сейчас разыщу. Многие проспали завтрак после вчерашнего пира. Пройдусь-ка я по спальням да разбужу их.

— Спасибо, милая сестрица, скажите им, что я в саду. Мы собирались над загадкой головы поломать.

— А мне можно вам помочь? — загорелась сестра Армила. — Я хорошо загадки разгадываю.

— Конечно, — согласился отец Монотон, нагружая поднос провизией. — Молодой свежий ум нам, старикам, в подмогу.

В саду трава спряталась под толстым ковром опавших белых и розовых лепестков. Садовник брат Демпл, завидев аббата с нагруженным подносом, отложил грабли.

— Доброе утро, отец Монотон. Позвольте помогу вам с подносом.

Монотон охотно передал поднос молодому рэдловльцу.

— Спасибо, брат Демпл. Я и не думал, что поднос окажется таким тяжелым. Здесь завтрак на троих.

— А я уж за ваш желудок опасался. Думал, все вам одному.

Демпл подвел аббата к солнечному уголку сада, где он установил рабочий стол и скамью.

— Завтрак в саду в хорошей компании — отличная мысль.

— Рабочий завтрак, — уточнил отец Монотон. — Мы собираемся поразмыслить над загадкой.

— Люблю загадки разгадывать. — потер лапы Демпл. — Помощник не нужен?

— Добро пожаловать. Чем больше голов, тем лучше. А вот и они!

Подошли Гордил, Джем и Уолт. За ними следом появились в саду сестра Армила и племянница Командора Брукфлоу. Пышущая здоровьем молодая выдра, которую все называли Бруки, несла в одной лапе поднос с пищей, а другой приветственно помахивала в воздухе. Бруки отличалась завидной жизнерадостностью и чрезмерной смешливостью. Смеяться она была

готова по любому поводу и вообще без всякой причины.

— Йо-хо-хо-хо! У вас есть загадка, а вдруг у меня к ней отгадка, ха-ха-ха! Можно вам помочь, батюшка Монотон?

— Можно, можно, — махнул лапой аббат. — Скоро все аббатство этой загадкой займется.

Для начала пришедшие занялись завтраком. Вдруг аббат хлопнул себя по лбу:

— Я ведь забыл попросить у сестры Скривы копию стишка! Эх ведь, дырявая голова.

Не успел он договорить, как появилась и сестра Скрива, размахивая над головой обрывком бересты с копией стишка.

— Брат Грисом сказал, что вы здесь. Без меня не начали?

Бруки фыркнула в ватрушку:

— Ха-ха-ха-ха! Ну дает сестрица Скрива! Да как бы мы начали без стишка...

— Не подавитесь со смеху ватрушкой, мисс, — покосился на развеселую выдру Джем.

— Хурр, а пора бы и начать. — Уолт нетерпеливо поскреб по скамье роющими когтями.

— Благодарю, благодарю. — Сестра Скрива разгладила записку на столе. — Если мисс Брукфлоу соблаговолит на минутку сдержать смех, я прочитаю стишок. Вы готовы, мисс?

Развеселая выдра заткнула рот обеими лапами.

— Гы-гык... Упф... Все. Извините, сестра, еще чуточку: га-ха-ха-ха-ха! Все-все-все. Загадим загадку... Ха-ха-ха-xxx... Извините.

— Итак, читаю. Слушайте.

Я встал, где солнце с неба — бух! —
И по камням плясать пошло,
Где малый лист большой убил,
где землю дерево нашло.
Там, где сын Драмза не найдет,
В укромный уголок,
Великий символ власти —
Бродячий Камень лег.

Брат Гордил почесал затылок:

— С чего начать-то?

— С начала, ха-ха-ха-ха...

Монотон смерил хохотушку суровым взглядом по-
верх очков, но тут же смягчился:

— Юная леди права. Вполне логично начать с пер-
вой строчки. «Где солнце с неба — бух!» У кого какие
соображения?

— Хурр, к западу солнце вечером валится.

— Да где угодно! — махнул лапой на запад Демпл.
— Надо бы поточнее.

— Вторая строчка уточняет: «и по камням плясать
пошло», — процитировал Гордил.

— Может быть, третья строчка тоже уточняет? —
спросила сестра Армила, перебирая тесемки передни-
ка. — Как там дальше?

— Дальше «малый лист большой убил», — прочи-
тала сестра Скрива и честно призналась: — Этого я не
понимаю. Загадочное что-то.

— Ха-ха-ха, на то она и загадка, чтоб загадочной
казаться. Я, может, об этот Булыжный Ходильник...
Ходильный Будильник то есть, споткнусь, а не сообра-
жу, что он мне до зарезу необходим, у-ху-ха-хи-хиккк...
Молчу-молчу...

Сестра Скрива возмущенно уставилась на хохотушку:

— Брукфлоу, дорогая, вы нисколько не продвигаете дело своим безудержным весельем.

— В чем-то она все же права, — заступилась за подругу сестра Армила.

Брат Гордил искренне постарался обнаружить правоту в словах Брукфлоу, но пожал плечами.

— Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду, — попросил он сестру Армилу.

— Э-э... Видите ли... мм... Вот если Джем и Уолт попытаются припомнить и точно описать то место, где они нашли умирающее чудовище, мы вместе можем заметить что-нибудь, на что они не обратили внимания.

— Разумно, — поддержал Армилу отец Монотон. — Бродячий Камень спрятан недалеко от места гибели Аскора. Уолт, что можешь припомнить?

— Хурр, да ничего там особо приметного... лес как лес... Так, Джем?

— Старость не радость, — закричал Джем. — Скоро имя свое позабуду. Разве ж все упомнишь... Где-то это на юго-востоке лесов... Ну, дерево это помню, которое его придавило. Гнилое внутри, потому и рухнуло. Пожалуй, больше и ничего. Извините, друзья.

Сестра Скрива подтолкнула стишок к Дjemu:

— Прочитай еще раз внимательно, братец Джем. Может, что-нибудь припомнишь. Солнце падает, камушек падает, листья малые, листья большие падают...

— Плющ! — изрек брат Демпл.

— Что — плющ? — озадаченно уставился на него Джем.

Объяснение садовника Демпла оказалось первой тоненькой путеводной ниточкой к решению загадки.

— Вы ведь знаете, что растения — не только моя работа, но и вся моя жизнь. Потому я за эту строчку и зацепился. Вот отец Монотон помнит древнюю иву у пруда, на южном берегу. Мне ее пришлось свалить этак десять сезонов тому назад. А все почему? Старое дерево. И все заросло плющом: от земли, по стволу, по веткам. Плющ задушил иву, задавил ее до смерти.

— Помню, конечно. Жалко было ее валить, но она могла рухнуть на кого-нибудь. Я еще с нее веточек набрал, швы в бочонках конопатить.

— Вот так малюсенький плющ убил большое дерево. Джем, Уолт, можете вспомнить там где-нибудь плющ на дереве, много-много плюща?

Джем Туда-Сюда чуть помолчал и засмеялся:

— Ха-ха-ха! Оса! Уолт, осу помнишь?

— Х-хрр-урр, такую нахапку забудешь, пожалуй.

И Джем рассказал об этом происшествии.

— В тот же день было, как мы Аскора нашли, только пораньше. Присели это мы позавтракать. Под кленом здоровенным, там таких много, но этот весь увит плющом, вот как брат Демпл рассказал, от корня до самой маковки. Уолт-то мог бы и сообразить, знает ведь, что осы плющ любят... Ну а как он сел, оса возьми да ужаль его в хвост.

Бруки не смогла сдержаться:

— Ха-ха-ха-ха, ужаленный, он вскочил как ужаленный, ха-ха-ха-ха.

Уолт исподлобья смерил смеющуюся выдру мрачным взглядом:

— Хурр, не до смеху мне было, мэм. Больно было, вот. В пруду отмокал да щавелем хвост тер.

— Значит, там и пруд есть? — насторожился брат Гордил.

— Скорее озеро, — сощурился Джем, вспоминая. — Больше, чем пруд аббатства. Мы там воды набрали.

Сестру Армилу тем временем сморила дремота. Сытный завтрак на свежем воздухе, солнечный денек, обстоятельная беседа... Хотя она хорошо выспалась за ночь, веки ее сомкнулись, теплая тишина окутала сознание. Голоса в саду слились в тихий гул, и на их фоне она услышала другой голос:

— Слушай меня, Армила. Узнаешь?

Сквозь золотистую дымку она увидела знакомую фигуру.

— Мартин Воитель!

— И я тебя знаю, сестра Армила, — улыбнулся древний воин. — Поэтому я тебя и выбрал. Вот послушай меня.

Я вижу миссию твою:
С подругою смешливою
К зюйд-весту через Лес идти,
Чтоб меч мой древний отнести
Продавшему свой меч давно.
Ступайте! Это решено.

Образ Мартина поблек и растаял, но последние слова еще звучали:

«Очнись, Армила. И вспомни пруд».

Армила и не подозревала, что встреча ее с Мартином длилась лишь краткий миг. Джем еще говорил об озере.

Армилу разбудил звук ее собственного голоса:

— ...где солнце падает и пляшет — это твое озеро, Джем.

— Почему? — удивленно уставился на нее старый еж.

Образ Мартина уже ускользнул от Армилы, но все же она смогла кое-что объяснить.

— Это очень просто. В детстве мы с Бруки сиживали летними вечерами на берегу пруда. Солнце золотом отражалось в воде. Мы швыряли в отражение камушки, и отражение плясало в ряби поднятых волн.

Бруки тут же засмеялась:

— Ха-ха-ха-ха! Точно! Ну и умница ты, Армила! Незря ты у нас ученый лекарь. А камушки я все равно лучше кидала, чаще попадала в солнце, больше «блинчиков» пекла. Ты лекарь, а я некарь, ха-ха-ха-ха-ха! — Она заметила каменное выражение на окружающих ее физиономиях и еще раз сдавленно хихикнула: — Х-хи-кк, вы как вареные лягушки на меня смотрите.

Аббат сосредоточился на протирании очков, чтобы не захихикать в ответ на замечание Бруки. Он степенно откашлился.

— Друзья, путь к истине вырисовывается все яснее. Я, кажется, тоже могу предложить решение одной строки.

Сестра Скрива подняла глаза от кусочка коры:

— Просим-просим, отец Монотон!

— Тут, впрочем, ничего сложного. Где дерево встречается с землей? У основания, у корней.

Сестра Скрива снова уткнулась в запись.

— Все верно! Итак, что у нас получилось? Мы ищем старый клен, обвитый плющом, растущий возле озера. Этот самый Камень, как бы он ни выглядел, зарыт у основания клена, надежно спрятан от свирепого сына Драмза, кем бы он ни был.

Джем поднялся.

— Если я не запомнил, Драмз — отец Аскора. Брат Аскора, Гуло, убил отца. У Драмза был Камень, Аскор этот Камень захватил и сбежал. Нам Аскор сказал, что Гуло ищет его, чтобы отнять Камень. Но прошла зима, а мы об этом Гуло ничего не слышали. Почему бы это? Ох, спинку ломит! Извините, братцы, приму-ка я теплую ванну да бухнусь в мягкую постельку. Слишком часто приходилось на скалах спать, на жестких да холодных.

Аббат тоже встал и подхватил кузена под лапу:

— Я с тобой, Джем. Тоже ведь не молодую. А после ужина можно встретиться снова.

Все разошлись по своим делам. Уолт остался в саду, собираясь с духом, чтобы посетить лечебницу. Армила и Бруки вошли в Большой зал и направились к лестнице. Сестра Армила ощутила вдруг необъяснимое беспокойство. Взгляд ее упал на портрет Мартина, и она резко остановилась.

— Бруки, срочно к аббату. — Она схватила подружку за лапу. — Пойдем немедленно.

Юфус Легкая Лапа — всем ворам вор. Толстощекий, курносый, полевка-береговушка в щегольской шоколадного цвета шкурке, он слыл прекрасным парнем, добрым, готовым поделиться последней коркой. Юфус беззаветно любил свою милую пухлую супругу — но не признавал права собственности. Жена его, Диджети, не уставала пилить супруга за приверженность к преступному присвоению ценностей, хотя втайне даже гордилась непревзойденным криминальным мастерством своего мужа.

— Юфус, старая скотина, ты бы звезды с неба спер, если бы они не были накрепко приколочены золотыми гвоздиками и если бы ты смог до них дотянуться.

Чем не комплимент? Благодарный Юфус ласково обнимал и целовал женушку за подобные замечания.

— Что ж поделаешь, сахарная моя, — притворно сокрушался он. — И вся семья наша такая, и предки все. Вот взять мою бабу. Стащит старуха пирог со стола и потом объявляет: «Ходили это мы с пирогом чего вкусенького для вас поискать».

Уютная норка Юфуса и Диджети находилась на берегу того самого озера, в котором Уолт Улепетун отмачивал ужаленный осою хвост. Вход в нору замаскирован по всем правилам не только природной, но и изощренной воровской конспирации. А за входом пряталась настоящая сокровищница. Картины, музыкальные инструменты, блюда, вазы, ювелирные изделия. Множество мелких поделок: резные хвостовые кольца, вязанные браслеты-налапники, броши, ожерелья, головные обручи и повязки. Все это сверкало и переливалось в свете художественно выполненных фонарей. Расчудесная нора!

Куда только не забредал Юфус в поисках добычи! Сведущ был в географии, разбирался в привычках и повадках лесных жителей. Тихим солнечным днем пробирался он однажды по лесу и заметил сорочье гнездо. Украсть у вора — двойное удовольствие. Сороки — воришки известные, не упустят возможности прихватить блестящую вещицу, и не столь важно им, драгоценность это или простая побрякушка. Юфус тотчас спрятался в кустах и затаился, наблюдая за птичьей квартирой. Очень скоро крупная черно-белая хозяйка взметнулась из гнезда, искусно огибая деревья и ны-

ря под ветки, устремилась к юго-западным окраинам леса.

Юфус снял с плеча моток прочного шнура и пробормотал:

— Счастливого пути, белобокая! Не торопись обратно.

Гнездо сороки — место не безопасное. Птицы эти сильны и беспощадны к нарушителям своего покоя.

Сорока уже почти исчезла из виду, как вдруг ее пронзила выпущенная из лука стрела. Птица с предсмертным криком рухнула в кусты. Юфус вернул веревку на место и побежал к месту гибели сороки. Двигался он не только быстро, но и осторожно, понимая, что для него неизвестные охотники стрелы тоже не пожалеют. Заметив движение в кустах, Юфус бросился за дерево и замер, сжав в лапе кинжал.

Из зарослей папоротника вышли четыре горноста, все пятнистые, бело-рыжеватые по сезону. Каждый вооружен коротким луком и колчаном со стрелами. Один из них поднял убитую сороку и обратился к другому:

— Только ты остался пока без птицы, Грик. У нас на троих голубь, скворец и эта сорока. Лорд Гуло вряд ли будет доволен, если ты вернешься без добычи.

Трое удалились, волоча сумки с птицами, оставив неудачника Грика позади. Юфус издали следил за оставшимся охотником. Тому вскоре повезло: на ветку чуть ли не над горностаем уселся и затарахтел ничего не подозревающий дрозд. Грик сбил дрозда, свернул ему шею и, перекинув через плечо, отправился договнять товарищей. А Юфус Легкая Лапа отправился за Гриком.

Очень скоро Юфус устроился в густых зарослях барбариса и начал наблюдение за лагерем нечисти. Его не пугала сотня свирепых хищников, он видел в ней источник добычи. Почти все песцы и горностаи носили браслеты, налапные кольца, ожерелья из янтаря, кораллов, раковин. А какое у них оружие! Владеть мечом или саблей всегда было заветной мечтой Юфуса. Ну а уж без чего-нибудь для Диджети он отсюда не уйдет. Вот только дождется темноты — и за работу.

Гуло грыз недожаренного голубя. Рядом с ним дрались из-за объедков привязанные к шесту две оставленные в живых крысы, Косоглаз и Синерыл.

Гуло покосился в их сторону:

— Скоро наконец ваш Рэдволл?

— Скоро, уже скоро, господин, — мгновенно выпалил Косоглаз.

Гуло наклонился к крысам, и они испуганно отпрянули, натянув веревки.

— Скажи-ка еще раз, что за зверье там живет?

— Лесные зверюшки, господин, — заныл Синерыл, — никакие они не воины. Мыши, кроты да ежи, да и не много их там.

Гуло снова выпрямился на барабане, своим излюбленном сиденье.

— Мирные, стало быть, жители. Люблю мирных жителей. А ты, Шрад?

Песец-капитан ответил сдержанно:

— Приятно слышать, но правда ли это, мы не знаем, о могучий.

— Мудро молвил, как всегда. Возьми-ка ты десятка два бойцов да сгоняй в разведку. Гуло свирепо уставился на крыс. — Ох, если вы мне врете...

Косоглаз и Синерыл зарыдали от ужаса:

— Чистая правда, истинно говорим, господин!

— Пожалуйста, господин, не трогайте нас!

— Цыц, поганки. До возвращения моего капитана доживете. Шрад, отправляйся сразу, мы за тобой без спешки.

— Твое желание — закон для меня, о могучий.

Юфус наблюдал за лагерем из-за куста барбариса, а на лес опускалась ночь. Зверя, похожего на Гуло, он однажды уже видел. Тот зверь умер у него на глазах. Проследил Юфус и как Уолт Улепетун и Джем Туда-Сюда завалили того зверя, чем могли.

Юфус не слышал, о чем говорили Шрад, Гуло и две крысы. Но он ведь не грязный шпион, а благородный вор. До других ему дела нет, он интересуется только двумя существами: своею милой Диджети и самим собой.

Догорали костры, утихали споры, ссоры и сплетни, лагерь затихал. Капитаны выставили четверых часовых. Юфус выждал еще немного и неслышно, как привидение, прокрался в лагерь. Храпела нечисть, бормотали во сне крысы, которых короткие веревки вынуждали спать сидя. Легкая Лапа злорадно ухмыльнулся. Честный вор терпеть не мог речных крыс, этих мерзких грабителей и убийц. Скользя по лагерю, подобно лунной тени, Юфус оценивающим взглядом обшаривал спящее зверье, выбирая добычу. Вот он обратил внимание на четырех горностаев, растянувшихся возле угасающего костра. Над углями висит котел с остатками пищи. Любопытный Юсуф сунул нос и в котел. Он тут же сморщился и отвернулся: месиво из птичьих перьев и костей!

Первым делом Юфус ловко снял с хвоста ближнего горностаю голубую ленту, украшенную кораллами. Следующий лишился кожаного пояса, расшитого янтарем. Далее — серебряное кольцо с жемчужиной. Неплохой вкус у этих белошкурных — но только не в отношении еды! И тут Юфус замер. Невдалеке храпел белый лис, накинув на себя какое-то странное одеяло. Диджети найдет применение для такого отличного одеяла... И скатерть прекрасная получится... А какое украшение для стены! Знамя короля Аральтума, под которым храпел песец, Гуло велел прикрепить к двум древкам на манер транспаранта. Вор вынул нож и перерезал четыре бечевки по углам этого одеяла-транспаранта. Потом слегка пощекотал нос спящего песца. Тот почесал оскорбленный нос, заворочался, позволив Юфусу легко и изящно сдернуть ткань. Тут возникло непредвиденное осложнение: песец чихнул и уселся.

— Т-ты что тут?.. — забормотал он, просыпаясь.

Не теряя времени, Юфус схватил древко и с силой опустил его на белый лоб. Глаза песца закатились, он обмяк и рухнул. Юфус осторожно положил древко, потряс онемевшими от удара лапами и пробормотал:

— Спи спокойно, дорогой товарищ. Извини за грубость, положение безвыходное. Ты бы мне весь лагерь перебудил.

Аккуратно складывая знамя, Юфус вдруг снова замер. Ну и везет ему сегодня! Вот он, его меч, прикреплен к поясу белого лиса! Юфус без особых предосторожностей освободил лиса от пояса, закрепил его на себе и принял позу, которую полагал преисполненной мужества и благородства.

— Чудо! Пред вами герой благородный!

И Юфус пустился в обратный путь, помахав лапой крепко спящим часовым.

* * *

На рассвете в теплом воздухе повис туман, смешанный с промозглой моросью. Капитан Урфик очнулся от раскалывающей череп головной боли. Он потрогал шишку на лбу и взвыл. В сознании возник какой-то коричневый недоросток, взмахнувший древком. Потом ослепительная вспышка, калейдоскоп звезд... и беспамятство. Урфик с трудом поднял голову, лапа сама собой потянулась к сабле... Где сабля? А где знамя? Урфик не то застонал, не то взвизгнул.

Вождь доверил ему, заслуженному капитану, охрану флага. Теперь он покойник. Гуло своими лапами разmozжит ему череп. Если только... Что «если»? Думай, дубина, шевели мозгами, пока их не сожрали, — приказал себе капитан Урфик. Сказать правду? Да ни в жизнь! Какой-то плюгавый лесовичок сшибает лихого боевого капитана... Над его трупом будет весь лагерь хохотать. Мысли Урфика лихорадочно метались в поисках выхода, взгляд лихорадочно шарил вокруг... Вот! Следы от сабли, которую эта мелкая муха волочила по земле. Царапины конца сабли смазаны тканью флага. Чем не след росوماхи? Ничтожный шанс, но единственный. Единственная соломинка, за которую может схватиться несчастный утопающий. Не теряя времени.

Хорошая погода избаловала росوماху. Мелкий дождичек Гуло воспринял как личное оскорбление.

Он мрачно сидел под накинутым на ветки брезентом, уставившись в нещадно дымящий костер. Из оцепенения его вырвал капитан Урфик, который, шатаясь

и опираясь на древко, прихромал пред светлые очи предводителя. Урфик качнулся, ступил в угли костра, качнулся в другую сторону и схватился за навес.

— Аскор! — прохрипел он и рухнул. — Твой брат, повелитель!

Гуло вскочил, вздернул песка с земли и уставился на него горящими глазами:

— Брат? Где? Говори, гаденыш!

Урфику не пришлось притворяться. Испуганный до полусмерти, он залопотал:

— Он чуть меня не убил, господин! Я только что пришел в себя и сразу сюда, доложить... Ночью появился твой брат. Он ударил меня по лбу и унес мою саблю и знамя.

— Куда он делся? — Гуло тряс Урфика, как тряпку.

Урфик вытянул дрожащую лапу в направлении отхода Юфуса.

— Туда, кажется, туда, к северу.

Волоча песка за уши, Гуло сорвался с места.

— Ко мне! Ко мне! Найти след!

И снова взгляд Гуло буравит расширенные ужасом глаза песка.

— Камень! Бродячий Камень с ним?

Урфику казалось, что уши вот-вот покинут его голову.

— Господин мой, я не заметил, все промелькнуло так быстро...

Горноста́й Гарфид, лучший следопыт войска, уже прилип к земле.

— Есть след!

Гуло, дрожа от возбуждения, рухнул рядом с Гарфидом, обшаривая полусмытые следы налитыми кровью глазами.

— След Аскора? Это его след?

Гарфид покосился через плечо вождя. Там торчит помятый капитан Урфик, крупный в войске авторитет. Урфик утвердительно кивнул. Шишка на лбу здоровенная... Ох, тут не только следопытом приходится быть, но и дипломатом. Головы лишиться недолго, а обратно ее ведь не пришьешь. Тем более что страшная лапа Гуло — вот она, совсем рядом, и когти шевелятся... Брр!

— Глубокую царапину мог оставить только могучий зверь, о господин. А вот и смазанность следа, какую может и твоя шерсть оставить. Если б не этот дождик... Но очень похоже на следы твоего брата, повелитель.

Гуло вздыбился и дико завопил:

— Йа-хо-о-о-о-о! На север! Сниматься с лагеря! Выступаем!

Н а берегу реки бок о бок уселись Там, Дуги, Ферди и сержант Таран. Уже рассвело, но костров не разжигали, завтракать пришлось всухомятку. Все четверо жевали овсяное печенье с яблоками, запивая прямо из реки.

— Денек-то не из лучших, — пожаловался Дуги, сдувая дождевые капли с распухшего носа.

— Опять он недоволен! — возмутился сержант. — Въехал в Саламандастрон на шесте, как ведьма на помеле, чуть не с ходу драку учинил, а теперь на погоду жалуется, во! Да уютнее, чем здесь, на бережку, только внутри мамочки до рождения!

— Во-во-о, великолепная погодка, точно, — мрачно протянул Фердимонд, с отвращением вглядываясь в туман. — А куда старшой девался?

Таран ткнул лапой куда-то за спину:

— Во-вон туда, наверх полез. Ушами чую, скоро он меня к себе...

— Сержант Таран! — раздался требовательный голос командира, не дав сержанту закончить фразу. — Прошу вас сюда, ко мне.

— Во, уже, — ухмыльнулся заяц. — Пошли, ребята, узнаем, что командир изобрел.

Командир неодобрительно помахал тросточкой в сторону равнин.

— Нам, конечно, эти дожди-туманы не на руку, во. Опять же поспешишь — зверей добрых насмешишь. Но и торчать здесь, ожидая разведку, время терять, тоже не следует...

Сержант отдал честь.

— Совершенно с вами согласен, сэр. Самое время выступать. Только... как же Керси и Донси?

— Перехватим на марше, — заверил МакБерл, поправляя на плече малый щит.

— Вот именно, — обрадовался единомышленнику Крамшо. — Сидеть здесь — весь боевой дух размокнет да размякнет. А выступим — и погода испугается, облака разгоним, во.

И отряд выступил в поход, хотя плестись по грязи не очень-то и хотелось.

— А вдруг мы с ними все же разминемся? — высказал Дуги мысль, беспокоившую всех.

— Тоже случается, — пробурчал сержант Таран. — Мистер де Мэйн, сэр, прошу вас, изобразите громкую

песню во всю глотку. Звуковой сигнал в тумане некоторым образом, во, во.

— Э-э... дак... во-о... Кх, кх, кх... — закашлял Ферди. — Благодарю за доверие, сержант, но я сегодня лягушку из речки недопроглотил... Лягушка в горле застряла, во... Может, кто другой споет, без лягушки?

— Дак, мистер Фердимонд, считайте, что это приказ. Пойте с лягушкой на два голоса, во.

И молодой заяц, еще раз откашлявшись, затянул пронзительным тенором старую солдатскую песню.

— Эгей, Долгий Дозор, во! — раздался окрик из тумана.

— Сюда, разведка, к докладу! — первым откликнулся старшой.

Керси и Донси выскочили из молочной мглы и с ходу затарабанили.

— Следовали за нечистью до входа в лес, сэр, — начала Керси. — Противник вошел в Лес Цветущих Мхов между ольховником и зарослью крушины.

— Во, мы подошли к противнику вплотную, сэр, — без паузы продолжил Донси. — Видели самого Гуло. Это кошмар ходячий, сэр, не дай сезоны, во, ежели во сне такое приви...

— Остолопы! — вспылil командир Крамшо. — Я вам четко приказал держаться на безопасном расстоянии. Вас могли изловить и сожрать живьем!

— Они? Нас? — усмехнулась Керси. — Лапы коротки, во, во.

Усы командира, казалось, сейчас проткнут обоих разведчиков, как иголка бабочек.

— Молчать! За неподчинение приказу... Сержант, взять обоих на сбор топлива для костров и мытье котлов на кухне до моего указания.

— Но, сэр, во, как же... — пробормотал ошеломленный Донси, не веря ушам.

— Еще слово, и я вас арестую! — бушевал Крамшо. — Будете сидеть в камере в Саламандастроне. С разведки снимаю до тех пор, пока не научитесь выполнять приказы командиров. Во!!!

Сержант Таран, строго глядя перед собой, принялся за проштрафившуюся парочку:

— Слышали приказ? Без разговоров, в распоряжение капрала Задика шаго-ом... марш!

Керси и Донси отдали честь и со слезами возмущения и обиды на глазах четко зашагали в конец колонны. Командир прищурился им вслед.

— Ха, надулись, сердитые лягушки, во! Добрые бойцы из них получатся, brave боевые офицеры. Но окоротить немножко надо, не то раньше времени головы сложат. Как, сержант?

— Совершенно верно, сэр. А все равно ребят жалко, во. Как с разведкой поступим? Без разведки-то ни туды и ни сюды.

Крамшо указал стеком на Фердимонда, Дуги и МакБерла.

— Этих троих грубиянов в разведку направляю, во.

Таран невольно уставился на солидное пузо Дикого Дуги.

— Дак... Для бега телосложение требуется, во...

— Вы совершенно правы, сержант, — вмешался МакБерл. — Но сейчас командир, очевидно, придает главное значение не скорости передвижения. Следить за нечистой скрытно, в сложной обстановке — для этого требуется боевой опыт, рассудительность, умение маскироваться на местности... Например, в кронах де-

ревьев. Я вас правильно понял, сэр? — повернулся он к командиру.

— Я сам бы лучше не объяснил, — похвалил Крамшо, одобрительно щелкнув МакБерла стеком по щиту. — Вы двое ориентируетесь в лесу. А молодой де Мэйн пробежится, где надо будет. Да и опыта от вас поднахватается.

Дикий Дуги отсалютовал старшему:

— Я так понимаю, сэр, что я уже следопыт. Не знаю, радоваться или печалиться, но готов получить первое задание.

Крамшо кивнул.

— Получите у капрала Задика сухой паек да прогуляйтесь до вечера. Встреча у тех самых ольхи да крушины, о которых ребята сообщили. Выполняйте!

Три пары пяток так и сверкали по размокшей равнине. Впереди шагал де Мэйн, за ним вплотную Рэкетти Там, а далеко позади, несмотря на невероятные усилия сократить разрыв, — Дикий Дуги Толстяк.

Наконец Дуги совершенно выдохся, перешел на рысцу и, прижав лапу к боку, крикнул:

— Эй, вы двое, зайцы длиннолапые! Не можете чуть посолиднее передвигаться? Я вам не стрекоза попрыгучая.

Фердимонд сбавил скорость.

— Как бы малыш Толстун не потерялся, — ухмыльнулся он МакБерлу. — Ни зги не видать, во.

— Давай подождем, друг, — придержал его Там. — Лес от нас не убежит.

Из тумана появился Дуги. Дышал он, как кузнечный мех, с шипением и присвистом.

— Вот вы где. А я вас ищу. Давайте, я пойду вперед, а вы за мной. Солидно, выдерживая интервал.

— Во, во, взлети орлом, попробуй, коль с тобой две утки переваливаются, — сокрушался Фердимонд и потешно изобразил упругую походку Дуги, вызвав взрывы смеха своих спутников.

Сам Дуги не остался в долгу и передразнил речь Фердинанда.

— Если бы я так картавил-шепелявил, — воздел Дуги лапы в притворном ужасе, — я б заплыл подальше в море и попросил какую-нибудь знакомую акулу сожрать меня с тапочками.

— Ладно, ладно, во! Если бы я так булькал, как ты зайца изобразил, я бы смиренно попросил нашего нового знакомого Гуло приготовить из меня завтрак, во, во!

Перебрасываясь шуточками и подкалывая друг друга, они продолжили путь. Туман стал пожиже, впереди вскоре показались деревья.

— Лес, ребята! — негромко сообщил МакБерл. — Теперь расходимся. Дуги влево, я вправо, Ферди вперед. Осторожно, внимательно. Встреча у во-он той старой ольхи.

До ольхи добрались без приключений. И сразу наткнулись на след нечисти.

— Ферди, пойдешь по следу. Видишь его?

— Конечно, во, ясно вижу. А почему я?

— Потому что мы с Дуги верхами пойдем, по деревьям. Ты — низом, по земле. А мы постараемся тебя не упускать из виду. Будь осторожен.

— Не споткнись, — насмешливо добавил Дуги.

Фердимонд скользнул вперед по затихшему лесу. С мокрых веток капала накопившаяся от тумана и мел-

кого дождичка влага, скоро вода закапала и с промокшего зайца. Но он добросовестно шел по следу и вскоре вышел на полянку, где уже поджидали Там и Дуги.

Заяц огляделся:

— Перья повсюду... Немало птиц они здесь уложили.

Там поворошил мечом неостывшее кострище.

— Угли еще горячие. Обьедки, скорлупа... Птицу не доели. Похоже, что-то их отсюда спугнуло.

Дуги поднял разорванную нитку коралловых бус и сумку камней для пращи.

— Или они кого-то спугнули.

— Надо выяснить. Дуги, оставайся здесь, держи ухо востро. Ферди, дуй обратно, об этом надо доложить командиру.

МакБерл оставил свой щит и исчез в ветвях. Сверху он ясно видел следы вражеского отряда. Сломанные ветки, смятые кусты, потоптанная трава... Вскоре до него донесся шум стаи. Еще немного, и он догонит врага. Там задержался в кроне старого каштана перевести дыхание и проверить оружие. Тишина, скрытность... Ничто не должно звякать и бренчать. Он поправил панаш, плотнее завернулся в плед.

Неожиданно сверху раздался слабый шорох листьев. Не успел МакБерл поднять глаза, как мощным ударом его сбило с ветки что-то темное и большое.

Аббат Монотон пил с малышами понарошковый чай. Он любил общаться с малышами, слушать их лепет и играть в их игры. Малышка мышка Мимзи подала ему невидимую тарелку с какой-то понарошковой едой.

— Ммм, какие вкусные ватрушки! — восхитился аббат.

— Не-ет! Что, не видишь? Это же не ватрушки! Это же клубничные корзиночки, я их только-только испекла.

— Ох, извини, Мимзи. Глаза у меня уже старенькие, видят плохо, вот я и обознался. И вправду, мое любимое пирожное. И запить чаем сладеньким, да?

— Не-ет, отец аббат, чаем пусть детишки балуются.
— Ежонок Перкл протянул аббату невидимую кружку;
— Вот перестойный... пристойный напиток, вареный крапивный эль.

— Хурр, только ни полсловечка сестре Армиле, — забубнил на ухо аббату кротеныш Мадж. — Она нам крапивного эля совсем не дает.

— Ни-ни-ни, — замотал головой Монотон, поднося понарошковую кружку ко рту. — А вкусный у вас крапивный эль. Вареный, да.

— Прячь, прячь! Сестрила Армила! — запищали и зашептали малыши. — Заругает!

В спальню быстрым шагом вошла сестра Армила, за ней появилась Бруки. Сестра Армила заговорила с порога:

— Отец Монотон, у меня к вам срочное дело. Важный разговор.

Аббат все еще держал лапы за спиной, как бы пряча кружку.

— Сейчас, сестра, сейчас.

Он повернул голову и зашептал через плечо:

— Идите в сад, чтобы сестра Армила не нашла крапивный эль.

Малыши прижали лапы к мордочкам:

Тсс!

Они потихоньку погрузили понарошковую провизию на понарошковую тележку и покатали ее к дверям.

— Оставьте нам крапивного эля, жадины, ха-ха-ха-ха! — зашумела им вдогонку Бруки.

Когда хихикающие малыши удалились, аббат покачал головой:

— Клубничное пирожное и крапивный эль. Что дальше-то будет? Я вас слушаю внимательно, сестра Армила.

И Армила приступила к объяснениям:

— Когда мы в саду размышляли над загадкой, меня сморил сон. Я заснула на какой-то краткий миг. Даже не знаю, отец Монотон, поверите ли вы мне, но я видела Мартина Воителя и говорила с ним.

— Конечно я верю тебе, дитя мое, — успокоил аббат взволнованную бельчиху. — О чем же вы беседовали?

Армила закивала:

— Я сначала забыла об этом, но когда мы с Бруки проходили через Большой зал, увидела портрет Мартина на стене и меня озарило.

— Ха-ха-ха-ха, здорово ее Мартин озадачил, да? — засмеялась Бруки.

Отец Монотон улыбнулся выдре и спросил у Армилы:

— А сейчас ты все помнишь?

— Да. Мартин сказал, что знает меня, потому меня и выбрал. После этого он сказал:

Я вижу миссию твою:
С подругою смешливою
К зюйд-весту через Лес идти,
Чтоб меч мой древний отнести
Продавшему свой меч давно.
Ступайте! Это решено.

Аббат сложил лапы, соединив широкие рукава своей рясы.

— Больше он ничего не говорил?

— Нет, отец Монотон. Что мне теперь делать?

Аббат задумался.

— Армила, найди моего кузена Джема. Бруки, отыщи Командора. Попросите их прийти в сторожку. Надо поговорить.

Джем ворчал, поспешая за сестрой Армиллой:

— Великие Сезоны спешки, отдохнуть не дадут. Только влез после теплой ванны в чистую одежду, как куда-то потащили. Такой древний старичок, как я, может и простудиться.

— Ничего с вами не случится, сэр, — успокоила сестра Армила. — Кузен зовет вас по важному делу.

— Гм... Интересно. А почему ж вы сразу не сказали?

— Я сказала, — улыбнулась сестра Армила. — Наверное, вы не расслышали.

В сторожке уже собрались Командор, Бруки, отец Монотон и привратник Гордил. Неожиданно в дверь просунулась голова брата Грисома. Он вошел с подносом, на котором красовался сливовый медовик и бутылка грушевой смородиновки.

— Надеюсь, я вам не помешаю? Увидал это я, что вы все сюда спешите, и стало мне любопытно.

— Присаживайся, брат Грисом. Сестра Армила, прошу.

Армила снова рассказала о происшествии. Когда она закончила, аббат обвел взглядом присутствующих.

— Что вы об этом думаете, друзья?

Первым высказался Командор выдр:

— Надеялся я этого избежать. Зиму пережили, весна вот... Что ж, чему быть, того не миновать. Так, Джем?

— Да, брат, что поделаешь, — закрихтел старик еж.
— Слишком уж заметное наше аббатство, торчит на

тропе меж лесами и долинами. А у нечисти глаза зоркие.

— Ты Гуло имеешь в виду, Джем? — спросил брат Гордил.

Аббат подошел к окну сторожки и устремил взгляд на зеленые лужайки.

— Мы с Командором надеялись, что нечисть пойдет в другом направлении. Но, если я правильно понял Мартина, он предупреждает, что аббатство в опасности. Теперь я хочу задать всем серьезный вопрос: считаете ли вы, что мы должны действовать согласно указаниям нашего духовного покровителя?

Брат Гордил подпрыгнул от неожиданного взрыва смеха Бруки.

— Хо-хо-хо-хо, крестинами мы были б, если бы Мартина не слушались!

Командор наступил на хвост племянницы.

— Потихе, Брукфлоу. Да, шумная она, конечно, но сказала верно.

Настоятель положил лапу на плечо Командора.

— Что ж, нам следует выполнить слова Мартина буквально. Если, конечно, Армила и Брукфлоу согласятся. Что касается остального... Я почти всю жизнь провел в своих погребках... Но мне доверили пост настоятеля, и я озабочен безопасностью всех его обитателей. В вопросах войны и обороны я, конечно, полностью доверяю Командору.

— Спасибо, друг Монотон, — склонил голову Командор. — Сестра Армила, вы готовы выполнить поручение Мартина? А вы, юная Брукфлоу?

Сестра Армила взяла подругу за лапу.

— Я готова, если Бруки пойдет со мной, — скромно сказала она.

— А-ха-ха-ха-ха, попробуйте меня удержать! — прыснула молодая выдра.

Командор взъерошил шерсть на затылке племянницы. Сняв с пояса пращу и мешок камней, он передал оружие Бруки:

— Моя лучшая праща, вернешь в сохранности, ша-лопайка. И сестру Армилу береги.

Бруки уже жевала кусок медовика.

— Спасибо, дядюшка. Отличная праща. И медовик что надо. Конечно, сберегу Армилку. Если навру, зарядите меня в пращу и запустите из чердачного окошка, ха-ха.

— Мы позаботимся друг о друге, — заверила Армила. — Когда в путь?

— Лучше передвигаться по ночам. Безопаснее, — сообщил Джем, устроившийся в глубоком, удобном кресле. — Держаться тени и двигаться бесшумно. Нам бы с Уолтом вас проводить, да какие теперь из нас ходоки... — Расстроенный Джем махнул лапой и с сожалением покачал головой.

— Я выделю вам сопровождающих, — решил Командор. — Они будут держаться вплотную за вами на всякий случай.

Но Армила решительно возразила:

— Ни в коем случае. Никаких провожатых. Указания Мартина решено выполнять буквально. Ни о каком сопровождении он не говорил. Мы двое. И меч. И все. Сегодня после ужина и выступим. К зюйд-весту, то есть через Лес Цветущих Мхов. К продавшему свой меч.

— Так, Бруки?

Выдра бодро кивнула:

— Точно так. Найти этого растяпу-растеряху и передать ему меч Мартина. Как бы он еще и наш меч не продал и не потерял, го-го-го-га-ха-ха!

Командор свирепо глянул на племянницу:

— Язык для супа отрежу!

Ужин в Большом зале, перед гобеленом Мартина Воителя. В центре внимания — обе молодые особы, белка Армила и выдра Брукфлоу. Казалось, каждый стремится наградить их подарком и облагодетельствовать советом.

— Хурр, мэм, этот маленький кинжал очень удобен и остр.

— Прекрасный боевой плащ моего дедушки...

— И запомните, никаких разговоров с нечистью. Лучше ее не видеть, а увидите — сразу прочь! Держитесь подальше...

Аббат улыбнулся Армиле:

— Вы с Бруки получите больше советов, чем сможете запомнить, и больше вещей, чем сможете унести.

Армила положила на стол счастливый камушек, полученный от маленького крота Маджа.

— Да, отец Монотон, но все это от чистого сердца, с добрыми намерениями. Как мы можем отказаться?

— Хурр, не беспокойтесь, мэм, мы все сохраним, — пообещал Армиле Уолт Улепетун.

— Спасибо, Уолт, — ответила Бруки вместо Армилы. — Как нога, еще не отвалилась?

— Знаешь, Бруки, расчудесную мазь дала мне сестра Армила. Нога как новая. Я теперь люблю лекарства.

— Вот и отлично, сэр, мы вас сделаем целителем на время моего отсутствия, — пошутила сестра-лекарша.

— Спасибо, сестра, — просиял старый крот. — Хурр, такой ответственный пост, — заволновался он.

Бруки встала и провозгласила:

— Слушайте все! Этот добрый крот теперь ваш лекарь, сестра Уолт, га-ха-ха-ха-ха!

— Хурр, сестрица, меня мозоль мучает! — крикнул Уолту Кротоначальник Браффи. — Вылечишь — поцелую.

— Брр-хурр, поцелуешь — еще и на лбу мозоль вскочит! — огрызнулся Уолт.

Ужин продолжался в веселой, доброй, непринужденной обстановке. Аббат выждал, когда все немного приутихло, и кивнул Командору. Тот проследовал к гобелену Мартина, поднялся на стул и снял с крепления меч. В наступившей тишине Командор подошел к Армиле и положил меч на стол перед нею.

Аббат торжественно произнес краткое напутствие:

— Это меч Мартина Воителя, выкованный барсукон, Лордом Саламандастроном. Предание гласит, что металл для меча взят из осколка упавшей на землю звезды. Всегда этот меч служил символом чести, верности, справедливости. Отныне он переходит к вам, сестра Армила. Пообещайте, что доставите это благородное оружие обратно, когда выполните стоящую перед вами задачу.

Кроме венчающего рукоять красного камня, на рукояти не было никаких украшений. Простое, надежное и удобное оружие. Армила положила лапу на рукоять, с благоговением глядя на обоюдоострый, с продольной канавкой клинок.

Армила говорила негромко, но все затаили дыхание, и слова ее отдавались эхом под сводами зала.

— Отец настоятель, для существа, посвятившего жизнь целительству, непривычное занятие — носить такое оружие. Но я доставлю этот меч воину, о котором говорил Мартин Воитель. Обещаю вернуть меч сюда, в Большой зал аббатства, когда он сослужит свою службу.

Под аплодисменты и напутствия аббат обнял юную белку, выросшую в аббатстве у него на глазах. Старый еж прослезился, думая об опасностях, поджидающих молодых путешественниц.

Облака, чередой плывшие по ночному небу, то и дело закрывали луну. Где-то вдали вопил козодой. Командор отпер маленькую дверь в восточной крепостной стене.

— Береги сестру Армилу и меч, — напутствовал он племянницу, нежно погладив ее по щеке.

В этот момент даже Бруки было не до смеха.

— Не беспокойся, — заверила она дядюшку. — Все будет в порядке.

— Мы будем ждать вашего возвращения. Пусть вам постоянно улыбается удача.

Две фигуры, закутанные в плащи, удалились от стены, и дверца снова закрылась.

Подруги быстро шагали по тропе, исчезающей в Лесу Цветущих Мхов. Все за стенами аббатства выглядело иначе без благословенного солнечного света.

— Нечасто я покидала Рэдволл, — поежилась Армила. — Травы собирала, в детстве гулять ходили... Неуютно здесь вдвоем, да еще ночью.

Бруки сдержалась, чтобы не хихикнуть, и солидно заявила:

— Держись меня, и все будет нормально. Я опытный путешественник, два раза с дядей и его выдрами ходила к северным берегам.

Опытная путешественница вдруг споткнулась и растянулась на траве.

— Подъем! — Армила протянула ей лапу. — Не ушиблась?

Но Бруки уже вскочила.

— Спасибо, все отлично. Вот бы луна не прыгала за тучи. Плащ тоже в ногах путается все время.

Они без приключений проследовали по тропе на юг. Глаза Армилы привыкли к темноте.

— Осторожнее, не свались в канаву, Бруки. Постой! Давай закрепим меч.

Обернутый берестой меч они пристроили так, чтобы тот висел за спиной Армилы и не привлекал взгляда непрошеного наблюдателя. Оба мешка выдра небрежно перекинула через плечо.

— Ты носи меч, а с этими пустячками я справлюсь.

— Спасибо, Бруки, — улыбнулась Армила. — Брат Грисом разработал для нас специальное походное меню. Ничего не надо готовить, бери да жуй. И в каждом

куске целый обед, очень питательный. Берлап тоже постарался: напиток — по особому рецепту.

— Да, мешки легкие, — подтвердила Бруки. — Что там, во фляге?

— Фруктово-медовый сироп. Разбавляй и пей. Здорово?

— Скажу, когда попробую. Не пора ли срезать к за-паду? Тропа-то на юг идет.

— А как мы через канаву переберемся?

К Бруки окончательно вернулось чувство юмора.

— Должно быть, через нее перепрыгнуть придется. Потому что под ней туннель прорыть малость сложнее, ха-ха-ха. Оп!

Выдра перепрыгнула через канаву почти без разбега.

— Всего делов. Мне бы птицей быть. Только что летала. Белке легче. Давай: на старт, внимание, прыг!

Армила разбежалась, но в решающий момент запуталась в плаще и рухнула вниз.

— Ладно, пусти, сейчас вылезем, — успокоила ее Бруки, сползая в канаву по откосу.

Из-за очередной тучи выползла луна, осветив бледным светом жуткую картину. Армила неподвижно лежала на спине, испуганно шепча:

— Бруки, не шевелись!

Воды в канаве не было, а на дне, покрытом слоем влажных листьев, из колец своего свернутого тела медленно поднимала голову змея.

— Бруки, это гадюка! Что делать?

Выдра внимательно смотрела на змею. Медленно снимая с плеча мешки, она пыталась завести разговор с рептилией:

— Извините, вы, случайно, не гадюка?

— Мне тоже, — приободрилась Армила. Невозможно долго унывать в присутствии такого бодрого друга, как Бруки. — Пусть госпожа смерть оживает по-маленьку.

Развеселые подружки выбрались из канавы и направились в лес. Вскоре Бруки остановилась и принялась озадаченно скрести затылок.

— Откуда мы знаем, что идем на юго-запад? Я в этих югах-северах, как рыба в прыжках по веткам...

— Ничего сложного, — заверила Армила. — Солнце встает на востоке. Отвернулась от него — смотришь на запад. Тогда юг слева, а север справа. Поворачиваешь между ними — вот тебе и юго-запад. Поняла?

— Ха-ха-ха... Не поняла. Ладно, ты будешь следопытом, а я беру на себя голодных змей.

Подруги шли по лесу всю ночь, а утром восходящее солнце подтвердило, что они придерживались верного направления. Армила потерла усталые глаза.

— Нам велено ночью идти, а днем отдыхать. Давай устроим привал, перекусим да вздремнем.

— Ни словечком не возражаю. Прямо тут и рухнем. У этого вяза.

Расстелили плащи, развязали мешки. Армила вытащила два хлебца. В один впилась зубами, другой протянула подруге:

— Ммм, вкусно! Смотри, в нем сыр, грибочки, морковочка, лучок. А у тебя что?

— Ха-ха, в моем мед, орехи рубленые, яблоки и ягоды. Брат Грис целый обед в два каравая засунул. Давай съедим по половине и поменяемся. Вот по два блюда и получится.

Армила вытащила фляжку и две кружки.

— Пойду поищу воду сироп разбавить.

Когда Армила вернулась, Бруки уже дремала. Она приоткрыла один глаз и спросила сонным голосом:

— Нашла воду?

— Воду не нашла, но нашла что-то другое. Тропу нашу вчерашнюю. Она тоже свернула на юго-запад. Кто сказал, что тропа идет к югу и надо свернуть в лес?

Выдра плотно сжала веки.

— Ты, конечно. Не мешай спать.

— Нет, ты, врунья толстохвостая. Спокойной ночи!

— Хи-хи-хи. Спокойного дня.

— Отстань. Я с тобой не разговариваю, — улыбнулась Армила.

— Да молчу я, молчу. Сплю давно, не мешай. Хи-хи-хи-хи.

Разгорелся теплый и ясный день, предвестник прекрасного лета, когда бесшумно порхают мотыльки, роится лесная мошкара, деловитым баском гудят над цветами пчелы и шмели. Путешественницы мирно сопели в дырявой тени раскидистого вяза. Солнце уже перевалило через зенит и подумывало о возвращении домой, на запад.

Более чуткую Бруки разбудило солнце, которое уставилось ей прямо в физиономию, нестерпимая жажда и любопытная ярко-желтая бабочка, порхавшая как раз над полуоткрытым ртом выдры. Бруки сдула бабочку, отвернулась от солнца и попыталась вернуть сон. Куда там! От жажды так просто не отделаешься. Армила все еще спокойно спала, плотно закутавшись в просторный походный плащ.

Бруки уселась, зевнула и начала звучно вздыхать. Увидев, что белка зашевелилась, Бруки принялась причитать:

— Ужас, ужас, поспишь тут, пожалуй.

— Что там за ужасы у тебя? — сонно пробубнила Армила.

— Солнце наглое, звери всякие в пасть лезут, а язык толще хвоста распух, страсть как пить хочется. А тебе не хочется?

Армила тут же поднялась и принялась собираться.

— Хочется. Вместо нытья идем лучше воду искать.

Они пошли на юго-запад вдоль канавы, и скоро Бруки услышала журчание воды. Подземный ручеек выбивался из стенки канавы и крохотным каскадом падал на ее дно. Вода оказалась чистой и прохладной.

Утолив жажду, подруги отправились дальше. Вдруг Бруки прыгнула в лес и мгновенно вернулась с длинной и почти прямой веткой.

— Вот что нам нужно! И никаких драк с гадюками на дне канавы. Смотри!

Она уперлась веткой-шестом в дно канавы и, сильно оттолкнувшись обеими задними лапами, перепрыгнула на другую сторону.

— Хо-хо-хо, ай да я, ай да молодец! Делай, как Бруки, сестрилка Армилка! — И выдра толкнула шест обратно.

К своему удивлению, Армила так же легко перелетела на другую сторону.

— Смешные Сезоны, какая я, оказывается, отчаянная! Что бы сказал отец Монотон, если бы увидел, как несолидно я себя веду!

— Он сказал бы: «Молодец!», Ха-ха-ха! Теперь пойдем по ровной дороге, не надо больше о пни спотыкаться.

Они продолжили путь при свете дня. Постепенно тени удлинялись и повеяло вечерней прохладой.

Капитан Шрад с отрядом из двух десятков песцов и горностаев отдыхал у канавы, закусывая яйцами лесных голубей. Его следопыты Фервул и Брудж обнаружили большую колонию голубей. На птиц не стали тратить стрел и времени, а яиц набрали множество.

Приятельница Шрада Фрита проткнула когтем очередное яйцо, смачно высосала содержимое и швырнула пустышку в канаву. Затем вздохнула и хитрым оком скопилась на капитана:

— Неплохое местечко для ночлега.

Шрад нерешительно вертел очередное яйцо в лапе.

— Гуло приказал идти днем и ночью, без отдыха до этого самого Рэдволла.

Фрита презрительно фыркнула:

— Гуло? А где он, Гуло? Я его здесь не вижу. И он тебя здесь не видит. Народ устал. Да и ты устал. Одна ночь ничего не решает. А Великому Гуло о таких мелочах знать необязательно.

— Пожалуй, ты права. Отдыхаем до рассвета. — Шрад повысил голос: — Фервул, Брудж! Возьмите луки, посмотрите, может, птицы в гнезда вернулись. До утра отдыхаем!

Обрадованное зверье бросилось по кустам искать места поуютнее. Скауты отправились по тропе к голубиному поселению. Шрад уже собрался было растянуться в папоротниках, но перед ним вдруг возникли оба разведчика.

— Что там еще стряслось? — недовольно буркнул Шрад.

— Капитан, на тропе две каких-то ненормальных, — почти шепотом доложил Фервул. — Идут сюда, горланят какую-то дурацкую песню. Нас не заметили.

— Всех собрать в канаву! — хриплым шепотом командовал капитан. — Берем живыми!

Армила и Бруки бодро шагали по тропе. Белка накинула плащ.

— Прохладнее становится. Когда привал?

— Когда устанем. Нам, правда, велено ночью шагать, днем отдыхать.

Легкий шорох сзади привлек внимание Армилы. Она резко обернулась — четыре горноста: два с копытами, еще два сжимают в лапах луки с вложенными стрелами.

— Бруки, сзади...

Но и спереди возникли на тропе четыре белых лиса с мечами, похожими на серпы.

— Х-ха, отдохнули. Бежим в лес... — начала было Бруки, стараясь не разжимать губ.

— Отбегались, — раздался грубый голос совсем рядом.

Из лесу и из канавы выпрыгнули белые звери, окружив белку и выдру плотным кольцом.

— Связать! — отрезал капитан Шрад.

ВОИН, ВЕРНУВШИЙ
СВОЙ МЕЧ

КНИГА
ВТОРАЯ

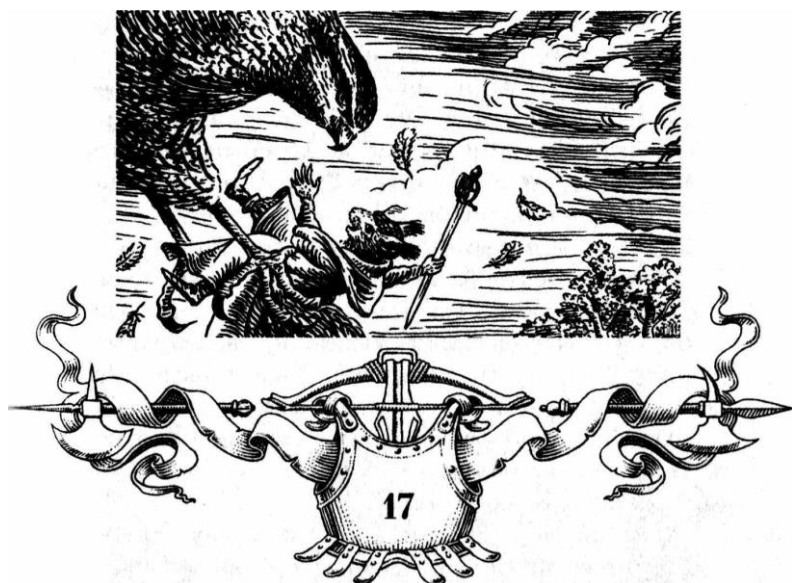

агает Рэкет Рэкет Там!
Бьет барабанный бой!
Шагает Рэкет Рэкет Там!
Шагает он на бой!

Кто может помешать ему
Взять королевский стяг?
О нет! Такому храбрецу
Не помешать никак!

А есть еще и Дуги с Гор,
Из Долгого Дозора,
Не ведающий страха
И жалкого позора!

Меред сбитым с ветки МакБерлом мелькнул хищный, с золотым ободком глаз. Мощные когти сомкнулись на плаще-пледе, крылья колотили по морде. Ком перьев, шерсти, ткани и оружия неся к земле. Куст сирени смягчил падение, и Там умудрился схватить палаш, хотя и за клинок. Сжав свободной лапой птицу за горло, МакБерл пытался увернуться от острого клюва. Удачно стукнув противника по макушке рукоятью палаша, МакБерл выиграл момент, сорвал плащ и накинуд на голову противника, приглушив его гневные крики. Еще и еще раз он с силой

ударил противника по голове. Освободившись от хватки острых когтей, МакБерл вскочил как раз вовремя, чтобы увидеть новую опасность: к нему неслись белый лис с занесенной над головой кривой саблей и горноста́й с копьём на изготовку. Эти звери шли в последних рядах отряда Гуло и, услышав шум, решили полюбопытствовать, что происходит.

МакБерл мгновенно оказался перед лисом, отбил его саблю и надвое расколол палашом череп. Второй враг остался за спиной Тама, но птица, стащившая плащ с головы, ударила горноста́я клювом и впилась когтями в шкуру, свалив наземь. Горноста́й направил копьё на нового противника, но Там уже проткнул его палашом, пригвоздив к земле. Тяжело дыша, воин из Приграничья опустил палаш и встретил удивленный взгляд крупного ястреба.

— Йи-икр-р-р! Нечисть кр-рошит др-руг др-руга?

Там на всякий случай покрепче сжал оружие.

— Я не нечисть, это мои враги. Зачем ты на меня набросился? Что я тебе сделал?

— Х-ха-акр-р! Тер-рген непр-рав, непр-рав, пр-рости Тер-ргена. Вр-ремя дор-рого! — Ястреб нетерпеливо хлопнул одним крылом. — Потом говор-рить, нечисть р-рядом. Скр-рывать, скр-рывать!

Понимая разумность этого предложения, МакБерл последовал за Тергеном. Ястреб передвигался быстрой подпрыгивающей походкой. Там заметил, что одно крыло птицы повреждено. Ястреб берег его, старался им не шевелить. Вскоре они добрались до укромного убежища, скрытого пышными зарослями папоротника. Какое-то существо давным-давно оставило это гнездо, служившее теперь жилищем раненому ястребу.

Терген со стоном опустился на моховую подстилку.

— Гр-ра-а-а-кх! Смер-рть пр-роклётой нечисти! Стр-рела, стр-рела! — Он поднял больное крыло, помогая клювом. Там увидел, что из гноящейся раны вплотную к телу торчит обломанное древко стрелы. — Тер-рген р-ранен, р-ранен. Летать — нет, кр-рушить нечисть — да, да!

Следовало немедленно оказать помощь всякому, кто ненавидит нечисть. Рэкет Там пригнулся к ране:

— Друг, лекарь из меня никакой, но стрелу удалить попробую. Кстати, зовут меня Там, Рэкет Там МакБерл.

Золотой глаз ястреба одобрительно сверкнул.

— А-а-ррк! Бер-рл — добр-рое пр-розвище, добр-рое. Пр-рочь стр-релу, Бер-рл. Летать, летать, кр-рушить нечисть! Йи-и-и-и-кар-р-р-р!

Вытащить стрелу оказалось непросто. МакБерл потратил на это не один час. Но ястреб сидел все время как каменный, не шелохнувшись, и только то и дело покрикивал:

— Йи-ка-рр! Смер-рть гор-рностаям! Кр-руши, кр-руши!

Наконец Там вытащил стрелу и ее обломки. Он показал древко Тергену:

— Вот она. Больше я, к сожалению, ничего не умею. Надо бы травки, примочки, повязки... Лучше стало, Терген?

Птица попыталась поднять крыло и дернулась от боли.

— Кр-р-р... Летать — нет, нет.

— Не отчаивайся, друг. Пойдешь со мной к друзьям, к зайцам Дозорного Отряда. Они помогут.

— Х-ха-р-р, дозор-р-р, долгие уши... Видел, видел. Слышал. Во-во-во-во-во! Много-много во-во-во.

— Да уж, больше некуда, — улыбнулся МакБерл.

Дуги точно выполнил указание МакБерла и шагу не ступил из вражеского лагеря, но бездеятельность мучила непоседу, и он облегченно вздохнул, когда Фердимонд вернулся с зайцами. И Крамшо, как казалось Дуги, зря теряет время. Дымясь нетерпением, Дуги жаловался сержанту Тарану:

— Сколько еще сидеть, хвосты давить? Чего ждем? Неужели больше ничего не придумать?

Сержант, служивший под командой Крамшо долгие сезоны, терпеливо втолковывал:

— Спокойно, мистер Толстяк, во. Ребята устали и проголодались, отдых позарез необходим. МакБерл скоро вернется. Все своим чередом, во!

Гонимый жаждой деятельности, Дуги опустошил котелок грибного супа с луком и недовольно глянул на капрала Задика.

— Сидите, как бабушки за прялками. Никому дела нет, что там с МакБерлом приключилось...

Тут до него донесся знакомый голос:

— Эй, дозорные! Здесь свои! Рэкет Там МакБерл с раненым другом!

МакБерл и Терген вошли в лагерь. Направляясь к командиру, МакБерл принял у Дуги щит и сурово уставился на горца:

— Обьедаешься и отсыпaeшься? Суровый походный распорядок, да?

Дуги, в восторге от возвращения друга, тотчас насутился:

— Чья бы лягушка мычала... Сам вон матрац с перьями за собой таскает, на ходу дрыхнет...

Он тут же отпрыгнул назад от острого клюва ястреба, щелкнувшего возле его физиономии.

— Й-йи-к-р! Бер-рл, Тер-рген р-разор-рвет жирного кр-рошку, вер-рно?

Дальнейшему обмену любезностями помешало появление командира.

— МакБерл! Ждем, ждем, докладывайте.

Выслушав МакБерла и Тергена, Крамшо встопорщил усы и задумчиво пробормотал:

— Дак-к-к... Рэдволл, Рэдволл... Барабан на второй план задвинем, во... Время дорого... — и тут же гаркнул: — Сержант!

— Здесь, сэр! — подскочил Таран.

Командир нацарапал своей тросточкой на земле план.

— Мы здесь, тут Рэдволл, — ткнул он два раза и провел волнистую линию. — А где-то там противник. Для защиты аббатства нам как-никак нужно до него добраться. МакБерл, вы снова возьмете Дуги и де Мэйна и прибудете в Рэдволл до нас и до нечисти. Предупредите их об опасности, пусть приготовятся к обороне. Понимаю, задача непростая, но вам по плечу.

МакБерл передал командиру свой щит:

— В Рэдволле вернете, сэр. Ферди, Дуги, а теперь предлагаю освежиться глотком сидра, и в путь.

Командир Крамшо исподлобья изучал облако пыли, поднятое пятками исчезнувших скаутов и медленно оседающее наземь.

— Во-во... Нормальный боевой дух. Керси, Донси, отцепитесь от котелков, у меня для вас работа, во.

— Какая, сэр?

— Спасибо, сэр!

Сверкнул монокль, командир кольнул взглядом обоих молодых зайцев.

— Захлопните пасти и слушайте. Вы снова в авангарде. Поручаю вам найти кратчайший путь к аббатству в обход тропы и нечисти. Надо опередить противника. Надеюсь, на этот раз я в вас не разочаруюсь, во.

Близнецы сияли, едва сдерживаясь, чтобы не завопить от восторга.

— Не подведем, во, сэр!

— Не пожалеете, сэр!

Над лагерем загремел зычный бас сержанта Тарана:

— Подъем, лежебоки, лентяи, бездельники, во, во! Выступаем немедленно и еще скорее! Форсированный марш. Фронт и тыл — маяки я и Фортиндом, фланги — Задик и Вилдери. Все слышат? Можете не отвечать. Живей, живей, во! В колонну по четыре... Ма-а-арш!

Колонна шла, стараясь не шуметь. Но Крамшо не удержался, вполголоса напевая себе под нос песенку про то, что зайцы офицерами не рождаются.

Юфус Легкая Лапа не устал восхищаться собой, хитроумным. Он покачивался на ветке высокой ольхи, наблюдая за Гуло и его недотепами, прочесывающими местность. Вор оказался и превосходным тактиком. Зная, что за ним увяжется погоня, он решил эту погоню организовать в нужном направлении. Для этого Юфус оставил след. Вел этот след, конечно, не к его милой квартирке на берегу озера. Одновременно Юфус, любитель игр и развлечений, позаботился и о себе как единственном зрителе увлекательного спектакля. Из потаенных уголков наблюдал Юфус,

как бестолково мечутся его преследователи. Но он никак не мог предположить, что оставленные им следы преследователи приняли за отпечатки лап страшного зверя, невиданного в его родных местах.

Придурки, они воображают, что выйдут к его гнезду! Юфус Легкая Лапа будет водить эту стаю, пока им не надоест ползать по следу. Потом он подумает над следующим развлечением. А пока, как только они ночью заснут, он снова проберется в их лагерь и что-нибудь стащит.

Нечисть ушла дальше, и Юфус спустился на землю размять лапы. Он слышал, как Гуло рычал и орал на свое зверье:

— Гр-р-р! Дуболомы, недоумки, ищите след или свой след живой кровью оставите!

Юфус резво обогнул бестолковое стадо, пересек канаву и тропу, вышел перед разведчиками Гуло, помечая стволы ворованной саблей, приминая траву и вороша кусты. Выполнив эту важную задачу, он вскарабкался на большую корявую иву. Разорвав нитку одного из украденных ожерелий, он кинул ракушки и цветные камушки на тропу, оставив лишь самые крупные. Осторожно вытащил пращу.

Горноста́й Грик, опередивший всех, вдруг почувствовал легкий удар по лапе. Нагнулся, увидел янтарную бусину.

— След, ребята, след!

Песец Урфик рванулся через канаву на тропу, к Грику.

— Глянь, бусы! Узнаю, мои! Дирик, передай по цепи, след на восток, так, кажется.

И вот уже по оставленным Юфусом следам все толпой устремились на восток.

Вор слез с ивы, самодовольно усмехаясь:

— Бегите-бегите, идиоты. Я вас ночью навещу.

Он пересек тропу и спустился в канаву. Здесь он собрался было прикорнуть, но услышал какой-то новый шум с севера. Юфус украдкой выглянул из канавы.

Связанных Армилу и Бруки вели горностаи Фервул и Брудж. Конвой задержался вблизи от Юфуса. Глядя на следы, оставленные войском Гуло, Фервул удивленно заметил:

— Наш повелитель повел войско на восток, в лес. Думалось мне, что цель наша — Рэдволл...

— Да, и я так думал, — проронил Брудж.

Фрита больно ущинула Бруджа за ухо:

— Думать — не твоя забота. Наши пленные должны рассказать все как миленькие. Ясно, они из этого Рэдволла. И одеты одинаково.

— Отставить разговоры! Идем к Гуло! — приказал Шрад, пропуская всех вперед. Он поманил к себе оставшую Фриту и шепнул ей: — А об этой штуке никому знать не нужно. И Гуло тоже перебьется. — И он приподнял полу плаща, показав подруге сверток с мечом Мартина.

— Пусть это остается нашим маленьким секретом, — с хитрой улыбкой согласилась арктическая лисица.

И Шрад с подругой зашагали вслед за своей группой.

Юфус присел на дно канавы, вытащил из поясной сумки пряник и принялся его задумчиво жевать, обдумывая увиденное. Юфус часто беседовал сам с собой. Так легче размышлять. Да и приятно побеседовать с таким умным существом.

— Да, не соврал белый, эти две милашки из аббатства. Я их там заметил, когда подзанил фруктов из сада. Хитры эти лисы, ничего не скажешь... Что он там под плащом прятал? Ничего, узнаю ночью. А сейчас нужно все же отдохнуть, подготовиться.

Угрызений совести Юфус не ведал, поэтому тут же заснул сном младенца, завернувшись в королевское знамя.

Проснуться пришлось раньше срока. Разбудило Юфуса неприятное щекотание по его пушистой щеке. Он открыл глаза и увидел блестящее острие палаша. Вор поднял глаза кверху и обнаружил над собою вооруженную группу: две боевые белки, длинный заяц и здоровенный ястреб.

Сообразительный Юфус лучезарно улыбнулся им как лучшим друзьям:

— Прекрасный денек, господа! Не обращайтесь на меня внимания. Я помешал? Перешагните и продолжайте путь, прошу вас, не стесняйтесь.

Дуги рывком поставил Юфуса на лапы.

— А объясни-ка нам, господин мелкий шкет, где ты обзавелся этой пестрой тряпкой.

Юфус умело ускользнул от ответа:

— Вас интересует эта ткань? Я охотно вам о ней расскажу. Но думаю, что есть на свете вещи поважнее. Вы, наверное, идете по следу зверя по имени Гуло, страшного убийцы, не так ли?

МакБерл улыбнулся изворотливости береговой полевки.

— Уговорил, о флаге позже потолкуем. Что ты там сообщишь о Гуло? Конечно же, ты его видел.

Ловко выскользнув из лап Дуги, Юфус ответил:

— Да, господа, я видел его так же ясно, как сейчас вижу вас. Это столь же верно, как и то, что меня зовут Юфус Легкая Лапа. У этого Гуло с собой целая армия белых зверей. И еще пленники: две речные крысы и два бедных существа из аббатства, белка, на вас похожа, господин, и выдра, две молодые самки.

— Из аббатства! — воскликнул Фердимонд. — Куда они направились, сэр Легкая Лапа?

— Я вам сейчас покажу, — с жаром заверил вор, — следуйте за мной!

Юфус выпрыгнул из канавы и метнулся обратно на иву. Мигом взобравшись на ветку, он вытащил кривую саблю и занес ее над головой, в другой лапе зажав флаг.

— Только подойдите, и я искромсаю эту тряпку в мелкие куски и всех искрошу, кто ко мне попробует залезть. Я отчаянный рубака, берегитесь!

МакБерл удержал рванувшегося было за воришкой Дуги:

— Предоставь это мне. — Он подошел к иве. — Послушай, мелкий господин, тебе ничто не угрожает. Флаг мне нужен, но есть вещи поважнее, как ты сам заметил. Нам нужно освободить пленниц. Их жизнь в опасности, нечисть пожирает пленных. Если ты нам поможешь, Юфус Легкая Лапа, мы в долгу не останемся.

Юфус уселся на ветке и покачал головой:

— Питаться живыми существами очень нехорошо. Я, конечно, вор, но никогда никого не убивал. Вот что я вам предложу: свободная торговля и никакого грабежа. Обмен по соглашению. Я отдаю вам флаг и помогаю освободить девиц...

— Хорошо-хорошо, а что взамен? — спросил МакБерл.

— Я еще добавлю эту кривую штуковину, — указал он на саблю. — Острая-преострая!

Рэкеті Там пожал плечами:

— Ты так и не сказал нам, что хочешь получить.

Юфус спустился ниже.

— Вот этот прекрасный прямой меч с прекрасной рукоятью, который вы держите в лапах, сэр.

Возмущенный Дуги полез из канавы.

— Ах ты гнусная шмакодявка! Да я тебя мелкими клочками по всему лесу развею!

— Кр-р-р-и-икк! Р-р-разор-рву! — заскрежетал Терген.

— А как же пленницы? — засомневался Фердимонд.

Юфус сразу переключился на зайца:

— Вот поистине мудрый господин! Дайте мне один-единственный меч, и вы получите флаг, целых две жизни и мой прекрасный кривой... то есть изящно изогнутый меч. А иначе флага у вас не будет, а эти каннибалы сожрут пленниц.

МакБерл подкинул свой меч рукоятью вверх:

— Лови!

Юфус ловко подхватил палаш за коробчатую рукоять и полез вниз.

— Добрый и мудрый господин, сэр. Вот ваш флаг и мой прекрасный меч. Я отведу вас...

Но МакБерл по-иному рассматривал ситуацию:

— Нет, Юфус. Флаг пока оставь у себя. Сабля твоя ворованная мне ни к чему. Отведи моих друзей, Тергена и Фердимонда, в аббатство и ждите там нас с Дуги.

Ястреб и заяц бурно запротестовали:

— Йй-а-а-агр-р! Тер-рген пр-ротив! С Бер-рлом, с Бер-рлом!

— Дак... Мак, старик, спасти девиц — моя специальность, во, во!

Но МакБерл все уже обдумал:

— Нет. Мы с Дуги лучше скроены для такой работы. И Юфус не нужен, следы слишком уж ясные. Нам поручено предупредить Рэдволл. Пленниц тоже нужно спасти. Я назначен старшим и принял решение. В путь, друзья!

Никто больше не возражал. Когда Дуги остался с МакБерлом наедине, он спросил:

— Там, ты здорово командуешь, поздравляю, но объясни, как это ты с палашом расстался? Да еще подарил этому жулику флаг? К такому МакБерлу мне еще привыкнуть надо.

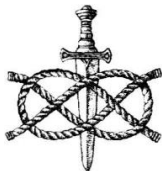
МакБерл вытащил дирк и попробовал острие.

— Флаг и палаш никуда не денутся, друг Дуги. Терген и Ферди с этого прохвоста глаз не спустят. Тебе ведь тоже придется сейчас расстаться с палашом. Нам кинжалы понадобятся. Не в атаку идем. Как Юфус крадемся, тайком, под покровом ночи.

Спрятав палаш и щит в кустах, Дикий Дуги ухмыльнулся:

— Пожалуй, я снова узнаю старину МакБерла.

Зажав в зубах малые ножи и держа кинжалы наготове, боевые белки нырнули в затихший лес.

Отблески костра придавали жестокой физиономии Гуло еще более свирепый вид. Глаза его сверкали, как звезды-близнецы. Настроение росомахи не улучшилось. Разведчики снова потеряли царапины на деревьях, которые Гуло считал следом Аскора. Вождь восседал на барабане с одной стороны костра, с другой жалось его войско, песцы и горностаи, старавшиеся держаться подальше от грозного повелителя. Между Гуло и стаей две изможденные, полубезумные от постоянного ужаса крысы.

С опаской приблизился горностаи:

— Господин, группа капитана Шрада на подходе. С ним двое пленных.

А вот и сам капитан. Меч Мартина он закрепил на спине, как раньше Армила. Поклон получается неуклюжий, но Гуло не слишком следит за этикетом.

— Могущественный, мною взяты двое пленных, существа из аббатства Рэдволл. Я доставил их перед твои мудрые очи. Они должны знать о сильных и слабых сторонах крепости.

У «мудрого» Гуло пленных не бывало. Он самозабвенно крошил черепа, не задумываясь о таких вещах, как информация. Лишь потом он вспоминал, что живой зверь мог бы многое сообщить, а от мертвого мало что узнаешь. Что ж, Шрад — его лучший офицер.

— Хорошо, Шрад. Где эти двое?

Армилу и Бруки вытолкнули вперед. Вид Гуло подействовал на них ошеломляюще. Обе замерли, когда на них уставились горящие глаза росомахи.

Гуло ударил лапой по барабану, и пленницы вздрогнули.

— Мой капитан сказал, что вы из Рэдволла. Это правда?

— Ничего не скажем! — шепнула Армила подруге.

Гуло как будто не слышал.

— А звать-то вас как?

Бруки, дрожа от страха, храбро пискнула:

— Не скажем!

Гуло улыбнулся. Пленницы зажмурились, увидев его клыки. Поднявшись с барабана, страшный зверь подошел к белке и выдре:

— Храбрость... прекрасно. Но глупо. На заре вы мне скажете все, что я хочу узнать: кто живет в аббатстве, кто его защищает, какие там входы-подходы.

— Не скажем! — на этот раз расхрабрилась Армила. Гуло молча вернулся к барабану и уселся на него.

Он упражнялся в приемах, подсмотренных у Шрада во время допросов крыс.

— На заре. Не сейчас. Все скажете. Потому что я — могучий Гуло из страны льдов и снегов. Крыс сюда! — крикнул Гуло.

Подтащили Косоглаза и Синерыла.

— Вот два живых существа. Они вне себя от ужаса, потому что знают, что с ними может произойти. Гуло и его воины поедают врагов. Всякий, кто против Гуло, — его враг. Вон с глаз моих! — гаркнул Гуло на крыс.

Крыс тут же схватили и швырнули в толпу горностаев и песцов. Косоглаз и Синерыл успели лишь взвизгнуть — и тотчас замолкли. В стороны полетели клочья серой окровавленной шерсти.

— На заре. Обдумайте спокойно ответы, у вас ночь впереди. Увести! — приказал Гуло.

Армилу и Бруки привязали к толстому дубу с раздвоенным стволом. Обе чувствовали себя отвратительно. Перед глазами все еще кружились клочья окровавленной крысиной шерсти. Наконец Армила шепнула:

— И с нами может произойти то же самое.

Бруки рванулась, но веревки держали прочно.

— Если бы дядя узнал, он смог бы нам помочь. Извини, подруга, от меня мало проку.

— Говори, говори, Бруки. Я слышу твой голос, и легче становится. Мы вместе.

— Поговори еще у меня! Ну-ка заткнитесь обе! — прикрикнул часовой-горностай и пнул Армилу. — Утром будете разговаривать.

— А лучше и утром молчите. Надеюсь, вы окажетесь не такими жилистыми, как эти тощие крысы, — сострил второй часовой.

Армила тоже попыталась ударить обидчика, но не достала.

— Мерзкая нечисть, грязный трус!

Бруки с силой дергала связывающие ее веревки.

— Ух, вырваться бы мне! Еще кто кого бы съел, гнусная жаба!

Горноста́й подошел поближе, дразня выдру:

— Хи-хи. Дергайся-дергайся. Может, получится.

Сидевший перед костром капитан Шрад встал, подошел к дубу и врезал горностаю по уху.

— Тебя поставили сюда охранять пленников, а не развлекаться. Прекратить болтовню!

Горноста́й замер по стойке «смирно», Шрад вернулся к костру. Через некоторое время он улегся на бок и заснул.

МакБерл и Дуги лежали в кустах и следили за лагерем. Они обогнули лагерь и сейчас смотрели в спины Гуло и Шрада.

Там вытянул вперед кинжал и прошептал:

— Вон, у большого дуба они, видишь?

Дуги чуть подвинулся в сторону и ответил:

— Вижу. Плащ торчит из-за дуба краешком. Какой у тебя план?

— Дождаться, пока утихнут, прежде всего. С того граба можно перепрыгнуть на дуб. Вот только часовой мешает.

У ствола граба стоял, опираясь на копьё, горноста́й.

— Ну, его я беру на себя, — заверил Дуги. Он бесшумно пополз в сторону горностая.

Фигура постового шевельнулась, но не упала. Горностай оперся о граб и замер.

— Копьем его подпер, — объяснил горец, вернувшись. — Спит спокойно на посту и ни на что больше не жалуется.

По положению тела Шрада можно было понять, что капитан спит. Изволил почивать и Повелитель возле трофейного барабана. Костер почти угас. Взгляд Армилы вернулся к ближайшему окружению. Здесь валялись оба стражника-горностая. Один из них сжался калачиком, другой завалился на спину и громко храпел.

Армила попыталась дотянуться зубами до веревок, уже в который раз — тщетно!

— Как у тебя, Бруки?

— Лапы стерла, а все без толку! Умеют они узлы вязать.

— Ш-ш-ш! Тихо, обе!

— Это ты? — шепотом спросила белку выдра.

— Нет, это я, мэм. Вверх гляньте. Здесь мы, друзья!

Обе пленницы с надеждой вскинули головы и увидели в ветвях физиономии двух белок-воинов.

— Выше нос, красавицы, — улыбнулся Дуги. — Скоро будете дома.

Там и Дуги соскользнули за дуб.

— Сидите спокойно, не шевелитесь, — шептал из-за ствола МакБерл. — Сколько зверей вас охраняют?

— Только эти двое, — еле слышно шепнула Бруки.

— Оба спят. Чудовище тоже спит у костра. Белый лис

по имени Шрад, капитан, тоже, кажется, спит, но с ним надо осторожно. Очень хитрый.

Веревки, которыми пленниц привязали к дубу, упали. МакБерл и Дуги взрезали путы на лапах. Освободив выдру, Там отдал ей малый нож:

— Распутайте подругу — и быстро за дерево, ждите нас. Плащи здесь оставьте. На часовых наденем.

Армила и Брукфлоу послушно выполняли все указания. Вот их спасители вернулись и начали сращивать разрезанные веревки.

— Мой друг привяжет часовых на ваши места, чтобы ваше исчезновение не бросилось в глаза. Теперь быстрее прочь отсюда.

Бруки увидела часового у граба и остановилась. Дуги подтолкнул ее:

— Двигайтесь, сударыня, этот не опасен.

Ни Бруки, ни Армила прежде не видели убитых. Выдра боязливо кралась мимо подпертого копьём часового.

— Вы... вы убили его? И тех, возле дуба?

Дуги воздел взгляд к небесам.

— Великие Сезоны, сударыня, вы знаете, что такое нечисть? Слышали слово «враг»? Вы недовольны, что вам дали шанс выжить?

Армила замотала головой:

— Простите, пожалуйста. Вы спасли нас, рискуя своей жизнью... — Она задержалась. — Стоп! Я не могу уйти.

МакБерл недоуменно уставился в ее прекрасные глубокие глаза, каких в жизни ни видывал.

— В чем дело, мэ? Промедление может всех нас погубить.

— Я должна вернуть меч. Он под плащом у капитана Шрада. — Она рванулась к костру, и МакБерлу пришлось ее удерживать.

— Что за меч, о чем вы, мисс?..

— Армила, — выдохнула она. — Я сестра Армила. А кто вы, сэр, и откуда родом, ответьте, прошу вас.

«Нашла время для знакомства», — досадливо подумал МакБерл, но почему-то послушно ответил:

— Рэкет Там МакБерл, а мой друг — Дикий Дуги Толстяк. Мы оба с севера. Дуги — с гор, а я из Приграничья.

Армила сжала лапу МакБерла.

— А где ваш меч, мистер МакБерл, скажите?

— Мне пришлось продать его. В чем дело, сестра? Это важнее жизни?

— Важнее! Значит, можно сказать, что вы потеряли, утратили меч?

— Да можно, можно сказать, только сейчас не до разговоров! — вмешался Дуги. — Уходить надо поскорей!

Конечно, Дуги прав. Но что-то заставляло МакБерла задержаться.

— Дуги, двигай, не жди. Вы с выдрой идите. Мне придется ее выслушать. Мы вас догоним.

Горец только покачал головой:

— Ну, как знаешь. Я опять тебя не понимаю. Ждем возле тропы, где я спрятал щит и палаш. Удачи вам обоим!

— Скорее, сестра, — повернулся МакБерл к Армиле, когда Дуги с Брукфлоу удалились.

Понимая, сколь губительным может оказаться промедление, Армила попыталась изложить все кратко и ясно:

— В видении мне явился древний воитель и велел отдать этот меч воину, который продал свой меч. Сейчас меч у белого лиса, капитана Шрада. Мистер МакБерл, вы — воин, способный вернуть меч.

Надежда, светившаяся в глазах сестры Армилы, смягчила сердце Рэкета Тама МакБерла. Он улыбнулся:

— Зовите меня просто Там. Или просто Мак. Хорошо, я займусь этим мечом. Возьмите мой малый нож, может пригодиться.

— Спасибо, Там. А вы зовите меня просто Армилой.

— Вот так. Потерял сестру, приобрел друга. Вперед за мечом, Армила!

В лагере все оставалось по-прежнему. Войско храпело вокруг угасшего костра, спал Гуло, завалившись на бок и разинув ужасную пасть, спал и капитан Шрад.

— Вон он, — указала на Шрада Армила. — И меч виднеется сквозь плащ. На шнуре висит, кончик торчит из-под плаща слева.

— Вижу. Армила, взлезайте на это дерево. Если будет погоня, уйдем верхами.

Белка неуклюже полезла по стволу.

— Я ведь в аббатстве росла, Там. Где уж мне по деревьям лазить.

— Научитесь. Я помогу.

Он пополз вперед, к костру. Дополз до капитана, потрогал меч. Шнур держит прочно. И тут Шрад зашевелился и забубнил что-то под нос. Убивать спящего МакБерлу еще не приходилось. Он перехватил кинжал и нанес сильный удар по голове песка.

Череп Шрада оказался прочнее, чем ожидал Там. Капитан вскочил, вопя от боли. МакБерл повторил

удар. На этот раз песец рухнул, но проснулся лежащий рядом горноста́й и завопил:

— Тревога!

Горноста́й, хватаясь за саблю, ринулся на МакБерла, которому пришлось действовать быстро. Он схватил капитана и толкнул на нападающего, свалив обоих в угли костра. Нагнувшись над Шрадом, Там вспорол плащ, сорвал меч и устремился к дубу. Сзади вопило уже множество глоток, громче всех — Гуло.

— Хватай его! Взять живым!

Взлетев на дуб, МакБерл крикнул Армиле:

— Прыгай! И на граб, быстро!

Она мгновение помедлила, но тут ощутила легкий толчок МакБерла и устремилась вперед.

— Смелей! Хватай эту большую ветку. Качнувшись, вниз и вперед, прыг! Так. Теперь вправо. Теперь раскачаться: раз, два, три! На иву! Молодец, Армила, быстро учишься.

Несмотря на опасность, Армила с восторгом ощутила прелесть полета.

— Теперь вверх по этому клену, — продолжал вести ее МакБерл. — Вперед по ветке — она спружинит; толчок — и на бук. Вперед без задержек! Я догоню!

Впереди с большим отрывом от стаи нечисти неслись два песца и горноста́й. Еще один белый лис стремился их догнать. МакБерл спрыгнул перед ними рядом с гибкой осиной. Нижние ветви ее почти касались травы. Там уперся в толстую ветвь и согнул ее почти в кольцо. Когда передняя тройка готова была броситься на него, он отпустил ветку.

Свист распрямляющейся ветки — и все трое сметены наземь. МакБерл устремился к ним, вырвал у упавшего горноста́я копьё и встретил его острием до-

гонявшего передовую троицу лиса. Тот напоролся на копьё грудью и упал, не пикнув, чтобы больше никогда не встать.

Дуги, стоявший на тропе с Бруки и Армилой, услышал вопли погони.

— Хэвэй бро-о-о-о! — издал он боевой клич горцев из полосы Приграничья. — Сюда, сюда!

— Хэвэй! — донесся из лесу ответ МакБерла. — Иду!

МакБерл свалился на тропу сверху.

— Нечисть лихо несется, но вразброд. Армила, вы обе — быстро-быстро в Рэдволл. И не оглядываться. Бегом!

Армила заметила боевой блеск в глазах Рэкетти Тама и поняла, что нужно подчиняться без разговоров и вопросов.

— О нас не беспокойтесь, мисс, — заверил Дуги. — Увидимся в аббатстве. — И он дико захохотал.

Армила схватила Бруки за лапу:

— Побежали без разговоров.

И обе понеслись со всех лап.

Шестеро преследователей выскочили на тропу и увидели вдалеке две удаляющиеся фигурки. Старшим среди преследователей оказался капитан Зерик. Он взмахнул копьём:

— Догоняем!

МакБерл и Дуги появились из канавы с воплем:

— Хэвэ-э-эй!

В порыве боевого бешенства они принялись колошматить преследователей. МакБерл уложил двух горностаев, Дуги сбил с лап лиса и снес голову еще одному горностаю. Капитан Зерик бросился в чащу, но

его догнал кинжал, брошенный МакБерлом. Дуги добивал белого лиса, когда МакБерл, вытащив из бывшего капитана кинжал, вернулся на тропу и сообщил:

— Стая на подходе.

Из чащи выпрыгнули два десятка песцов и горностаев. Увидев шесть трупов, они невольно остановились. Этой паузы белкам хватило. Они припустили на север.

Круша кусты, на тропу вывалилось свирепое чудовище, росомаха Гуло.

— Взять, взять, взять!!! — завопил он. И все понеслись вдогонку.

Дуги на бегу оглянулся и озабоченно спросил:

— Скоро аббатство, Мак?

— Не знаю, пока не видно. Девицы чуть маячат впереди. Беги, не болтай.

Над головами белок свистнула стрела.

— Ох, поскорей бы! — вырвалось у Дуги. — Эти мясоеды не шутят.

— Разве тебе угодишь, Дикий Дуги? Не болтай, береги дыхание! Беги!

— Беги... А я что делаю, танцую, что ли?

— Болтаешь. — МакБерл вытянул лапу назад, схватил друга за пояс и легонько потянул вперед. — Вон, уже видать, уже скоро.

Он рискнул оглянуться. Нечисть сокращала разрыв. Гуло, для долгого быстрого бега природою не приспособленный, тащился далеко позади.

Сверху, со стены, раздался голос Командора:

— Гордил, открывай ворота! Колокола, тревога! Всем, способным носить оружие, вооружиться!

Бумм! Бомм! Бумм! Бомм! — над Рэдволлом разнесся бой двух колоколов, Матиаса и Мафусаила.

Обитатели высыпали из здания аббатства, вооруженные кто чем: шестами, палками, кухонными ножами, сковородками. Гордил и Берлап отвалили створки ворот и выбежали наружу, подбадривая бегущих:

— Быстрее, быстрее, Армила, Бруки!

— Веселей, ребята!

— Не оглядывайтесь!

Командор выбежал из ворот и подхватил на лапы выбившихся из сил племянницу и ее подругу.

— За нами МакБерл и Дуги, наши друзья! — тяжело дыша, пролепетала Армила.

Терген и Ферди выскочили навстречу белкам:

— Ййи-и-кар-р-р! Бер-рл, Бер-рл, скор-рей!

— Шевели лапами, ребята, во!

Белок втащили в аббатство за лапы. Ворота захлопнулись, запоры надежно застопорили створки. Командор развернул пращу.

— Все на стены!

Отряд зайцев маршировал ускоренным шагом, когда командир увидел аббатство и ударили колокола. Даже на таком удалении Крамшо разглядел бегущие фигурки. Забыв свои распоряжения о скрытности и порядке следования, старшой скомандовал:

— Атака!

Сверкнули сабли, копыта направились на противника, сломав ряды, зайцы бросились на врага с древним боевым кличем:

— Еулалиа-а-а-а-а!!!

Столпившиеся на стенах рэдволльцы восторженно завопили при виде давних союзников и защитников:

— Дозорному Отряду ур-ра-а-а! Кровь и укус! Рэдволл!

Четыре десятка бойцов Гуло, растянутых по тропе, остановились. Гуло, конечно, свирепый зверь, бесстрашный воин, но дураком его не назовешь. Он сразу оценил подавляющее превосходство противника.

— Капитан Урфик! Собрать все луки, задержать врага. Потом догонять по лесу, встреча в лагере.

Урфик быстро выстроил дюжину лучников на краю канавы.

Сержант Таран и командир Крамшо, возглавляя атаку, заметили опасность. Оба закричали, стараясь перекрыть боевые вопли своих зайцев:

— Луки впереди, внимание!

— Залп лучников, ложись!

Ветераны сразу исполнили команду, но некоторые из молодежи, гонимые желанием отличиться в битве, наоборот, ускорили бег. К ним относились и близнецы Керси и Донси. Стрелы взвились в воздух, жужжа, как взбешенные шершни. Крамшо получил стрелу в плечо, сбивая с ног неразумную Керси. Донси споткнулся, постоял, качаясь, рухнул на колени. Сержант Таран в кувырке подскочил к нему, подхватил и мягко опустил на увлажненную утренней росой траву. Юный разведчик удивленно смотрел на покрытую шрамами голову сержанта, бормоча:

— Еулалиа, сэр, на колокола Рэдволла... еула...

Голова Донси поникла, глаза затуманились.

Лучники Гуло готовились дать второй залп. Урфик нервно оглянулся — пусто.

— Второй залп и отход по лесу! — приказал он, но тут же невольно обернулся на дикий вопль с крепостной стены.

— Хэвэй бро-о-о-о!

Рэкети Там МакБерл и Дикий Дуги Толстяк молнией спускались по стене, как могут только боевые белки. Дуги сжимал в зубах палаш, а Мак — меч Мартина Воителя. Лучники сломали строй и побежали. Но белки уже спрыгнули наземь и неслись вдогонку. Урфик впопыхах ошибся направлением, за ним бросились еще два песца и два горностая. Все пятеро спрыгнули в канаву, Дуги — за ними. Они повернулись, чтобы удирать, но МакБерл спрыгнул с тропы с другой стороны, преградив путь к отступлению.

Командор, Фердимонд и Терген спешно отпирали ворота. Подбежал Юфус, размахивая палашом МакБерла:

— Выпустите меня, гром и гравий, я им хвосты пообкорнаю!

— Друг, держись за нами, там опасно, — придержал его Командор.

Они выбежали наружу и увидели печального Дуги, сидящего на краю канавы и срубающего палашом головки ромашек.

— Единственная работа для моего меча сегодня. Мак все загреб себе.

Подошел Там, полируя лезвие меча килтом. При этом он приговаривал, неизвестно к кому обращаясь:

— Как будто молнию в лапе держишь... Парень, который его выковал, сам не знал, что творит, именем своим клянусь...

Обитатели Рэдволла во главе с настоятелем помогли зайцам внести раненых в аббатство. Аббат шел рядом с носилками, на которых лежал командир отряда. Монотон пожал лапу Крамшо.

— Трудно выразить словами благодарность рэдволльцев, сэр. Вы спасли наше аббатство в самую трудную минуту.

Крамшо чуть напрягся от нечаянного толчка носилок.

— Мы лишь выполняем свой долг, отец Монотон.

Капитан Фортиндом и сержант Таран несли тело Донси. Фердимонд де Мэйн

подлетел к безутешной Керси и обнял ее за плечи:

— Ну-ну, старушка! Твой брат пал геройски, на поле боя. Он был прекрасным парнем, во.

Керси не причитала, не плакала, но еле переставляла ноги. Она как будто окаменела от неожиданно свалившегося на нее горя. К ней направилась добрая кро-тиха:

— Хур-хур-хурр, мы присмотрим за Керси, сэр. Надо ей отдохнуть после похода, после боя, после всего...

Сестра Армила и Бруки занимались зайцем, из стопы которого торчала стрела. К ним подошел МакБерл.

— Как дела, Армила?

— Лучше, чем у этого бедняги, спасибо. Говорят, Мак, что ты спрыгнул со стены и убил шестерых него-дяев. Просто не верится.

— И правильно не верится. Я вовсе не такой идиот, чтобы со стены прыгать. Мы с Дуги по ней спустились, как нормальные белки. Негодяев было не шестеро, а всего пятеро. А мы с Дуги вдвоем. В общем, оказались мы в нужном месте в нужный момент, только и всего.

Из-за спины МакБерла высунулся Дуги:

— Везунчик, везунчик наш Мак. Если в колодец свалится, то и оттуда вылезет с пирожком в лапе. В следующий раз, мэм, когда мечи будете раздавать, не забудьте симпатичного горца.

— Непременно, сэр, если вы для меня разыщете такого горца. А сейчас прошу вас, помогите доставить этого пациента в больницу.

В лечебнице сестру Армилу уже ожидали раненные. Командир отряда наотрез отказался от первой помо-

щи и потребовал осмотреть остальных. В ожидании своей очереди Крамшо болтал с МакБерлом:

— Слышал о вашем подвиге, во. Надо же, семерых уложил одной лапой.

— Уже семерых? — удивился Мак. — Быстро они размножаются. Пятеро их было, сэр, а я лишь выполнял долг. Надеюсь, среди этих пятерых и те, кто убил Донси. Жаль парня, отличный разведчик был.

— Да, молодая жизнь, все впереди... Мой грех. Раню его из кухни выпустил. Но кто знает, воля Сезонов неведома. Может быть, ему бы как-нибудь иначе не повезло. Вообще жизнь зайца Долгого Дозора не сахар.

Аббат согласно закивал:

— Очень верно подмечено, сэр. Но что бы делали мы, мирные существа, без вашей защиты? Нас поработили бы или убили какие-нибудь негодяи.

Рэкети Там положил лапу на рукоять чудесного меча.

— Вы правы, отец. И вы правы, сэр. Мы идем разными путями. Кто-то рождается и вырастает мягким, добрым. Другому на роду написано стать воином. Гляньте на нас с Дути. Мы всю жизнь не расстаемся с оружием. Мы так же не сможем вести мирную жизнь, как аббат или садовник не обучен владению мечом. Но мы сами выбрали свою судьбу. Бедняге Донси не повезло. Ему нравилось быть разведчиком, нравилась жизнь боевого зайца. И если бы ему предложили выбрать, какой смертью умереть, он бы иной и не выбрал. С любым воином может такое случиться. Судьбу нашу не знает даже ветер.

Подошла сестра Армила с тележкой, полной лекарств.

— О, да вы мыслитель, мистер МакБерл! — с легкой иронией заметила она.

Дуги поднял взгляд от смотанного перевязочного бинта, который бессознательно вертел в лапах.

— Да, милочка, он глубокий мыслитель. А я его учитель. Знали бы вы, каких трудов мне стоило заставить этого лентяя мыслить!

Армила отняла у Дуги бинт.

— Лучше помогите, мистер Дуги. Приподнимите и подержите командира. Вот тут. А вы, Там, — вон там.

Дуги беспрекословно подчинился.

— Ох и строгая лекарша в аббатстве!

Но сестра Армила уже углубилась в работу.

— К счастью, кость не задета. Рана чистая, сквозная. Не больно, сэр?

Крамшо скосил монокль на сломанную стрелу.

— Совсем не больно, дорогая моя. Нам бы вас похитить в Саламандастрон. Вы знаете толк в ремесле, лапа легкая, умелая, во. Не то что наш мясник Гакворт. К нему пришел парень коготь сломанный подрезать, так этот палач ему заодно два зуба выдернул, во, во.

Армила улыбнулась:

— Я положила на рану вываренный мох с подлесником. Повязку наложим плотную, но не тугую. Выпейте еще эту микстурку. Пустырник с горечавкой. Снимает боль и восстанавливает силы.

Дуги усмехнулся:

— Вы тоже глубокий мыслитель, госпожа целительница. Не так просто разобраться в этих травах да перевязках.

Сестра Армила ответила вполне серьезно:

— Нет, скорее для этого необходимы опыт, внимательность и прилежание. Однако раненым пора закусить.

Крамшо возвел очи к потолку:

— О, кухня Рэдволла! Бывал я здесь когда-то и до сих пор забыть не могу, во.

Но прежде чем приступить к трапезе, предстояло предать земле тело погибшего разведчика Донси. Кроты вырыли могилку в тихом уголке возле юго-западной стены, в тени старой сливы. Керси, не в силах вынести похорон брата, застыла перед очагом в Пещерном зале. Вокруг нее хлопотала сердобольная кротиha.

Молодые зайцы не могли сдержать слез, когда сержант Таран склонился над усыпанным свежими цветами холмиком и положил на него сумку и пояс убитого.

У командира отряда почему-то зачесался глаз, он протер монокль и произнес краткую речь:

— Бдительность и готовность в походе, мгновенная реакция в бою! Эти истины должны укорениться в вашем сознании. Беспрекословное подчинение приказам и внимательность к советам ветеранов жизненно необходимы. Я сказал «жизненно», потому что соблюдение этих правил поможет сохранить жизнь. Погиб молодой разведчик. Я не хочу, чтобы за ним последовали другие. Вы идете дорогой воинов и должны знать свой путь. Всем нам представится возможность отомстить за гибель юного Донси. Это поможет парню покоиться в мире. Друзья его продолжают беспощадную борьбу со злом, с нечистью. Это все, что я хотел сказать. Сержант!

Таран отсалютовал командиру.

— Есть, сэр! — Он повернулся к рядам зайцев. —
Всему личному составу приготовиться к приему пищи!
И следите за своим поведением в присутствии мирно-
го населения, во. Разойдись!

Несмотря на спешку и неразбериху, ланч прошел гладко. Как и ожидал Грисом, большинство едоков уселись на ступенях крепостных лестниц, греясь на солнышке.

Кротоначальник Браффи, делясь с аббатом пирожком, заметил:

— Хурр, клянусь всеми норами и туннелями, таких обжор, как эти зайцы, поискать надо.

Аббат, глядя на усиленно работающего челюстями капрала Задика, согласился с тружеником подземелий:

— Да, они за столом не спят. «Жратва — твой враг, врага надо уничтожить», — любят они повторять. Старик брат Фердл говаривал, что зайца лучше кормить полдня, чем целый сезон.

Там и Дуги со своими тарелками подсели к Армиле и Бруки. МакБерл обмакнул жареный каштан в растопленный сыр и отправил его в рот.

— Неудивительно, что вы верны своему аббатству, Армила. Здесь бесподобно кормят!

Армила пригубила кружку сливянки.

— Рада, что тебе нравится, Мак. Почему твой крылатый друг не присоединится к нам?

Терген сидел на подоконнике спальни и терзал кусок сливового пирога.

Дуги посмотрел на ястреба и объяснил:

— Его не оттащишь от малышни. Как только они поняли, что этот матрац их не сожрет, он тут же стал их любимой игрушкой.

Там решил поговорить с Армиллой о крыле ястреба.

— Кстати, о Тергене. У него серьезная рана в крыле. Может быть, ты сможешь для него что-нибудь сделать, Армила?

— Конечно, — сразу согласилась Армила. — Приведи его ко мне в лечебницу. Необычная у тебя компания, Там: вор-полевка и разбойник-ястреб. Кстати, о воре: я что-то не вижу здесь Юфуса.

Сидевший совсем рядом брат Гордил повернулся к МакБерлу:

— Прошу прощения, я видел вашего Юсу... фуса, когда разворачивали буфет. Скромненько набрал закусок в тарелочку и направился к южной стене. Стеснительный, наверное.

Дуги насторожился:

— А свертка с собой у него не было?

Гордил закивал:

— Да, действительно, был сверток...

Привратник не успел договорить, а Дуги с МакБерлом уже понеслись к южной крепостной стене.

Сквозь приоткрытую дверь южной стены виднелись растущие снаружи кустики.

— Так я и знал! — хлопнул себя по бедру Дуги. — Ох, поймать бы сейчас этого мерзавца!

Там закрыл и запер дверь.

— Я тоже хотел бы его изловить, но что поделаешь, сейчас это не удастся. Ничего, не уйдет от нас воришка. Не попался бы он только в лапы Гуло. Такого даже вору не пожелаешь. Вернемся к нашим тарелкам, мистер Дуги!

— Ох, тяжкая наша доля, — в притворном отчаянии застонал горец. — А ведь еще ужин предстоит!

После ланча Тама и Дуги пригласили в сторожку, где собрались командир отряда, аббат, сержант Таран и Фердимонд. С сестрой Армилой и Командором выдр боевые белки столкнулись в дверях.

— Что ждет нас там, приятель Там? — спросил МакБерла Командор.

— Должно быть, военный совет, — ответил МакБерл, пропуская Армилу и Командора вперед.

— Совершенно верно, МакБерл, — подтвердил Крамшо, приветственно взмахнув стеклом. — Ведь мы сюда прибыли не для того, чтобы отлеживаться да обжираться, в то время как вокруг разгуливает нечисть, во.

— Что вы хотите предпринять, сэр? — повернулся к нему аббат.

Крамшо скосил монокль на широкую полотняную петлю, в которой покоилась его лапа.

— Много ли я могу предложить с этим украшением? Для начала хотел бы выслушать ваши предложения.

— Надо завтра спозаранку выскочить из аббатства и показать мерзавцам, что такое кровь и уксус, сэр, — выскочил со своим мнением Ферди.

— Вы тоже так думаете? — усмехнулся Крамшо, обращаясь к МакБерлу.

— Что ж, силы примерно равны, если говорить о численном соотношении. Но если мы выйдем из аббатства и отправимся на поиски нечисти, то оставим Рэдволл без защиты.

Таран щелкнул де Мэйна по уху:

— Слушай опытного бойца, во, кровавый уксус. — И сержант повернулся к Таму. — Прошу прощения, сэр. Я так понимаю, что у вас уже есть план.

И Рэкети Там изложил свои соображения:

— Придется разделить силы пополам. Половина отряда во главе с командиром остается в Рэдволле для его защиты. Я со второй половиной постараюсь догнать врага.

Сестра Армила встревожилась:

— Но их вдвое больше! И они такие коварные!

Аббат потянул Армилу за рукав:

— Не торопитесь, сестра, мы еще не дослушали мистера МакБерла. Продолжайте, сэр.

— Я не предлагаю атаковать Гуло в лоб. Существуют и другие тактические варианты. Быстрые рейды, уколы с тыла и флангов, нападение на мелкие группы. И все время отвлекать их от аббатства.

Крамшо постучал стеком по столу.

— Верный выбор тактики, МакБерл. Ударил, где
больнее, и растаял словно дым. Полностью согласен,
во.

— Мне понадобится проводник, знающий местность как свою лапу. Командор, кого посоветуете?

— Себя посоветую, кого же еще! Когда на прогулку?

Рэжети Там чуть поразмыслил и решил:

— Лучше всего — попозже, вечером, еще во время ужина. Выйдем потихоньку через восточный ход. Только зайцев придется переодеть. Полковая форма слишком заметна. Отец Монотон, надо подыскать одежду, в которой легче затеряться в лесу. Какое-нибудь тряпье крестьянское.

Аббат тотчас поднялся со стула:

— Пойду поговорю с Кротона начальником, в маскировке ему равных нет.

Совет завершил работу. Крамшо и сержант Таран остались в сторожке, решая, кого направить с Мак-Берлом и кого оставить в аббатстве. Там и Дуги отправились с сестрой Армиллой уговаривать Тергена. Ястреб опасался за свое крыло и боялся медицины.

— На-а-арр! Кр-рыло кр-репнет, кр-репнет! Р-ре-
зать запр-рещаю!

Армила решила пристыдить боязливую птицу:

— Ай-яй-яй, капризничает как маленький! Вон у командира Крамшо почти такая же рана, а он не боялся, сам пришел лечиться. Теперь ему лучше. Никогда я ничего не отсеваю, только помогаю, только исцеляю.

Дуги добросовестно подыгрывал Армиле:

— Да он просто боится, а не капризничает. Такой здоровенный, а струсил!

Терген ледяным взглядом смерил Армилу и Дуги:
— Йик! Стр-русил? Бер-рл! Лечиться, быстр-ро!

Ястреб оказался образцовым пациентом. Он уселся на спинку кровати и ковырял клювом засахаренные каштаны, которые Армила держала в лечебнице для самых маленьких посетителей. Армила обрабатывала рану и рассказывала о мече Мартина:

— Ты обратил внимание на гобелен с портретом Мартина Воителя в Большом зале? — Не отрываясь от крыла Тергена, она показала взглядом на миску с вербеновой водой, и Там тотчас подал ей лечебный настой.

— Конечно. Сразу можно сообразить, что ваш Мартин — могучий воин. Да и не диво, с таким мечом-то...

Сестра Армила бросила быстрый взгляд на меч, с которым МакБерл не расставался.

— Несчетные сезоны прошли с дней Мартина, но легенда о нем и его мече живет. Мы в школе проходили, что рукоять меча принадлежала отцу Мартина, Луке. Барсук по имени Боевой Кабан, правитель Саламандастроны, выковал клинок из металла упавшей звезды, и нет на земле прочнее и мощнее этого клинка. Меч Мартина принадлежит аббатству, его доверяют великим воинам, избранным судьбою, когда Рэдволлу угрожает опасность. Мартин явился мне во сне и объявил, что на тебя пал выбор, Рэкети Там МакБерл.

Дуги задумчиво порылся в засахаренных каштанах и выбрал самый большой.

— А вы уверены, что Мартин не меня имел в виду?

МакБерл мгновенно выхватил меч и расщепил каштан в лапах Дуги надвое. Он отступил на шаг и принялся размахивать мечом, следя за игрой солнечных лучей на поверхности клинка.

— О, сезоны сражений, какое оружие! А как он в лапе сидит, как будто прирос! С таким мечом можно с десятком сразиться.

Арилла хлопнула Дуги по лапе, протянутой за очередным каштаном:

— Мистер Дуги, каштаны только малышам.

— Кр-ра-ха-ха! И р-раненым ястр-ребам, котор-рые не тр-русят, — проскрежетал Терген и схватил еще один каштан.

Вечерний пир удался на славу. Рэдловльцы, не прерывая непринужденного общения, наслаждались кулинарными шедеврами брата Грисома и продукцией из погребов Берлапа. Даже прожорливые зайцы не могли справиться с навалившимся на них изобилием — супами, соусами, салатами, пирожками и громадным бисквитным тортом.

В самый разгар веселья, когда песни и шутки сыпались одна за другой, появился Кротоначальник и прошептал Командору:

— Хур-хур, одежка готова, сэр.

Назначенные в отряд МакБерла вышли из-за стола и отправились переодеваться. Вернулись они, сменив молодецкое облачение Дозорного Отряда на невзрачные коричневые и зеленые хламиды деревенщин из лесной глухомани. Клинки сабель потеряли блеск, покрылись слоем сажи из кухонного очага.

— Глаза бы мои не глядели! — сокрушался Крамшо. — Вопиющее нарушение формы одежды, во. Какая-то шайка жуликов.

— Дак... что поделаешь, — утешал его сержант Таран. — Не на парад пойдут, во.

— И хотел бы я увидеть их снова, всех, невредимыми. — Командир отряда сжал плечо сержанта неповрежденной лапой.

Покидавшие аббатство зайцы сердечно прощались с боевыми товарищами, с новыми друзьями и знакомыми:

— Выше уши, старик, во, во!

— Не вешай хвост!

— Дак... тяжело вам здесь без нас будет, во, во! Как вы, бедные, справитесь с такой уймой жратвы!

— Высыпьте им перцу за нас, ребята!

Весь вечер незаметно сидевшая в уголке Керси встала и подошла к де Мэйну:

— Вот, возьмите, и берегите себя, мистер де Мэйн.

— Она вручила ему пращу и сумку с камнями, оружие ее погибшего брата.

Фердимонд поклонился зайчихе:

— Надеюсь, мы скоро снова увидимся, мисс Керси.

Едва заметная улыбка тронула губы зайчихи:

— Мне будет очень приятно.

Армила вручила Таму походную аптечку:

— Надеюсь, не пригодится. Здесь бинты и травки.

Там широко ухмыльнулся:

— Вот спасибо. Еще как пригодится. Я Дуги пасть забинтую, чтобы не болтал напропалую. — МакБерл подошел к командиру отряда и отдал честь. — Все готово, сэр! Можем приступить к выполнению боевого задания.

Крамшо отсалютовал Таму тросточкой:

— Надеюсь на вас, МакБерл. Вперед, молодцы, во! Не подкачайте!

Командор щелкнул по носу племянницу:

— Веди себя прилично, сударыня. Будь чуток серьезнее, ты своим смехом любого плакать заставишь...

Молодая выдра прижалась к дяде:

— Слушаюсь, шеф! Буду слезы лить ночи напролет и не дам никому заснуть своими рыданиями.

Брат Гордил отворил калитку в восточной стене и выпустил отряд, похлопывая по спине каждого выходящего. Отряд бесшумно растворился во тьме ночного леса. Гордил запер дверь и повернулся к сестре Скриве:

— Пусть им сопутствует удача!

— Слава Сезонам, ниспославшим Рэдволлу таких бравых защитников.

Нероистный гнев Гуло наводил панический ужас на его войско. Песцы и горностаи тряслись от страха, глядя на расвирепевшего вожда, рычащего над останками четырех растерзанных существ. Гуло собственноручно разнес в клочья часовых, дежуривших в ночь похищения пленниц, не исключая и труп уже убитого Толстяком Дуги. Едва отваживаясь дышать, нечисть вслушивалась в голос предводителя, пытаясь угадать, когда утихнет эта вспышка ярости.

— Я могучий, свирепый Гуло, сын Драмза, величайший, сильнейший воин в

стране льдов за Великим Морем! А служат мне сплошь дураки, безмозглые лентяи и неучи. Следопыты сослепу теряют следы моего братца, предателя Аскора, труса и вора, укравшего Бродячий Камень. Эти идиоты проводили мое знамя и позволили ускользнуть пленникам. Трепещите! Дрожите как осиновые листья перед грозой!

Все тряслись и без приказа. Трясся и капитан Шрад, поскуливая от боли. Плащ капитана свисал ключьями, нестерпимо болел обожженный костром бок, раскалывалась голова, покрытая запекшейся кровью.

Гуло смерил его презрительным взглядом:

— А ты что скажешь, умник? Где ответ на все беды твоего господина?

Шрад понимал, что любой ответ на вопрос вождя равнозначен самоубийству. Он молчал и трепетал, не смея поднять, глаз.

— Еще один просчет, Шрад, — один, ты слышишь?.. — и я сам разожгу костер, чтобы поджарить тебя на ужин. Понял?

— Да, могущественный, — простонал белый лис.

Гуло хлопнул Шрада по обожженному боку, и песок взвизгнул.

— Ладно. Слушай меня внимательно. Сейчас направимся прямым ходом в Рэдволл. И ты его возьмешь. И вернешь мне все: и знамя, и Аскора, и Бродячий Камень. Тебе ясно? — Гуло схватил песка за уши и вздернул его морду, повторив вопрос: — Ясно?

— Слушаю и повинуюсь, мой господин! — запинаясь, пробормотал Шрад.

Гуло швырнул своего капитана в грязь.

— Иди... повинуйся.

Утреннее солнце пробивалось сквозь зелень леса, играя светом и тенью и отражаясь в воде широкого тихого ручья. Бойцы Рэкету Тама собирались пересечь ручей, когда Командор вдруг поднял лапу, призывая замереть и хранить молчание.

— Нечисть? — шепнул ему в ухо Дути.

— Вроде нет. Сейчас проверю.

Обе белки и зайцы с интересом наблюдали, как выдра бесшумно скрылась под водой. Вот голова Командора показалась на поверхности выше по течению и сразу снова скрылась.

Уши Фердимонда нетерпеливо зашевелились.

— Что он там вытворяет?

МакБерл зажал рот болтуна зайца:

— Тихо! Командор знает, что делает.

Командор тем временем появился у противоположного берега и сунул лапу в береговые заросли.

— Вот он, милый!

Более не скрываясь, Командор поплыл обратно, небрежно волоча за хвост Юфуса Легкую Лапу, вскрик которого сменился бульканьем, когда Командор притопил его, чтобы избежать ненужного переполоха.

— Гляньте-ка, какую я рыбку поймал!

Отряхнувшись, Юфус лучезарно заулыбался МакБерлу:

— Добрейшего вам утречка, дорогой мистер МакБерл, сэр, и удачнейшего дня! Я как раз спешил в аббатство, чтобы вам доложиться!

Там приставил меч к горлу береговой полевки:

— Спасибо на добром слове, милейший. Где флаг и меч? Поведай, не то сбрею шерстку вместе с головой.

Юфус отпихнул меч:

— Фи! Глупости говорите, сэр. Если вы мне голову сбреете, то уж точно не получите ни флага, ни меча.

Командор засмеялся:

— Ловко врет, жулик!

Юфус горящими глазами уставился на меч Мартина:

— Нет, вы только гляньте, гляньте! Такого оружия нигде не найдешь, я вас уверяю. Серебряные Сезоны, чего бы только я вам за этот меч не предложил!

По голосу МакБерла вор сразу понял, что выбрал неподходящий предмет для торговли. Кончик меча снова уперся в горло хитроумного вора.

— Если ты еще раз глянешь на этот меч, мой легколапый друг, то умрешь на месте без всяких разговоров, так же неизбежно, как ночь сменяется днем, только намного быстрее.

Избегая ледяного взгляда грозного воина, Юфус мгновенно сменил тему:

— Вместо того чтобы сплетничать, как старые лягушки, следовало бы вам подумать о деле. Вы, конечно, еще не знаете, что Рэдволлу грозит нашествие?

Фердимонд грубо стрёб полевку за брюхо:

— С чего ты это взял, во, старый врун?

Вор задержался и заверещал:

— Отцепись, грубиян длинноухий, порвешь мою любимую жилетку!

Дуги хлопнул зайца по плечу:

— Оставь. Послушаем, что он расскажет.

— Что бы вы делали без такого незаменимого помощника, как я? Покинув Рэдволл, я себе сказал: Юфус, почему бы тебе по дороге домой не заглянуть в старый лагерь нечисти? Мало ли что там еще завалялось. И я направился туда по деревьям. Кто же сообразит, что бе-

реговая полевка идет по веткам? Все ищут ее в воде. В этом секрет моего успеха.

Командор хлопнул Юфуса хвостом.

— Положим, мне ты попался не на ветке. Кончай трепаться, парень, дело говори. Не тяни время.

— Так вот, в лагере я увидел самого Гуло. Выглядел он, скажу я вам, хуже жареной жабы. Разорвал на части четырех своих горностаев, грубиян; кажется, четырех можно было из тех клочков составить, что перед ним валялись. На остальных рычал так, как будто собирался и их всех поубивать. И лентяи они у него, и дураки... Ну, это-то верно, так он ведь и сам умом не блещет. Гуло уверен, что знамя, его брат Аскор и еще что-то бродячее спрятаны в аббатстве. Короче, главное сейчас то, что Гуло ведет всех своих безмозглых бандитов на наш Рэдволл.

МакБерл склонен был поверить полевке.

— Когда это было? Скорее соображай.

Юфус поскреб горло.

— Э-э... Уже светало. Я сразу направился в Рэдволл, чтобы вас предупредить. И вот мы так удачно встретились. Идут они сюда, и скоро придется им пересечь этот ручей.

Младший капрал Вилдери оценил взглядом окрестности:

— Неплохая позиция для боя, во.

— Но не при таком соотношении сил, — возразил Там. — Вот что мы сделаем. Вы с основным отрядом отойдете и ляжете в кустах. Командор и Юфус, с вами я хочу поговорить особо. Мы быстренько. Дуги, дуй на дерево, дай сигнал, когда заметишь противника.

Вилдери присел за кустом вместе с капралом Зади-ком. Он нервничал, ерзал от нетерпения.

— Долго они там беседуют.
— Успокойся, друг, во. МакБерл знает, что делает. Командор тоже не лыком шит. А уж хитрее этого ворюшки во всех лесах не сыщешь.

Капитан Шрад ковылял в голове колонны вместе с Фритой и Гриком.

— Ох-х-х-х, жжет бок, сил нет. Надо бы примочку какую-нибудь.

— Скоро ручей, капитан. — Грик указал вперед. — Там мох растет, ил целебный на дне.

Фрита вжала голову в плечи и обернулась:

— Где великий и могучий?

Шрад подобрал свой драный плащ.

— Соскучилась? Он же сказал, что пойдет сзади и сожрет каждого, кто отстанет. Чертов дикарь. Вот бы кто его пырнул меж ребрами, когда он спит.

Горностаи уставились вперед.

— Я твоих слов не слышал, капитан. Гуло слишком силен для каждого из нас. Он живет кровью других. — И Грик оторвался от парочки песцов, устремившись туда, где он предполагал найти воду.

Когда следопыт удалился, Фрита пробормотала:

— Меч, который был у тебя, Шрад, мог бы прикончить Гуло.

— Первое, чем я займусь в аббатстве, — поиски меча.

Грик несясь обратно, и Фрита нажала на плечо Шрада, призывая его помолчать.

— Ручей, ручей рядом, капитан!

И вот капитан уже вышел на берег. Появились из зарослей и другие бойцы. Шрад уже собрался нагнуться, чтобы утолить жажду, когда с другого берега раздался хриплый бас:

— Где брат мой Гуло?

Лапа Шрада рванулась к мечу, но из кустов вылетел тяжелый дротик, и капитан со всплеском рухнул в поток. Лисы и горностаи замерли, замороженные рыком из кустов:

— Гуло! Гуло! Где Гуло?

Брат Гуло уже неся на зов, отшвыривая недостаточно расторопных, не успевших отскочить.

— Аско-о-о-ор! — рычал Гуло. — Аско-о-о-ор! Где ты? Я тебя не вижу!

— Зато я тебя вижу, — пророкотал бас, похожий на голос самого Гуло.

С завидной, неожиданной для его громадных габаритов скоростью Гуло схватил горностаю и заслонился им. Он заметил, как шевельнулись кусты перед ним, и принял второй дротик на свой живой щит. Засвистели тяжелые камни, раздались крики боли из толпы горностаев и песцов, собравшейся на берегу. Зверье попрыгало в прибрежные кусты. Все стихло.

Гуло отшвырнул убитого горностаю. За кустами он слышал шорох удаляющихся шагов.

— На восток! Они ушли на восток! Живо через ручей за ними!

Песец Зерик, один из капитанов Гуло, направил войско в воду. Опасаясь новых камней и дротиков, звери не торопились.

Гуло, отпихнув тело Шрада, наблюдал за переправой.

— Живей, живей, дохлые мухи! За голову Аскора щедрая награда!

Звери подчинялись безропотно, но обещанной наградой не прельщались. Никому не хотелось охотиться за головой росوماхи. Гуло пропустил войско, вылез

на берег и обнаружил, что все снова замерли. Грик при-
ник к следу, осматривая и обнюхивая его. Вождь уж бы-
ло собрался пнуть горностаю и заорать на остальных, но
сдержался. Он и сам не выдерживал долгой погони.
Нависнув над горностаем, Гуло выдавил из себя:

— Н-ну?

Грик выпрямился и доложил:

— Господин, их около пятидесяти, и они бегут на во-
сток. Но трое направились на север.

— Поэтому мы остановились, о могучий, — пояснил
капитан Зерик, пятясь подальше от Гуло. — Каков будет
приказ?

Шрад погиб, советоваться не с кем. Пришлось
напрячь собственные мозговые извилины.

— Пятьдесят? Тогда возьми половину войска, — об-
ратился он к Зерику. — Направись к Рэдловлу. Попы-
тайся взять его, но без штурма. Я с остальными пойду по
следам брата.

Зерик отсалютовал копьём.

— А с троими что? Которые на север...

— Ну... Пошли за ними Дирика с тремя бойцами.
Хватит. Пусть живьем берут. Выполняй!

На север шли Дуги, Ферди и Юфус. Они задержа-
лись на прелестной полянке. Яркая зеленая трава ме-
стами оттенялась островками мха.

— Интересно, сколько за нами увязалось нечисти? —
шевелинул ушами Ферди.

— Не имею понятия, — буркнул Дуги, на ходу пра-
вивший меч о камушек. — Коли след не взяли, то никто
не увязался. Спроси этого обормота, его идея.

Юфус, затаив дыхание, рассматривал и нежно гла-
дил малый кинжал Дуги.

— Да-да, Ферди, не скручивай уши в фитилек, это моя гениальная идея. Горностаи отличные следопыты, конечно, кто ж спорит!.. Если им под нос сунуть ясный след. А о следах я позаботился, так что скоро они нас догонят. Дуги, дорогуша, ну для какого немыслимого резона такому могучему, славному воину такой крохотный игрушечный ножичек?

Дуги вырвал кинжал из лапок Юфуса:

— Ух-х, воровская морда! Не трожь мой скинд! Скажи лучше, что у тебя там дальше в программе?

— Мы устроим ловушку.

Дуги спрятал скинд в головной повязке.

— Ловушку? Здесь, что ли, на этой полянке? На открытом месте?

— Именно здесь, догадливый ты наш, — с мудрым видом кивнул Юфус. — Я знаю это местечко как собственную лапу. С этой полянкой, как ты ее называешь, надо держать ухо востро. Впрочем, некогда объяснять, прячьтесь-ка поскорее за это бревно и носа не показывайте. Я пройду секретным путем, известным лишь величайшему из воров Леса Цветущих Мхов. То есть мне. Скоро увидимся.

Вор исчез в зарослях, а Дуги с Фердимондом присели за громадным стволом бука, многие сезоны мирно гнившим на краю полянки.

Ферди слизнул с лапы древесного жука и сплюнул.

— Что он такое выдумал, во...

— Не ломай голову, приятель, проверь лучше, на ней ли еще усы и уши, не спер ли их этот жулик. Ш-ш-ш! Вот они.

Горностаи Дирик остановился и повернулся к трем другим горностаям:

— След обрывается. Проверь... Ай! — Небольшой камушек стукнул его по затылку.

Юфус Легкая Лапа размахивал пращей на другой стороне полянки, улыбаясь во всю пасть:

— Здравствуйте, дорогие вонючки! Оставайтесь там, не подходите. Я вас и оттуда носом чую. Подождите, велю вашим мамочкам искупать своих сыночков-замарашек. Вот вам еще один камушек, поиграйтесь, и можете не возвращать, он после вас заразным станет.

Он запустил еще один камень, но промазал. Третий камень попал в лапу одному из горностаев.

— У-у-у, мелочь пузатая! Бей его!

Дуги и Ферди осторожно высунулись из-за бревна. Никого. Ни нечисти, ни Юфуса.

— Стойте, не ползайте вокруг! Я сейчас!

Действительно, Юфус появился почти сразу, потешаясь над их удивленными физиономиями.

— Хи-хи-хи, видели бы вы свои морды! Ну, как фокус? Потрясающе, правда?

Дуги поднял было глаза вверх, как бы ожидая увидеть исчезнувших горностаев в небе, но тут до него дошло.

— Ах ты мелкий негодник! Трясина?

Юфус запустил в полянку камушком. Раздался еле слышный хлюпающий звук, камушек исчез.

— Еще какая трясина, почтеннейшие! Я сам тут едва не утонул, когда был примерно ваших сезонов. Четыре шага отсюда, где мы стоим, — и ни одна душа вас больше не увидит. А я знаю окружной путь. Ладно, пошли, мы договорились с Командором встретиться на заливных лугах. Там живут мои добрые друзья, землеройки Гуосим.

Дуги невольно отодвинулся от предательской полянки.

— Гуосим? Что такое Гуосим?

Юфус в отчаянии воздел лапы к небу.

— Нет, вы только гляньте на него! Он не знает, что такое Гуосим, несчастный! Не слыхал о могучем племене воинственных землероек!

— Слыхал, слыхал, — вмешался Фердимонд. — Но ни разу не видал, во.

— Что ж, придется заняться вашим образованием, — высокомерно процедил Юфус. — Следуйте за мной, невежды.

Время шло, солнце миновало зенит, идти приходилось быстро, и настроение Ферди ухудшалось по мере роста аппетита.

— Землеройки! — ворчал заяц. — Надо остановиться и перекусить, не то скоро придется вам меня в землю зарыть, во.

— Да, пожалуй, пора бы что-нибудь пожевать, — согласился Дуги, тоже никогда не страдавший отсутствием аппетита.

Юфус безжалостно подгонял их вперед.

— Вам только на пользу немного потерпеть. Гляньте на свои толстые морды. Как вы только щеками за деревья не цепляетесь! А теперь тихо, вон уже камыши впереди.

Юфус задрал голову и завопил:

— Логалогалогало-о-о-о-ог!

— Ты же вроде велел соблюдать тишину, — тронул его за плечо Дуги. — А сам орешь так, что камни подпрыгивают.

Тут до них донесся ответный клич и из камышей выскочили четыре мелких зверька свирепого вида, в яр-

ких, пестрых платках-банданах, повязанных по самые брови, в жилетках и килтах. На широких поясах, украшенных медными заклепками, болтались короткие рапиры.

Их старший, завешенный окладистой подстриженной бородой, сцепился хвостом с Юфусом.

— Здравствуй, Лог-а-лог Тоги, старый друг! — приветствовал его Юфус. — Похоже, воинов у тебя прибавилось, пока мы не виделись?

— Не говори, — заулыбался Тоги. — Столько ртов кормить приходится! — Лог-а-лог, все еще улыбаясь, повернулся к Ферди и Дуги. — Ваши друзья уже здесь. Прощу за мной. Следуйте осторожно, ступайте по нашим следам. Заливные луга усеяны нашими ловушками. Нечисть уже в этом убедилась.

Вода хлюпала под ногами. Идти пришлось по болотистому участку. Вдруг Дуги заметил сквозь камыши шкуру горностая и схватился за палаш.

— Ложная тревога, друг, — заверил его один из попутчиков помоложе. — Этот уже свое получил. — Он отвел в сторону камыши. Голова горностая ушла под воду, придавленная толстым бревном. — Надежная ловушка — бревно-опрокидыш. Наступи на один конец — и получишь другим по башке. Осторожно, здесь надо переступить через этот толстый стебель. Еще одна смертельная ловушка.

Дуги, добросовестно задирая лапы, переступил предательский стебель и увидел длинную лодку.

— Прелестное местечко, во, — оглядывался по сторонам Ферди. — Что, лодочная прогулка?

Они погрузились в лодку-долбленку, и землеройки повели ее извилистым маршрутом между островками, зарослями камыша и плакучими ивами. Дуги и Ферди,

разинув рты, любовались волшебным пейзажем. Поверхность оживляли громадные водные лилии и побеги тысячелистника. В воздухе мелькали тучи стрекоз, сверкая радужой крыльев, порхали многочисленные мотыльки. Ферди сунул было в воду лапу, но быстро выдернул ее обратно, услышав краткое предупреждение:

— Шуки!

Лодка подошла к бревенчатому причалу у берега чуть выступающего над водой острова в центре заливных лугов. Гребцы привязали лодку, а гости с вождем тем временем ступили на влажную траву под плакучими ивами и сразу же встретили своих друзей.

МакБерл помахал лапой Дикому Дуги:

— Какой ветер тебя сюда занес? Должно быть, на запах съестного.

— Точно, друг. Я поторопился, пока один прожорливый пограничник не опустошил котел до моего прибытия. Как у вас дела?

— Да слоняемся вокруг помаленьку. А у вас?

— Не было случая даже клинок вытащить. Четыре горностае утопили в болоте по собственному почину. — Дуги заметил капрала Задика. — Привет, капрал!

Толстый заяц играл с детенышем землеройки.

— Мистер Дуги! Здесь удобное местечко, во.

Повара Гуосим принялись кормить народ. Подавали суп из речного кресса, пельмени с креветками, луговой салат.

Фердимонд развалился с блаженной физиономией.

— Неплохо подзаправились, во, — отдуваясь, изрек он. — Ни к чему не придерешься, так, Юфус?

— Праздник пуза! — глубокомысленно изрек Юфус, ковыряя в зубах острой щепкой.

Фердимонд доложил о действиях своей группы, расписав подвиги Юфуса на коварной полянке. Затем Командор рассказал о движении основного отряда.

— Они за нами погнались, и подумал я, что заливные луга — как раз то, что нам надо. И рядом совсем. Да к тому же мой старинный друг Тоги очень нечисть уважает.

Тоги твердой лапой поставил кружку.

— Пока я Лог-а-лог, нечисть на заливных лугах не разгуляется. Отец мой погиб от лап нечисти, двух братьев нечисть погубила. Но я тогда еще мальцом был. А этому Гуло вообще не место под солнцем. Таких, как он, следует стереть с лица лесов. Жаль, что мы только шестерых убили.

— Да, Гуло скомандовал отход, когда увидел, что дела его плохи на кромке заливных лугов, — добавил Там. — Где-то он сейчас и что замышляет?..

Лог-а-лог отцепил от бороды жевавшего ее детеныша.

— Скоро узнаем. Вот только разведка вернется.

Там перевел взгляд вдаль, рассматривая деревья по другую сторону заливных лугов.

— Какие у вас еще враги по соседству, кроме нечисти, Тоги?

Вождь землероек нахмурился:

— Хватает. Вот поэтому мы и растим молодых землероек бойцами. К востоку — болотные жабы и ящерицы. Шайка речных крыс. Но эти все время рыскают по лесу, не знаешь, где на них наткнешься.

Молодая землеройка-мамочка, укачивая детеныша, вмешалась в мужской разговор:

— А черные крылатые из соснового бора! Уж какие разбойники! Детям на полянке не поиграть, сразу тут как тут!

— Да, грачи и вороны из сосновой рощи. Мы все время отгоняем их из луков, чтобы не воровали детей.

В голове МакБерла уже складывался новый замысел.

— Где эти сосны?

Лог-а-лог махнул на юго-восток.

— Примерно день пути. Мы туда не ходим, уж слишком их много. А территорию они охраняют бдительно, сразу нападают, если к ним забредешь. И уж живым оттуда вряд ли выберешься.

— Вот и отлично! — обрадовался такой мрачной картине Там.

Юфус недоуменно уставился на Тама:

— Что, к ним в гости собрался?

Пришла очередь Дуги смерить Юфуса пренебрежительным взглядом.

— Придется заняться образованием этого пустоголового мародера. Рэкет Там МакБерл, великий тактик и стратег, выработал гениальный план. Растолкуй, приятель, — повернулся Дуги к МакБерлу.

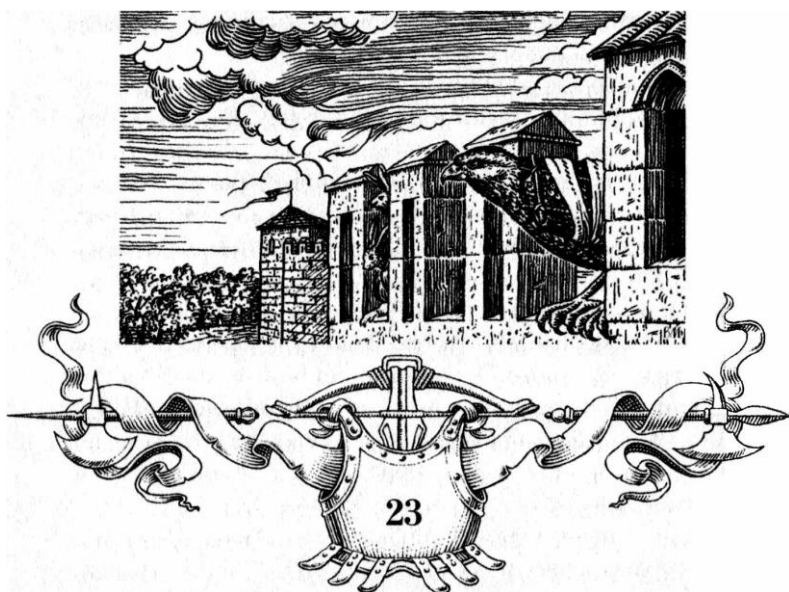
— Надо заманить Гуло в сосновую рощу. Он ведь о черных птицах не знает. Вот и весь план.

Командор гулко шлепнул хвостом по земле.

— Великие Потоки, просто, но гениально!

Там отцепил от пояса очередного кроху-землеройчика и поднялся.

— Может быть, может быть. Но многое еще надо обдумать. У кого появятся толковые мысли — буду рад услышать.

Терген тяготился наложенной на крыло шиной. Она ему мешала и раздражала безмерно. Он разочаровался тем, что его не вылечили в один день. Пожимая плечами и поводя здоровым крылом, он ворчал:

— Кр-рур-рк! Кр-рылу кр-ранты. Тер-рген пр-ропал. Нечисть р-рада, р-рада.

Армила сидела возле сторожки с аббатом и Крамшо. Все трое проводили взглядом понурюю птицу.

— Бедняга Терген. Жаль, но я не могу вылечить его мгновенно, — вздохнула сестра Армила. — Очень уж он нетерпелив. Придется долго упражняться.

Крыло заживет, он еще взлетит, но нужно терпение.

Командир протер монокль рукавом мундира.

— Иной раз и раненные зайцы так же себя ведут. Надо его чем-нибудь отвлечь, найти занятие, чтобы он почувствовал, что приносит пользу, во.

— Я пыталась подыскать ему занятие в больнице, но он лишь съел весь запас каштанов и растянулся на кровати. Попросила брата Грисома взять его помощником на кухню — он заявил, что в кухне жарко и ему нечем дышать. За малышами следить — у него терпения не хватает.

Крамшо подкинул монокль и ловко его поймал.

— Понимаю, понимаю, мисс Армила. Он скучает по дисциплине.

Командир встал и зашагал к ястребу.

— Эй, братец... Во-во... Теофил, как тебя... Чего нос повесил? Пойдем, я тебя развеселю, во. Дело есть важное, во.

Ястреб глянул на Крамшо без всякого энтузиазма.

— Кар-ра-а! Тер-рген, Тер-рген! Р-развеселишь? Ха-ха-рр! Бр-рость!

Командир отвернулся и полез вверх по ступеням крепостной лестницы. Ястреб обреченно поплелся за ним.

— Дозорный на стене! — объяснял на ходу Крамшо. — Как раз для твоих глаз, во! Кто раньше тебя заметит нечисть? Справишься?

Ястреб рванулся вперед, и командиру пришлось отступить на шаг. Он даже думал, что птица собирается на него напасть. Но вместо этого Терген поднял здоровое крыло и отдал честь, лихо выпятив грудь.

— Гр-р-р! Командир-р Во-во пр-рав, пр-рав! Тер-рген зор-ркий, Тер-рген спр-равится, командир-р Во-во!

И ястреб зашагал по парапету, то и дело останавливаясь и устремляя взор вдаль. Находившиеся на стене зайцы с удивлением уставились на неожиданную подмогу.

Крамшо спустился к сторожке и подсел к аббату и Армиле.

— Ну вот, осчастливил я его, во. Странный тип. С чего-то вздумал называть меня «командир Во-во». Откуда он это взял, отец Монотон?

Аббат с трудом сдержал смех.

— Ума не приложу. Действительно странно.

Трое зайцев ссыпались по ступенькам крепостной лестницы. Крамшо возмущенно встал.

— Да... Куда это мы дружно направляемся? Почему оставили пост?

Юная Флакка отсалютовала и доложила:

— Прошу прощения, сэр, эта птица согнала нас со стены. Говорит, что от нас проку нет, потому что Терген сам все видит.

Монокль гневно сверкал, зайцы моргали, а командир бушевал:

— Надо же! И вы, нежные фиалки, обрадовались, что можно бросить пост! Мигом обратно! И если этот воробушек будет недоволен, напомните ему, что командует здесь командир Во-во.

Остановившись на окраине леса, капитан Зерик изучал укрепления Рэдволла. Подруга покойного капитана Шрада, Фрита, пождав губы, ждала рядом.

— Будь мы пташками... — проронила Фрита.

— Уж пташки или букашки, а надо что-то придумать, — нервно поежился Зерик. — Гуло все равно, кого по земле размазать, пташку или букашку.

Фрита зло сплюнула.

— Не упоминай этого дикаря. Если бы не он, Шрад бы не погиб. Но я ему отомщу, попомни мое слово.

Зерик пожевал травинку, выплюнул ее и вздохнул:

— Храбрая ты, Фрита, не спорю, но с Гуло и вдесятером не справиться. Забудь о нем пока что. Лучше подумаем, что сделал бы Шрад. Башковитый был парень.

— Башковитый, да. Он всегда приходил ко мне за советом. Нам прежде всего надо дожидаться темноты, потом выслать пару надежных ребят на разведку.

Зерик с уважением посмотрел на Фриту.

— Кого послать?

Фрита оглядела ряды нечисти и подозвала двоих:

— Фаргил, Граду, к капитану Зерику!

Приблизились два рослых, крепких, хорошо вооруженных песка. Зерик окинул их взглядом и промолвил:

— Когда стемнеет, хорошенько осмотрите стены крепости, нет ли какой лазейки без охраны.

Песцы кивнули и молча вернулись на свои места.

Фрита прошептала:

— Они молчаливы и надежны. Надежнее горностаев.

Зерик откинулся назад и растянулся на солнце, закрыв глаза.

— Посмотрим.

Картвил и Флакка шагали по северной стене, дальше от странного партнера в перьях. Желудок Картвила громко жаловался.

— Пардон, пардон! Время нутро чайком прополоснуть.

Флакка с надеждой посматривала на дверь аббатства.

— Скоро уж сменят. Во, глянь, этот чудик снова взбудоражился, — показала она на ястреба.

Терген делал им знаки с южной стены, подзывая к себе.

— Хр-шшшш! Шшшш! — зашипел он по-змеиному.
— Тишшш, тишшш!

Картвил простонал:

— Дак... Снова лекцию будет каркать про бдительность. Пошли, во, что поделаешь.

— Шшш! — не унимался Терген. — Стойте, не шшевелитесь, не ш-шумите. Терген спеш-шит к Во-во.

Он устремился вниз по ступеням, руля на поворотах и даже подлетывал здоровым крылом. Зайцы послушно застыли на парапете, разбираясь в своих чувствах, возмущенные и удивленные.

— Вот нахал, во! Как лягушек в ведре бросил.

— Смылся, наглый с перьями мешок, во!

Командир Крамшо и сержант Таран баловались чайком в Большом зале, беседуя с Берлапом и отцом Монотонном, когда на них вихрем налетел Терген.

— Сэр, — заметил его приближение сержант. — У птицы что-то срочное!

— А, ястребиный глаз! — приветствовал птицу командир Крамшо. — Надеюсь, на стенах и за ними все спокойно, во, во!

Терген возбужденно схватил со стола миндальную полоску.

— Крр-ракк! Бер-рспокойно! Нер-рспокойно! Мр-рак! Нечисть, нечисть, нечисть! Ястр-ребиный зр-рак, командир-р Во-во!

Крамшо уже вскочил, вставил в глаз монокль и встопорщил усы.

— Сколько, где, когда заметил?

Терген спокойно расправил перья и проглотил лакомство.

— В дер-ревьях к югу от кр-репости, сэр-р. Ййа-арк! Пр-рячутся. От Тер-ргена хр-рен спр-рячешься! Шер-рсть гор-рностая не тр-рава, не дер-рево, не па-пор-ротник. Штур-рм... вр-ряд ли, вр-ряд ли... Сор-рок... Сор-рок тр-ри... Сор-рок четыр-ре... Сор-рок шер-рсть...

— Что будем делать? — спросил у командира обеспокоенный аббат.

— Дак... Ничего, во. Пока ничего. Терген прав, сейчас они на крепость не полезут. Так, сержант?

Сержант отложил ватрушку.

— Точно, сэр, сейчас не попрутся. Ночи дождутся, во. Готовность объявить?

Крамшо прежде всего обратился к аббату и Берлапу:

— Никому не надо об этом говорить. Ни к чему беспокоить мирных обитателей. А с нечистью мы разберемся.

Терген сгреб еще одну миндальную полоску и пару ватрушек.

— Ййи-хакк! Тер-рген обр-ратно, смотр-реть, смотр-реть!

— Хорошо, Терген. Спасибо за службу. Сержант, пращи и луки на стены! Скрытность соблюдать, за зубцами скрываться, уши не высовывать. Пусть воображают, что мы их не заметили. Отец Монотон, прошу вас держать обитателей аббатства под крышей весь остаток дня и особенно ночью, во.

— Идем к Демплу, Берлап. Он нам поможет народ внутрь загнать. Все, конечно, удивятся. В такую погоду сидеть в помещении...

— Можно что-нибудь отвлекающее придумать, отец Монотон. Конкурс какой-нибудь с призами победителям.

— Верно, Берлап, — просиял аббат. — Давно у нас соревнований по загадкам не было.

— Я притащу бочонок земляничной шипучки, а брат Грисом выпечку обеспечит, — продолжал развивать идею Берлап. — И под это дело все с удовольствием соберутся в Пещерном зале.

Сержант Таран проводил взглядом удаляющихся под ручку старика аббата и юного хранителя погребов, с сожалением понимая, что прелести мирной жизни на время придется забыть.

Вечернее солнце подсвечивало стены темно-розового песчаника. Аббатство напоминало темную розу на стебле длинной вечерней тени. Жаворонки, дощетава вечернюю песню, опускались на равнину за тропой и рвом. Зайцы за зубцами стены устраивались поудобнее, готовились к долгому бдению и возможному нападению нечисти. Лучники и прашники проверяли оружие.

Сержант услышал всхлипывание. Молодая Флакка терла глаза лапой.

— Во, непорядок! — остановился перед ней сержант Таран.

— Извините, сэр. Но я подумала... Такой прекрасный вечер... Закат красивый... А все ли мы встретим утреннюю зарю! Нечисть за стенами. Понимаете?

Сержант протянул ей свой платок:

— Скорее всего, ночью ничего не произойдет. Это во-первых, во. А во-вторых, глаза покраснеют и красоту

порастеряешь из-за слез своих. Так что вытри глазки и будь умницей, перестань реветь, во, во.

В Пещерном зале рэдловльцы, затаив дыхание, следили за сестрой Скривой, автором большинства загадок. Сейчас перед нею замер Джем Туда-Сюда и сосредоточенно слушал загадку.

— Угадай-ка, что это такое: «Миртл, дорогая! Ай! Ай! Как я рада! Ай! Ай! И я рада! Ай! Ай! Как детишки? Ай! Ай!»

Джем ответил без раздумий и колебаний:

— Это две ежихи колючие обнимаются.

Сестра Скрива сделала пометку в своем пергаменте.

— Спасибо, ответ верный. Прощу следующего.

Кротеныш Мадж смело выступил вперед:

— Хурр, мэ, только я маленький, мне простенькую загадалку.

— Никаких поблажек! Все загадки трудные, иначе не интересно. Вот, слушай: ты крот, а он не крот. Он тебе не родственник, но ты его называешь отцом. Кто это такой?

— Ху-урр... — Мадж насупился, засунул в рот коготь.

Сестра Армила нагнулась к нему и что-то шепнула. Мадж просиял и выпалил:

— Хур-хур, это отец настоятель, мэ!

Скрива снова поставила птичку в своем списке.

— Спасибо, правильный ответ. Мы все называем аббата отцом. Кстати, теперь подошла его очередь.

Мадж улыбнулся настоятелю:

— Хурр, а я, может, называю вовсе «аббат», а не во все «отец».

Монотон вздохнул и прошептал:

— Уже почти стемнело...

Берлап сжал его лапу:

— Не волнуйтесь, отец Монотон. Зайцы нас в обиду не дадут.

Снаружи совсем стемнело. Капитан Зерик напутствовал разведчиков:

— Осторожнее, чтобы вас не обнаружили.

Песцы выскользнули из-под укрытия деревьев.

Двигались они быстро и бесшумно, как тени, используя каждую кочку и ложбинку в качестве укрытия.

Терген пробормотал стоящему рядом с ним Крамшо:

— Ку-у-у-р, кр-радутся. Пар-ра. Др-ругие пр-рячутся.

— Разведка, значит. Сержант, возьмите Флакку, займитесь левым. Капитан Фортиндом, вам в помощь Картвил, идете на правого. Одного прошу взять живым. Курьером поработает. Выполняйте.

Граду и Фаргил остановились у южной дверцы, проверили ее прочность. Затем они разделились и пошли вдоль стен, осматривая их и выискивая изъяны. Одновременно разведчики подмечали, где можно сделать подкоп.

Капитан Деррон Фортиндом славился в Долгом Дозоре искусством владения саблей и богатым боевым опытом. Скинув плащ, он приказал Картвилу осторожно отпереть дверь и выскользнул за стену, пробормотав помощнику:

— Запираешь изнутри и отопрешь на мой голос.

— Но, капитан... — заикнулся было Картвил.

— Это приказ, — спокойно пояснил Фортиндом.

Картвил запер дверцу и поспешил вверх.

Потерявшая брата Керси скрипнула зубами.

— Встретить бы мне того, снаружи...

— Не спеши, подруга, — успокоил ее один из ветеранов. — Нет среди нечисти никого, кто смог бы скрестить саблю с капитаном Фортиндомом и остаться в живых.

Знаменитая сабля Деррона Фортиндома еще не покинула ножен. Капитан стоял у дерева, наблюдая за белым лисом Граду. Лишь когда вражеский разведчик прошел мимо него, Фортиндом сделал шаг от древесного ствола.

— Ай-яй, совсем один гуляешь. Не скучно?

Граду мгновенно развернулся. В одной лапе он сжимал саблю, в другой — короткий боевой топорик. Клыки разбойника обнажились в ухмылке.

— О-о-о, везуха-то! Такой здоровенный кролик, и весь мой. В прошлый раз, на берегу, пришлось делить на пятерых.

— В прошлый раз вас было сто против восьмерых, — напомнил капитан. — С-с-с-смерть!

Сверкнула сабля, топорик рухнул наземь, на него свалился труп песка. Капитан переступил через Граду, вытирая саблю о его белую шубу. Картвил с Керси уже неслись вниз, чтобы отпереть дверь. Они уставились на Фортиндома в немом восхищении.

— Вы, мисс, закройте дверь изнутри, Картвил со мной. Подстрахуем сержанта, чтобы второй от него не удрал, во.

* * *

Зайцы на западной стене скрытно следили за движением второго разведчика. Когда сержант слышал шорох за створками главных ворот, он прошептал стоящим рядом зайцам:

— Ну, ребята, учение на скрытность, во. Значит, делаем так...

Песец Фаргил просунул саблю между створками и попытался сдвинуть засов. Но ворота вдруг распахнулись, и Фаргил увидел перед собой сержанта и десяток вооруженных зайцев. Песец молниеносно повернулся бежать, но капитан Фортиндом уже приставил саблю к его горлу:

— Шевельнись — и ты труп!

Сержант Таран отвел саблю капитана в сторону.

— А ну как шевельнется, во! Приказ командира — брать живьем. Не беспокойтесь, капитан, я разберусь.

Зайцы окружили песца и сержанта. Таран поднял лапы, демонстрируя, что он без оружия.

— Ну, поганый убийца, покажи, на что ты способен. С безоружными воевать тебе не впервой.

Саблю песец уже держал наготове. Второй лапой он выхватил кинжал и бросился на Тарана с двумя клинками. Заяц уклонился, вильнул и ударил противника в плечо. Кинжал, сверкнув, вылетел из лапы Фаргила. Песец вскрикнул от боли и замахнулся саблей, чтобы раскроить черен врага.

Вуухх! — мощный удар в живот почти сложил песца пополам. Сержант наступил на саблю Фаргила, прижав ее к земле. Он сгреб уши белого разбойника и вздернул его на задние лапы.

— Вставай, парнишка, во, покажи, на что ты способен.

Песец кланулся зубами, попытавшись откусить зайцу нос, но голова сержанта Тарана врезалась в морду Фаргила. Роняя зубы из разинутого рта, песец растянулся без сознания.

Таран откинул саблю побежденного, с сожалением глядя на обмякшее тело.

— Жаль, я только собрался его отмолотить хорошенько, как он того заслуживает, во...

Молодые зайцы восторженно загудели:

— Во, какой удар, во-во-во!

— У сержанта голова, что валун, во!

— Этот завтра завтрак от задницы не отличит...

Фортиндом пошевелил лежащего тупой стороной сабли.

— Мастерски сработано, сержант. Только вот лапы о них пачкать, во... Их бы из луков убивать, чтоб и саблю не марать. Ну, ребята, тащите добычу внутрь и запирайте ворота. Старшой еще пошепчется с этим поганцем.

Внизу, в Пещерном зале, Берлап откупорил бочонок шипучки и разлил ее по кружкам всем желающим. Сестра Скрива и Джем принесли свежую выпечку. Судьи соревнования единодушно решили, что победила дружба и призы раздаются всем присутствующим. Среди всеобщего веселья аббат Монотон по-прежнему с трудом скрывал озабоченность. Тут в подземный зал вошли сержант Таран и несколько молодых зайцев.

— Какие новости, сержант? — всполошился аббат.

— Не беспокойтесь, отец Монотон, — улыбнулся сержант. — Все в порядке, отдыхайте спокойно.

Аббат облегченно вздохнул:

— Слава Сезонам! Прошу вас с ребятами к столу. А десерт у нас будет загадочный. Уж наши малыши постараются. Сержант, вы любите загадки?

Запитан Зерик проснулся ясным, безоблачным утром; едва открыв глаза, жадно вонзил зубы в зеленое яблоко и поморщился. Он выплюнул кислятину и запустил надкушенным яблоком во Фриту. Разбуженная лисица уселась, протирая глаза.

— Ты чего?

Зерик кивнул в сторону аббатства:

— Полюбуйся на своих надежных парней. К ним на всех четырех ковылял Фаргил.

Привязанный к его спине Граду волочил по траве хвост и задние лапы. Фрита растолкала спавших рядом горностаев.

— Помогите им, быстро!

И вот уже оба песца втащены за деревья и освобождены от веревок. Перерезаны веревки. Мертвый Граду сразу же свалился наземь. Рядом лежал Фаргил. Полуживой. Глянув на его разбитую физиономию, Зерик покачал головой:

— Что с тобой случилось, говори!

— В... воды! — прохрипел Фаргил.

Зерик наградил его пинком.

— Сначала доклад.

Фаргил, еле шевеля распухшими губами, сообщил о том, что приключилось ночью. Когда он дошел до описания схватки с боксером, Зерик прервал его:

— Ты хочешь мне рассказать, что кролик без оружия, один-одинешенек, отделал тебя, вооруженного воина?

— Да, капитан. Они не кролики, зайцами они называются. Он мог бы меня убить, и убил бы, если б не их главный, которого они зовут Крамшо.

Фрита подошла к Фаргилу и дала ему отпить из фляги.

— Что сказал тебе этот Крамшо?

Фаргил с трудом приподнялся и сел.

— Он сказал, что если мы здесь останемся, то все тут и помрем. Что его воины поклялись отомстить нашему повелителю Гуло и всем, кто пришел с ним. Капитан, он дает нам время до заката, чтобы уйти.

Зерик воинственно вскинул нос.

— Или?

Фаргил постарался как можно точнее вспомнить слова командира Крамшо.

— Или он встретит нас на равнине к западу и покажет нам кровь и уксус без пленных, во. А другой, то-

же капитан, как и ты, добавил, что останемся мы или уйдем, зайцы все равно не успокоятся, пока мы не уставимся мертвыми глазами на Адские Врата, а кости наши, рассыпанные по земле, не выбелит солнце.

Окружающие их песцы и горностаи притихли, переваривая неприятные обещания. Избитый Фаргил и мертвый Граду — что может быть убедительнее? А ведь это были лучшие воины группы Зерика!

Чувствуя, что боевой дух его отряда упал, Зерик вытащил саблю и лизнул лезвие клинка.

— Ха! Угрозы ничего не значат для воинов великого Гуло. Мы пришли из страны льдов и снегов не для того, чтобы дрожать от хвастовства кроликов.

Фаргил поднялся и качнулся в сторону тропы.

— Не кролики они, капитан, они зайцы. Я видел их вблизи. Я понял, что эти слова не пустая угроза. Мы все погибнем! — крикнул Фаргил и, застонав, потрусил к тропе.

Зерик выхватил копьё у стоявшего рядом горностаю и вонзил его беглецу между лопаток. Легкая цель — Фаргил упал мордой вниз, даже не пикнув.

Зерик величественно подошел к труп, наступил на его спину, выдернул копьё и швырнул его владельца. Сабля капитана одним взмахом охватила всех его мрачных подчиненных.

— Кто еще хочет бежать? Последуете за Фаргиллом...

Гробовое молчание. Зерик указал саблей на стены Рэдволла.

— Когда придет лорд Гуло, мы уже будем там, внутри, наслаждаться мясом побежденных. Даю вам слово!

Подчиненные разбрелись по лесу в поисках пищи, а Фрита подошла к Зерику.

— Что, капитан, будешь завтра сражаться с зайцами?

— Идиотом меня считаешь? — фыркнул Зерик. — С чего это я должен выполнять приказы врага?

— Храбр ты, Зерик, но здравый смысл избегает твоей головы, — усмехнулась Фрита, лениво жуя травинку.

Зерик вырвал у нее стебель травы.

— То есть как?

Фрита сорвала новую травинку.

— Если бы я допрашивала Фаргила, я бы узнала, сколько народу он успел увидеть в аббатстве, кого именно. Что он заметил во время разведки, какие в крепости источники воды и пищи... А теперь Фаргил мертв, и некому ответить на эти вопросы.

Зерик беспомощно уставился на лисицу.

— Что ты предлагаешь?

— Ты командир, ты принимаешь решения.

— Чего ты хочешь? Говори.

Фрита выплюнула травинку.

— Первое — отомстить Гуло за Шрада. Второе — половину всего, что добудем.

Зерик усмехнулся:

— У тебя губа не дура, но я боюсь не тебя, а Гуло. Он скоро будет здесь, и что тогда станет с нами обоими?

Но лисица уже чувствовала Зерика игрушкой в своих лапах.

— Аббатство — ключ ко всему. Без хитрого плана никакой зверь эту крепость не одолеет. И будь нас вдесятеро больше, все равно не взять. Гуло могуч, но кре-

постную стену лбом не прошибешь. Я не собираюсь возвращаться в наши снега и льды. Не буду служить Гуло. Если мы засядем в этой крепости, нам никакой Гуло не страшен. У тебя есть народ, сила, у меня мой мозг. Давай объединим наши силы.

— У тебя план?

— У меня превосходный план, — кивнула Фрита. — Если мы его выполним, победа будет нашей.

— Я с тобой, — заверил Зерик.

Брат Грисом и командир Крамшо в кладовой деловито оценивали достоинства осенних сортов яблок. Их мирное занятие прервала Керси:

— Извините, сэр, ястреб доложил, что с юга из лесу вышли трое бандитов под флагом перемирия, во.

Крамшо аккуратно вытер губы платком в горошек.

— Что ж, красавица, следует поинтересоваться, с чем эти мерзавцы пришли.

Внизу у стены сержант Таран и еще трое зайцев с трудом сдерживали ястреба.

— Сэр, ястреб хотел открыть дверь и убить парламентаров. Пришлось переубеждать, во.

Командир провел тросточкой по клюву Тергена.

— Понимаю, друг, но не одобряю. Дурной тон! Любая гадость под флагом парламентаря неприкосновенна, во.

Ястреб полез за командиром на стену.

— Ййа-кар-рр! Командирр Во-во, не р-разговор-р говор-рить, кр-рошить их, кр-рошить!

Крамшо протер монокль, сунул его в глаз и неодобрительно уставился на троицу под драным грязно-белым обрывком, насаженным на копье.

Зерик задрал голову и крикнул:

— Ты тот, кого называют командиром?

— К вашим услугам, — сухо ответил Крамшо. — С кем имею удовольствие беседовать?

Зерик вытащил саблю и хлопнул ею себя по груди.

— Я капитан войска великого Гуло. Мое имя Зерик.

— Неужели? — Крамшо, казалось, не поверил. — Тогда ты должен знать правила переговоров. Под флагом перемирия не размахивают оружием. Брось свою овощерезку, или я ухожу.

Песец скрипнул зубами, но воткнул саблю в траву.

— Гм, другое дело, во, во. Выкладывай, что там у тебя?

Зерик постарался придать голосу как можно больше свирепости.

— Завтра на заре мы перебьем вас и сожрем.

Это сообщение почему-то обрадовало бригадира. Он улыбнулся.

— Вот и молодцы, во. Стало быть, наш вызов принят?

Фрита, стоявшая по другую сторону от горностая-знаменосца, тоже улыбнулась Крамшо.

— Ты уже стар. Придется тебя долго жарить, чтобы разжевать.

— Извините, мэм. Надеюсь, я на вкус не хуже, чем паренек, из которого вы сделали флаг.

Зерик скосился на кусок шкуры Фаргила, насаженный на копьё и изображающий флаг перемирия.

— Он враг. Воины Гуло пожирают плоть врагов. На заре мы съедим тебя.

— Ладно, ладно, — отмахнулся командир. — Хватит болтать. Идите выпитесь перед смертью. Не опаздывайте, не люблю опоздавших.

Командир отскочил за зубец стены. Мимо свистнули три стрелы.

— Грязные твари, во! — ругался сержант Таран. — Осквернить флаг парламентарера! Ох, лапы чешутся!

Крамшо направился вниз.

— Иного от них я и не ожидал. Бедные их матушки! Вырастить такую дрянь, во, во!

Бельчиха Армила и кротиха Альба вели стайку малышей на огород. Неуемный аппетит зайцев заставлял брата Грисома снова и снова требовать свежую зелень для салатов. Воздух вдруг вздрогнул от вопля зайцев:

— Еулалиа-а-а-а!

Юная Керси неслась навстречу, потрясая дротиком. Впервые после смерти брата она смеялась. Брат Демпл разогнул спину, как бы вырастая из-за кустов, и стряхнул землю с лап.

— На нас напали, мисс? — окликнул он Керси. — Малышей загонять домой?

Зайчиха подбросила и поймала дротик.

— Нет, сэр, завтра бой! Вперед, пощады не просим, пленных не берем! Еулалиа-а-а-а!

Сестра Армила ужаснулась:

— Как можно радоваться таким страшным вещам?

Альба покачала бархатистой головой:

— Хурр, сама удивляюсь, дорогая. Мы мирные создания, где уж нам в таких страстях разобраться.

Брат Демпл внимательно наблюдал, как зайцы прыгают от радости на крепостных стенах.

— Тайна сия велика, сестра. Да, мы мирные создания, но они бойцы, у которых война в крови. Они рождены для битвы.

Кротеныш Мадж, подражая сержанту Тарану, принял позу боксера.

— Хурр, сэrr, я великий воин!

— Конечно, Мадж, но подрасти тебе не мешает. А пока ты не вырос, зайцы нас защитят, спасибо им.

Арила задумалась.

— Конечно, брат Демпл. Но почему невозможно обойтись без войны?

Брат Демпл подхватил Маджа и посадил его на плечо.

— Потому что всегда есть добро и есть зло. И добрые звери должны защищать свои семьи и друзей от злых, которые стремятся все захватить и разрушить.

— Правда, сэrr, хур-хурр. — И Мадж одобрительно похлопал Демпла по затылку.

Еще затемно флотилия логоходов и плотов уткнулась в берег. С одной из лодок бесшумно выскользнули Рэкети Там МакБерл, Командор, Дуги, Фердимонд и Юфус. Землеройки удерживали лодки, пока не высадились все зайцы. Последним сошел на берег Лог-а-лог Тоги с двумя воинами.

— Разройка и Дваройка — лучшие мои разведчики, — объяснял Таму Тоги. — Они знают, где лагерь Гуло, отведут вас туда. Потом до сосновой рощи проводят, где черные крылья живут. Там уж вы знаете, что делать. После рощи попадете на пустошь с кустар-

ником, да, там и холм к востоку. За холмом речка быстрая — вам туда. На речке я с лодками ждать буду. Ох, в соснах осторожнее, не то глазом моргнуть не успеете, как глаз и жизни лишитесь.

МакБерл пожал вождю лапу:

— Спасибо, Тоги. Капрал Задик, следуем в боевом порядке тесной группой. Отставших подбирать не сможем.

Дуги и Фердимонд шагали впереди, между ними пыхтел Юфус. Ему не нравились такие гонки по еще темному лесу.

— Ах, мои бедные лапки! Ох, придется вас выбросить после такого бега с препятствиями.

Фердимонд сжал его лапу, подтягивая вперед.

— Береги дыхание, переставляй лапы, во.

Дуги подхватил вторую лапу вора.

— Извини, что не можем понюхать цветочки на кочках, шевелись, сонная улитка!

МакБерл с разведчицами шел перед группой. Наконец одна из них притормозила и подняла лапу:

— Медленнее! И осторожнее! Лагерь рядом.

— Спасибо, подружка. Ты кто, Разройка или Дваройка?

Землеройка хмуро глянула на зайца, врезавшегося ей в спину.

— Я Разройка. Дваройка моя сестра.

Вилдери улыбнулся:

— Смешные имена, во.

— Ничего смешного. Семья у нас большая, потому и дети по номерам.

Юфус уже немного отдышался.

— А сколько всего детей, небось сотня?

Дваройка тоже нахмурилась.

— Нет, всего только двадцать шесть. Все, болтать хватит, нечисть рядом.

Уже забрезжила заря, когда к костру подбежал часовой. Прикрывая лапой распухшее ухо, он споткнулся, ступил в костер, подняв сноп искр, и завопил:

— Великий, просыпайся! Скорее!

Гуло вскочил, стряхивая искры с шерсти.

— Чего вопишь? Докладывай.

Горностаи вытянул лапу.

— Там, повелитель! Там твой брат, клянусь! И с ним еще звери!

Гуло сгреб несчастного часового за горло:

— Аскор? Где?

— Кх... Гх... Хык! — хрипел и кашлял полузадушенный горностаи.

Сообразив, что может задушить ценный источник сведений, Гуло разжал лапу. Часовой рухнул наземь, одной лапой по-прежнему придерживая ухо, а второй схватившись за горло.

— Повелитель, я стоял на посту и слышал шум сзади. Только успел повернуться, как большой зверь в плаще схватил меня и ударил головой о дерево. За его спиной стояли верзилы...

Гуло прекрасно понимал, что часового застали спящим.

— С чего ты взял, что это мой брат? Ты его ясно видел?

— Я его не разглядел, сэр, но ростом точно Аскор, и следы...

Гуло рванулся в направлении, указанном часовым. Перед ним на земле — свежие смазанные следы с глубо-

кими царапинами, оставленными острыми когтями. Рык повелителя поднял на ноги все войско.

— Ко мне! Ничего, кроме оружия, не брать! Живей, Аскор не должен удрать! Живей! Живей!

Солнечные лучи рассеивали утренний туман, сквозь который неслись бойцы отряда МакБерла. Они вовсе не стремились удрать незаметно. Мяли траву, папоротниковые заросли, да еще и вопили во все горло:

— Аскор! Аскор! Аско-о-о-о-ор!

Командор снял с плеч Юфуса и содрал со ступней тростниковые «когти».

Юфус льстиво улыбнулся выдре:

— Такой могучий зверь мог бы и еще немного пронести слабое, нежное создание.

— Неплохая идея, — согласился Командор. — Согласен. Я несу тебя до полудня, а ты меня дальше, до заката.

— Шутник бревнохвостый, — буркнул Юфус. — Подумать только, а я-то считал его добрым другом!

Сзади доносились вопли погони. Дуги схватил лапу полевки.

— У МакБерла слишком скоростные идеи, — пожаловался горец. — Побежали, лентяй мелкий, не то ночевать тебе в желудках нечисти.

МакБерл пропустил всех своих бойцов вперед. Вели группу две разведчицы Гуосим, а Рэкет Там с капралом Задиком и Фердимондом двигались замыкающими. Капрал криво усмехнулся:

— Ох и рискуем же мы шкурами! Будем надеяться, что птички наши не улетели в гости к каким-нибудь дальним родственникам, во.

Но Там не слишком торопился. Опасаясь оторваться от преследователей, он даже замедлил шаг. Заметив это,

Фердимонд сделал то же самое. Шум погони приближался. Там усмехнулся:

— Любой хороший план сопряжен с риском. Осторожнее, не споткнитесь о корни. Крутой склон!

К несчастью, Дуги и Юфус этого предупреждения командира не слышали. Дуги споткнулся о выступающий корень боярышника и вместе с Юфусом, лапу которого крепко сжимал, кувырком полетел по склону холма вбок. Оба пролетели сквозь кустарник и, счастливо избежав древесных стволов, рухнули в глубокую канаву, заполненную многолетними запасами слежавшихся листьев.

Отплевываясь и отфыркиваясь, Дуги высунул голову из вороха листьев.

— Что же ты, дуралей, не отцепился от меня, когда тебе вздумалось свалиться?

Увенчанный короной из гнилых листьев, Юфус тоже вынырнул на поверхность.

— Врун кустохвостый! Это ты вздумал свалиться, а я пытался тебя спасти. Вот какова твоя благодарность! Ш-ш-ш!

Юфус дернул Дуги обратно в укрытие. Мимо них, вопя и улюлюкая, неслась свора росомахи Гуло. Выждав, пока все стихнет, оба снова высунули головы. Дуги выплюнул несколько листочков.

— Похоже, мы больше в плане Мака не числимся.

— Зато не надо больше мчаться, как ужаленным.

Дуги встал, но тут же снова рухнул, охнув от боли.

— Ух, я лапу сломал!

Юфус помог белке выбраться из канавы и осмотрел ступню.

— Ну, положим, не лапу, а всего лишь коготь. Сейчас починим, из-за чего шум! А лапа в порядке. Легкое растяжение.

Утешить горца оказалось не так легко. Он горько жаловался на судьбу:

— Бой упущен, мы потерялись, лапа скребется, как стадо крыс.

Юфус смазал ступню Дуги грязью, обмотал листьями щавеля и перевязал побегами плюща.

— Что ты городишь? Чтобы Юфус Легкая Лапа потерялся в лесу! А в бою какой бы от тебя был прок с поврежденной лапой? Найдем занятие не хуже боя.

— Какое?

— Нечисть-то вся из лагеря улетучилась. Так что мы сможем его посетить с пользой для себя.

— Ограбить лагерь нечисти? Неплохая идея. Хитер ты, Юфус.

— Еще бы! Обворовать вора — что может быть интереснее! Дай-ка мне твою большую перочистку, я тебе костыль срежу.

Дуги протянул лесному вору свой палаш.

— Имей в виду, я хочу получить его обратно.

Юфус изобразил на физиономии оскорбленную невинность.

— Глупости говоришь, Толстяк Дуги. От такого друга, как я, нельзя ожидать никаких пакостей.

— Единственный мой верный друг — Рэкет Там МакБерл. Надеюсь, его план осуществится полностью.

Просветы между деревьями увеличились, под ногами зашуршал песок.

— Вон, впереди уже сосны виднеются, — указала сквозь редяющие деревья Разройка.

За последними лиственными деревьями и вересковой поляной земля вновь выгибалась бугром, на котором росли уже сосны. В воздухе над соснами — никаких птиц. Там поделился наблюдением с проводниками.

— Эти негодяи все там, сэр, — заверила его Дваройка. — Вы их еще увидите.

— Увидим или не увидим, а шевелиться надо, не то сейчас увидимся с нечистью, — заметил капрал Задик. — Что дальше, сэр?

Там вытащил меч Мартина.

— Изобразим ежика. Держимся плотной группой; копыя, сабли, мечи вверх. Поляну пересекаем медленно, чтобы погоня нас увидела и поторопилась. Как только войдем в сосны, мчимся быстрее, чем нечисть. Держаться вместе. Землеройки-разведчицы обойдут сосны стороной и выйдут к лодкам Лог-а-лога, сообщат о нашем приближении.

Капрал Задик схватился за эфес сабли и скомандовал:

— Отряд, клинки, копыя и дротики на товсь! Тесной группой бегом...

Рев толпы песцов и горностаев заставлял молодых зайцев нервно оглядываться. За деревьями замелькали белые пятна — шкуры преследователей. Фердимонд почувствовал облегчение услышав наконец команду капрала:

— ...марш!

Дяжело далась Гуло эта погоня.
Тяжко дыша, он отстал от стаи.

Стройный, гибкий горноста́й
примчался и доложил:

— Повелитель, они уже видны.

Гуло смахнул лапой с губ вспенившуюся слюну.

— Догнать!.. Брата видел?

Горноста́й отодвинулся в сторону, по-
дальше от страшных когтей.

— Трудно сказать, деревья мешают,
звери мельтешат. Должно быть, там он.
Мы их, похоже, загнали, они еле ползут.

Дикая ярость подбросила гору мышц, называемую Гуло.

— Бей их! Бе-е-е-ей!

Песцы и горностаи понеслись за своим господином, размахивая ятаганами, секирами, алебардами, копьями. Белое войско вырвалось на вересковую поляну, вопя:

— Гуло! Гуло! Бей-бей-бей!

* * *

От громогласных воплей нечисти пришли в движение кроны сосен. Темные тени замелькали между колючими ветвями. Сзади накатывала волна погони.

На физиономии МакБерла появилась жуткая улыбка. Он сосредоточился и напрягся.

— Смотрим вперед, не оглядываемся, шаг не ускоряем, ровно идем, шагаем, шагаем... Внимание...

Фердимонд почувствовал, как шерсть на загривке встала дыбом от крика МакБерла.

— Оружие вверх! Бегом! Хэвэй бро-о-о-о-о-о-о!

Строй отряда ошетинился остриями копий, сабель, дротиков. Зайцы понеслись между соснами.

— Еулалиа-а-а-а-а-а!

Воздух сгустился и потемнел от множества черных крыльев. Грачи и вороны рухнули на строй нарушителей. Закипела бешеная битва. Сталь оружия против клювов, крыльев и когтей. Там принял на меч налетевшего на него крупного грача, проткнул другого кинжалом. Вопя в боевом раже, зайцы кололи и рубили. Рядом с Тамом оступилась молодая зайчиха с разорванным ухом. Он подхватил падающую за одежду, сунул ей в лапу свой дирк.

— Держись, не отставай! Прорвемся! Хэвэ-э-э-э-эй!

Все ближе и ближе край сосновой рощи. Зайцы несутся, взметая лапами сухую опавшую хвою. Сверкает оружие, черные птицы молотят клювами и когтями, рвут шерсть, лапы, глаза, даже сталь оружия.

И наконец наступило затишье, послышались вздохи облегчения, всхлипывания, радостные крики, смех, кое-кто еще издает боевые вопли.

Капрал Задик проверяет наличие и состояние личного состава.

— Подтянуться! Внимание назад, ранами займемся позже.

Несколько ворон устремились вдогонку, но тут же развернулись и устремились обратно в чашу, на шум новой схватки. Разогретые краткой стычкой с зайцами, птицы ринулись на войско Гуло.

Фердимонд подошел к Таму, чистящему клинок пучком травы.

— Мак, Дуги с Юфусом пропали. Что делать?

— Ничего не сделаешь, если они исчезли в соснах. Но мне в это не верится. Так или иначе, задерживаться мы все равно не можем.

— Ясно. К реке и в лодки, по плану. Трех зайцев потеряли, раненых тоже хватает. Кстати, Дуги с Юфусом были с тобой, когда мы в сосны вошли?

— Нет. И рядом с тобой их не было, так я понял. Вилдери, не видел Дуги с Юфусом?

— Нет, сзади их тоже не было. Значит, в рощу они не входили. И то Слава Сезонам. Значит, есть шанс увидеть их снова.

— Эти два разбойника не пропадут, я уверен, — бодро заявил Там, поворачиваясь к молодой зайчихе с разорванным ухом, с поклоном протягивающей ему кинжал.

В соснах, судя по доносившимся оттуда воплям, творилось нечто невообразимое. Отряд МакБерла быстрым шагом продолжил путь к большому холму, за которым ожидалась река. Оторвавшись от птиц и от преследовавшей их нечисти, бойцы почувствовали себя свободнее. Воодушевленные успехом молодые зайцы оживленно болтали, на ходу обмениваясь впечатлениями, не забывая упомянуть о своих подвигах.

А Рэкет Там снисходительно улыбался и с грустью думал о том, как некоторые из этих бахвалов однажды ночью заплачут, вспоминая погибших товарищей, как было с ним самим, Рэкет Тамом.

На вершине холма уже поджидали Разройка и Дваройка.

— Рады видеть вас снова!

— Все идет по плану?

Там оглянулся на оставленные позади сосны.

— Похоже, что так. Гуло еще из сосен не вылез. Хотя такое чудовище никакие птицы не одолеют.

— А жаль, — откликнулась одна из разведчиц. — Но мы за ними проследим, а вас внизу поджидает Лог-а-лог Тоги с логоходами. И с поварами.

Там покосился на Фердимонда:

— Как вы относитесь к последнему сообщению, мистер де Мэйн?

— Очень, очень мило со стороны землероев, во! Бой с утра и пир к вечеру — чем не жизнь! — И Фердимонд заспешил вниз.

Там повернулся к капралу:

— Видал? Он уже и про бой забыл, как только еду помянули.

Капрал устремился за Ферди.

— Дак нормальное дело, во. Парень молодой, к тому ж заяц. Стало быть, аппетит всегда при нем.

Повара Гуосим колдовали над жаркой костровой ямой на самом берегу реки. Навстречу отряду поднялся Тоги. Он степенно подошел к Таму:

— Сердечно рад видеть вас снова, друзья! Все идет по плану? Все целы?

Там обменялся с Тоги крепким лапопожатием.

— Гуло все еще развлекается с птичками, посмотрим, чем это закончится. У нас полдюжины раненых, трое убитых. Не ожидал я, что в соснах так много птиц. Дуги и Юфус куда-то делись, но с ними, надеюсь, ничего не случится. А как у вас дела?

Тоги указал на костер.

— Неплохо, неплохо. Заметили косяк форели. Так что печеная форелька скоро поспеет. За нечистью наблюдаем. Ранеными сейчас лекари займутся. А пока приглашаю перекусить. И обсудить кое-что надо.

Под навесом флагманского логохода Там, Задик и Ферди поглощали засахаренные фрукты, запивая их шиповниковым чаем. Первая за день возможность расслабиться, спокойно отдохнуть в лучах заходящего солнца.

Покой, впрочем, нарушали вопли молодых зайцев, с дикими жестами и прыжками расписывающих свои подвиги поварам и многочисленным желающим послушать «охотничьи рассказы».

— Эй, во, ребята! — крикнул им капрал, — Убавьте громкость до простого звериного рыка. — Он повернулся к Лог-а-логу. — Теперь мы хоть что-то услышать сможем.

Тоги задумчиво рылся в бороде.

— Вот ведь какая штука получается... Сколько было нечисти у Гуло?

— Сотня, — не задумываясь, ответил Там. — Около сотни.

— Вот-вот. А Разройка и Дваройка насчитали прошлым вечером не больше полусотни.

— Дак... Половина, во, ровно! — удивился Ферди.

— Ты понял, что это значит, Там? — прикусил губу капрал.

— Это значит, что половина пошла на Рэдволл, — нахмурился Там. — И нам надо спешить туда.

Лог-а-лог Тоги предостерегающе поднял лапу.

— Поверьте моему жизненному опыту, бросать начатое дело без крайней необходимости не стоит. Давайте обдумаем вместе. У меня есть кое-какие предложения.

— Мы уважаем твой опыт, Тоги. Слушаем тебя внимательно, друг.

И вождь Гуосим объяснил свой план:

— Коль вы через вороньи сосны прошли, пройдет и Гуло. Сколько он там народу положит, другой вопрос. Но от вас он не отстанет. Сперва вы хотели отвлечь Гуло от Рэдволла. Но этот план теперь надо менять. Держаться реки! Как только Гуло выйдет из сосен и возьмет след, мы отчалим от берега. В последний момент. И след ему оставим ясный, а вас доставим к Рэдволлу водой, как можно ближе. Я пошлю гонцов к друзьям. У нас их не так уж мало, помогут.

— Спасибо, Тоги, отличный план. Что скажешь, Задик?

— Капитально, во! И что первым делом?

Там допил чай и поднялся.

— Отдыхать и шумно веселиться. Очень шумно. Костерчик раздуем до небес, чтоб издали видно было. Форель с приправками запечем и обязательно споем песню. Самую громкую.

— Точно,— подтвердил Тоги.— Чтoб Гуло нас не потерял.

Гуло вырвался из сосновой рощи чуть южнее того места, где раньше вышли зайцы. Солнце как раз собралось нырнуть за горизонт. Отряд росوماхи понес тяжелые потери, главным образом, из-за неумной жажды крови, владевшей Гуло. Вместо того чтобы поскорее миновать опасное место, он самозабвенно и с наслаждением рвал в клочья нападавших птиц, не заботясь о судьбе подчиненных и о ранах, наносимых ему самому острыми клювами и когтями. Ковер сухих игл вокруг него закрывали птичьи трупы.

Сам того не желая, Гуло оказал землеройкам Гусим неоценимую услугу. Отныне стаи хищных птиц оставались немногочисленными, а потому не опасными для землероек. Кроме жажды убийства и борьбы, Гуло занимала лишь одна мысль: Бродячий Камень. Все остальное так или иначе связано с этой задачей: найти брата и убить, сожрать его и всех сопровождающих Ас-кора зверей...

Уцелевшая нечисть развела костер на склоне холма. Усевшись вокруг огня, они зализывали раны и жарили тела убитых врагов. Гуло внимательно осмотрел своих потрепанных подданных, оценивая их боевой дух. Да, настрой войска явно оставлял желать лучшего. Это, впрочем, не столь важно. Главное — настрой вождя, его желание и его воля.

Умирающий от тяжелой раны горностай поскуливал и постанывал, отодвинув недоеденную птицу. Вождя он не видел, тихо жаловался товарищам:

— Глаз потерял, выклевали. А живот порвали так, что пища вываливается. О-о-о, отдохнуть бы мне...

Гуло пригнулся к страдальцу. Неожиданно мягко и тихо он прооркотал:

— Ты тяжело ранен, друг. Хотел бы ты заснуть?

Горностай вздохнул, польщенный вниманием вождя, его заботой.

— Да, господин.

Мощный удар переломил хребет горностая. Отшвырнув убитого, Гуло поднялся во весь рост. Глаза его свирепо сверкали, отражая пламя костра.

— Кто еще заснуть хочет?

Звери замерли, избегая смотреть на своего господина. Гуло выхватил из огня обугленную ворону, разорвал ее и сожрал в мгновение ока. После этого опустился перед огнем и проворчал:

— Двое пойдут в разведку, найдут моего братца и его команду. Остальные отдыхают и жуют. Жрите своих врагов, наполняйтесь их пламенем, укрепляйте хребты!

Вскочили чуть ли не все. Уж лучше идти в разведку, прогуляться на воле, подальше от тяжелой лапы росомахи. Гуло вытянул вперед лапу с зажатой в ней вороньей ногой.

— Ты и ты,— ткнул он в двоих когтистой птичьей конечностью. — Остальные здесь. Боевую песню! Проявите готовность служить великому Гуло.

Без промедления зверье образовало вокруг костра кольцо. Все затопали, взмахнули клинками и грянули боевую песню воинов страны льдов.

Из гнезда на сосновой ветке за ними наблюдала раненая ворона, ожидая возвращения друга, которому не суждено было больше вернуться. Она подняла голову и печально каркнула в безмолвное небо.

Вернулись разведчики, песец и горноста́й.

— Повелитель, — доложил песец, — они расположились у широкой реки, за тем лесистым холмом к востоку. У них лодки, много лодок.

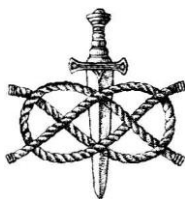
— Аскор где? Видели Аскора?

Голос разведчика дрогнул, но он не стал врать:

— Нет, повелитель, не видели мы его. Одна древесная мышь, один тюленевый зверь, длинные кролики и мелкие мыши-лодочки. Больше никого.

Гуло поднялся и затряс косматой головой.

— Я знаю, Аскор тоже там. Подъем, вперед, к реке! Живее, живее!

Наже самый зоркий глаз не различил бы в предрассветной мгле на стене аббатства командира Крамшо, капитана Фортиндомы, сержанта Тарана, аббата и Берлапа. Командир протер монокль и снова приложил его к глазу. Поглядывая в поле, Крамшо пробормотал:

— Не удивлюсь, если эти мерзавцы не появятся, во, во. Как, сержант?

— Дак пока не видно, во, сэр. — Он прищурился, всматриваясь в даль.

Вприпрыжку приблизился Терген, дожевывая овсяный пряник.

— Хар-ракк! Тер-рген видит, видит! Нечисть, нечисть!

— Где, друг?

— Ка-харр! Два пр-ролета стр-релы к север-ру, командирр Во-во! Гор-рит, гор-рит!

Берлап обратил внимание на слабое свечение на северо-западе.

— Да, и вправду, они вокруг костра сидят в плащах. Значит, драться собираются, сэр. Значит, у нас сегодня битва будет.

Крамшо покосился на молодого ежа.

— «У нас»... Вы что, в поле собираетесь?

Берлап приподнял топорик и бочарный молот.

— А как же! Раз я живу в Рэдволле, значит, должен его защищать.

Деррон Фортиндом одобрительно посмотрел на Берлапа:

— Отлично сказано, друг. Жаль, командир, вы не сможете сегодня вести нас. Но я запишу парочку нечистых на ваш счет.

Монокль вывалился из глаза удивленного Крамшо.

— Что вы несете, капитан? Кто вам сказал, что я не выйду в поле?

Аббат Монотон собрал всю свою смелость и тронул командира за лапу.

— Э-э, извините, друг, я отважусь это сказать. Вы не можете драться с лапой на перевязи и поврежденным плечом.

— Ерунда, аббат! Мой долг вести бойцов, во, во...

Терген попытался взмахнуть перевязанным крылом:

— Ак-ка-а-а! Во-во, ты как Тер-рген, р-ранен, р-ранен. Мы здесь, здесь.

Крамшо взмахнул тросточкой, как будто хотел побить всех стоящих с ним.

— Никогда! Я здесь командир, я приказываю. Если я сказал, что буду в поле, значит, так и будет, во!

Таран попытался его утихомирить:

— Извините, сэр, но аббат прав. Вы не в состоянии драться, это факт, во...

Крамшо резко повернулся к сержанту:

— Нет, сержант, не извиню. И прекратите пустую болтовню, не то получите взыскание.

Сержант Таран потупился и пожал плечами.

— Это ваше последнее слово, сэр?

— Последнее! Немыслимо! Неслыханно...

Больше он ничего сказать не успел. Сержант Таран выбросил вперед лапу, и командир рухнул без сознания. Таран не дал ему упасть, поймав на лету.

— Мистер Фортиндом, сэр, снизу, прошу вас, подержите... Отец Монотон, где положим командира, местечко поспокойнее и поудобнее...

Берлап перехватил командира, освободив сержанта от ноши.

— Устроим его в сторожке, там широкая, удобная кровать, мягкая.

Капитан Фортиндом Деррон не теряя времени, при полном параде появился перед строем зайцев:

— Внимание, ребята! В бой вас веду я, мой помощник сержант Таран. Оружие проверить. Через сабли не спотыкаться, дротиками друг друга не тыкать, только противника. Пращники, мешки полные. Лучники, тетива не разлохмачена и колчаны полны стрел. Вопросы есть?

Флиikka пропищала:

— Командир болен, сэр?

Капитан с ответом не медлил:

— Командир не болен, но ранен, во, как вы знаете. Ночь провел бессонную, теперь нуждается в отдыхе, не будем его беспокоить.

Фликка кокетливо повела длинными ресницами.

— Я тоже провела ужасную ночь, сэр. Эта Флакка все время храпит, как ведро лягушек, во. Можно, я тоже немного отдохну?

Капитан Фортиндом иногда терялся в присутствии молодых, симпатичных зайчих, потому замялся, не зная, что сказать. Сержант Таран был, однако, нечувствителен к шалостям и капризам. Он ущипнул Фликку за ухо.

— После боя выспишься, краса ненаглядная. Пронзишь десяток нечистых пиками своих острых ресниц — и отдыхай. Смирр-на-а!

Солнце быстро ползло вверх и уже начало пригревать спины. Зайцы выступили в поле и зашагали двумя шеренгами. Берлап задержался на тропе. Он обернулся и помахал отцу Монотону:

— Проследите за воротами, отец Монотон! И держите всех внутри, пусть не бегают по стенам.

Аббат улыбнулся своему воспитаннику:

— Будет сделано, брат Берлап. Береги себя, сынок! Слушай, что офицеры велят, не самовольничай!

Молодой еж взмахнул молотом и устремился за строем зайцев. Аббат следил за ним со смешанными чувствами. Он гордился Берлапом, и тем больше было знать, что впереди схватка с врагом. Старый еж смахнул слезу.

— Будь у меня сын, он не мог бы быть мне дороже Берлапа.

Фортиндом развернул зайцев в боевой порядок. Обе стороны стояли лицом к лицу, чуть дальше прицельного полета стрелы.

Сержант покосился на врага.

— Около сорока против нас. Остальные у костра в резерве, во. Может, охват применить, сэр? — обратился он к капитану.

— Мм... Пожалуй, нет, сержант. Когда концы клещей сомкнутся, их резерв ударит по нашему центру, во. Пойдем прямо на них, но не лобовой атакой, а с оставками для лучников и пращников.

Тарану идея понравилась.

— И пусть они атакуют нас, во, если кишка не тонка. А всех атакующих Дозорный Отряд всегда бил.

Фортиндом ловко срезал саблей головку лютика, подкинул его, поймал и воткнул в петлицу.

— Пускайте зайцев в пяти шагах за мной, сержант. Начинаем бой, во.

Капитан отошел вперед и остановился. Он поднес саблю к губам и поцеловал клинок.

— Неплохое утро, чтобы крошить гнусных мясоедов, во.

Зайцы затаили дыхание, когда со стороны нечисти в капитана полетели стрелы. Но Фортиндом, обладавший отличным глазомером, даже не шелохнулся. Стрелы попадали в нескольких шагах от капитана, он крикнул:

— Длинные луки — залп, пращи — товсь!

Дальнобойные луки Дозорного Отряда выпустили стрелы, вражеские лучники зашевелились назад, но четыре стрелы нашли свои цели.

Зайцы-пращники выбежали вперед, во врага полетел град камней. С обеих сторон загремел боевой клич:

— Еулалиа-а-а-а! Кровь и уксус!

Стрелки Гуло перегруппировались и выпустили стрелы. Упали два зайца.

— Гуло! Гуло! Бей-бей-бе-е-е-ей!

Медленно выдвинулись вперед вражеские пращники. Зайцы-лучники стреляли на ходу, пращники сближались с врагом, за ними двигалась основная масса копейщиков и мечников.

Шагающий впереди Фортиндом вытянул саблю в сторону врага и закричал:

— Вперед! Атака-а-а!

Берлап вдруг заметил, что несется на врага вместе с зайцами. Размахивая топором и молотом, он воинственно вопил, как и бегущие рядом зайцы. Переполненный неведомым ранее азартом, еж почти не отставал от быстроногих зайцев.

Но столкновения не последовало. Нечисть вдруг разделилась на две группы, вильнувшие в стороны. Берлап поравнялся с капитаном, стремясь к группе резерва нечисти, все еще гревшейся у костра. Два горностая вскочили, один из них сразу рухнул; голова его, срубленная саблей капитана, закувыркалась в сторону. Другой хотел пуститься наутек, но на его череп с хрустом опустился тяжелый молот ежа. Сабля капитана опустилась на фигуру, сидящую перед костром... Капитан крикнул и пнул соседнюю куклу. Чучело!

— Надули! — заорал взбешенный капитан Фортиндом. — Только двое настоящих, остальные все чучела! Кровь и кости! Бей их, ребята! Пленных не берем! — Вздывая пыль, разъяренный Фортиндом понесся по полю в поисках новых жертв.

Берлап опустился наземь возле убитого горноста. Сначала он сидел неподвижно, глядя на убитого. Потом начал потихоньку раскачиваться, из глаз потекли слезы. Забрезжило понимание случившегося. Он всхлипнул.

— Извини. Я не хотел тебя убивать. Я мирный хранитель погребов аббатства. Пожалуйста, прости меня. Я раньше так не делал. Я не воин.

Но глаза мертвого горноста глядели в синюю высь, он не внимал мольбам своего убийцы. Топор и молот выпали из лап Берлапа. Еж медленно поднялся и побрел к воротам аббатства, поливая слезами траву и мелкие цветочки.

А в это время два абордажных крюка сухо щелкнули по восточной стене и зацепились за зубцы. Восемь песцов вскарабкались по веревочной лестнице. Первой на стену ступила Фрита. Она помогла взобраться следующим за нею, напоминая их задания:

— Роджел, Фарн, откройте дверь в стене. Помните, что надо делать?

Роджел вытащил саблю.

— Продержаться до подхода капитана Зерика. Запираемся в крепости и оставляем длинных кроликов в поле.

Окинув взглядом пустынный двор, Фрита взвизгнула от удовольствия:

— Ну, кто еще мог придумать такой блестящий план? Гляньте, это же рай земной!

Фарн вложил стрелу в лук.

— Мирное местечко. Все попрытались.

Высокий песец окинул взглядом здание аббатства.

— Ох, там и мяса внутри!..

Фрита погрозила ему саблей:

— До прибытия Зерика никакого мяса! Они нам понадобятся. Расскажут, где спрятаны сокровища. — Она лизнула лезвие сабли. — Заговорят как миленькие. Заставим. Пошли!

В спальнях верхнего этажа рэдваолльцы толпились у западных окон, наблюдая за ходом сражения.

Бруки козырьком поднесла лапу к глазам.

— Далеко. Ничего не вижу, жалость какая.

Ястреб вскочил на подоконник.

— Ха-арр! Бегут, как тар-раканы. Наши пр-реследуют. Вр-раг удир-рает, скр-рывается.

Кротоначальник возбужденно царапнул подоконник когтем.

— Хурр, трусы. Вот зададут им зайцы перцу...

Сестра Армила, поняв, что нечисть побеждена, обратила внимание на малышей:

— Мимзи, ну-ка вон с подоконника. Свалиться хочешь? Терген, не опирайся на больное крыло. Мадж, не высовывайся.

Аббат придержал Маджа, но кротеныш вцепился в подоконник всеми когтями.

— Хурр, сэrr батюшка аббат, пусти, там лисички беленькие, интересно ведь.

Крепко обхватив Маджа, аббат перегнулся через подоконник.

— Ах ты, маленький врунишка, где ты лисичек увидишь-д... — Он сам увидел Фриту и ее команду, осматривающих фасад аббатства.

Монотон быстро спрятался.

— Терген, слезь с подоконника. Джем, Уолт, закрой-те ставни! Тихо все! Молчок!

Сестра Скрива удивленно уставилась в искаженное ужасом лицо аббата.

— В чем дело?

Отец Монотон ткнул лапой в окно. Голос его дрожал.

— Белые лисы в аббатстве! Как они сюда попали?

— Я их не приглашала, ха-ха-ха!

— Бруки, не до смеха!

— Извините, — робко пискнула Бруки.

— Что делать будем? — спросил брат Гордил.

Аббат присел на кровать. Он выглядел усталым и постаревшим.

— Э-э... дайте подумать.

Молодая выдра схватила два багра, один сунула Армиле.

— Пошли вниз, Армила. Остальные — ищите, чем вооружиться. Все, похожее на оружие. И спускайтесь за нами.

Фрита стукнула в дверь рукоятью сабли. Высокий песец припал к дверной щели и закричал:

— Открывайте, мы вас увидели. Откройте, не то хуже будет!

В ответ — тишина.

Фрита повернулась к двум другим песцам:

— Залезьте-ка к окнам да загляните в них. Вон в то большое цветное окошко.

Один песец влез на плечи другого и дотянулся до выступа. Подтянувшись, он вскарабкался к окну.

Армила и Бруки пересекали Большой зал, когда за витражным стеклом послышались скрип и шорох. Сквозь янтарно-желтое стекло на них уставилась морда песца. Бруки опустила лапу с багром и шепнула подруге:

— На меня не смотри, иди и спроси, что ему надо.
Иди!

Армила подошла к окну и послушно спросила:

— Чего тебе надо?

Она повторила вопрос громче. Белый лис закивал, потом указал на свой рот и на Армилу. Она улыбнулась и озвучила ответ:

— Ты хочешь меня съесть?

Улыбаясь во всю пасть, песец снова закивал. Бруки, пригнувшись как можно ниже, подбежала к окну и вскочила на скамью. Лис все еще кивал и ухмылялся, когда выдра выпрямилась и, размахнувшись, сквозь звонко звякнувшее и рассыпавшееся стекло всадила багор в широко разинутую пасть.

— На, жри!

Морда исчезла.

Фрита подхватила упавшего.

— Что случилось? Кто тебя так? Говори, идиот!

Говорить раненый не мог. Рот пузырился кровавой пеной, из него раздавалось лишь неясное сипение. Кровь из его пасти брызнула в морду Фриты. Она отпихнула бесполезную голову и повернулась ко второму песцу:

— Почему ты с ним не влез, дубина?

— Да там и места для двоих нету, — запротестовал тот. — Я его держал, пока он не свали — Ыхх!

Фрита уклонилась, и два багра ударили в ее собеседника, свалив его на месте.

— Сделайте что-нибудь! Стреляйте в окна! — крикнула она.

— Еулалиа-а-а-а-а!

Песцы обернулись и увидели, как выскочивший из сторожки командир Крамшо несется на них, вооружен-

ный лишь тросточкой. Трое песцов вскинули луки. Одна стрела пронеслась мимо, две попали в грудь атакующего. Но он, казалось, не заметил новых ран. Взмахнув стеком, как саблей, он зарычал:

— Кр-ровь и уксус! Еулалиа-а-а-а!

От удара командира Фрита шмякнулась спиной о стену аббатства. Она с размаху опустила саблю на голову зайца, но и это на него не подействовало. Крамшо схватил саблю. Из взрезанных лап хлынула кровь, но последним отчаянным усилием, не обращая внимания на боль, командир повернул клинок, приставил его к горлу лисицы и навалился на него всем весом. Они упали вместе, сцепившись мертвой хваткой. На физиономии Фриты застыло изумление, горло булькнуло.

Командир подтянулся к уху лисицы и выдохнул последние слова:

— Вперед, ребята... во... Еулали...

Верь аббатства распахнулась. Наружу вывалила толпа рэдволльцев, вооруженных баграми, палками, кухонными ножами, садовыми ножницами, вилами. Песцы бросились наутек. Мыши, кроты, белки и ежи выглядели вовсе не мирными зверьками, и было их несчетное множество.

— Рэдво-о-о-олллл!

Аббат с толпой ребятишек понесся к колокольне. *Бумм! Бомм! Банг!* Оба колокола аббатства ударили враз, нескладно, но во всю мощь. Понеслась весть над равниной. Армила и Бруки бежали к главным воротам. Отворив их, они

разделились: Бруки выбежала на тропу, размахивая привязанной к шесту простыней, а Армила осталась на страже в воротах.

* * *

Разделившийся на две части отряд зайцев преследовал обе группы противника. Капитан Фортиндом услышал удары колоколов, находясь почти на тропе, севернее аббатства. И тут же заметил Бруки, размахивающую белым флагом. Возглавляющий южный отряд сержант Таран тоже обратил внимание на сигнал тревоги. Оба командира тотчас прекратили преследование и поспешили к главным воротам. С первых слов стало все понятно, и зайцы хлынули во двор аббатства. Фортиндом и Таран почти сразу же столкнулись с сестрой Скривой и Кротона начальником, возвращавшимися от пруда.

Не пряча саблю в ножны, капитан деловито осведомился, сколько нечисти в аббатстве.

— Хурр, сэrr, — наморщил нос крот. — Нет у нас больше нечисти. Как раз последнего утопили, прости Сезоны душу грешную. Большой был лис, белый.

Сестра Скрива взмахнула садовыми граблями.

— Но плавать не умел. Гадость какая. Надо будет его из пруда вытащить.

Сержант поклонился мыши-архивариусу:

— Мэм, прошу вас осторожнее с граблями, во. Мы ведь не противник.

Скрива положила грабли на плечо, как алебарду.

— Смотрите, молодой Берлап. Что-то с ним стряслось. Пойду, может, смогу помочь. Браффи, скажите отцу Монотону и этим сорванцам, чтобы перестали с колоколами баловаться. Уже в ушах гудит от их звона.

Сестра Скрива повернулась к восточной стене, и Фортиндом нырнул, уклоняясь от ее граблей.

— Джем Туда-Сюда сказал, что лисы пробрались через дверцу. Чуть какая! Они влезли на стену по веревочной лестнице.

Офицеры направились к восточной стене.

Джем и Уолт охраняли восточную дверцу. Джем указал на труп песка, валявшийся в кустах.

— Их двое здесь было. Один удрать успел, а этого мы с Уолтом успокоили. Оба белых стояли здесь, никуда не бежали, как будто дверь караулили. С чего бы это?

Капитану и сержанту сразу стало понятно, «с чего». Они переглянулись.

— Во, вот с чего они вдруг припустили наутек, — возмущенно дернул ухом Фортиндом.

— Хитро придумали! — признал сержант. — Влезли бы это они в аббатство и заперли нас снаружи, во.

Фортиндом сразу принялся снимать засовы.

— Повезло нам, сержант, во. Давайте воспользуемся везением. Собирайте наш народ, сидите под крышей тихо, не высывайтесь. Другие ворота на засовы и под охрану. Ребят прячем в кустах, я здесь рядом затаюсь... Уж мы их встретив!

К востоку от Рэдволла в лесу встретились оба поредевших отряда капитана Зерика. Зерик все же не сомневался в удачном исходе задуманной операции. Направляясь к аббатству, он заметил Роджела, который вел себя странно, как будто стараясь затеряться в толпе.

— Роджел, ты вроде должен находиться в аббатстве.

— Я был там, капитан. Пришлось спасаться.

— То есть как?

— Мы туда пробрались. Фрита поставила меня с Фарном охранять дверь до вашего подхода. Остальные ушли внутрь. Вдруг забухали колокола, набежала толпа с метлами и поварешками, начали нас дубасить... Они б меня точно убили!

— А где Фрита и остальные?

— Откуда мне знать, капитан.

Зерик развел лапами и повернулся к остальным.

— Ни одного зайца. И этот герой сделал лапы оттуда. Ты что, боялся, что тебя подметут? — заорал капитан на перепугавшегося Роджела.

По толпе песцов и горностаев прогулялся сдавленный смешок. Зерик схватил Роджела за ухо, как нашкодившего малыша, и пригнул его чуть не до земли.

— Мы сейчас пойдем к этой двери, которую ты так bravо охранял, и если она открыта, покажем тебе, что надо делать с поварешками. Если же она окажется запертой, я тебе покажу, как снять с труса шкуру и поджарить его живьем. Марш!

Сержант с заячьим войском скрючился за рододендронами, отделявшими огород брата Демпла от лужаек. Вдруг кто-то всхлипнул. Сержант недовольно оглянулся.

— Что за безобразие?! Прекратить немедленно!

Зайчиха Фликка всхлипнула:

— Извините, с... сэр, н... не могу...

Сержант возвел взгляд к небесам.

— Я не прошу, а приказываю, во. Картвил, дайте плаксе платок.

Молодой заяц протянул Фликке платок. Она уткнулась в платок и зарыдала еще сильнее. Сержант подполз к ней и нежно потрепал за уши.

— Ну, красавица... Ресницы слипнутся. Что случилось?

Фликка вытерла глаза, изо всех сил пытаясь сдержаться.

— Командир... Он лежит там, под большим окном. Они убили его!

Сержант сжал плечи зайчихи.

— К... Крамшо? Командир? Убит?

Фликка кивнула, из глаз снова брызнули горячие слезы.

— Две стрелы в груди, голова... И лисица рядом, он ее тоже убил, сэр. И сам... погиб... один, без нас, во...

Таран оглядел окаменевших зайцев, смаргивая слезы. Потом выдавил из себя улыбку:

— Бодрей, ребята! Никогда я и не думал, что командир умрет в постели от старости и слабости, среди пилюль и сиделок. Вытрите глаза, вы, мисс, и все остальные. Командиру Крамшо не понравились бы ваши слезы.

Юная Ферробурра судорожно вздохнула, загоня печаль вглубь, нахмурилась и прищурила один глаз, как будто зажав в нем монокль.

— Э-эй, с мокрым глазом! Да-да, этот самый. Слезы льют над луком репчатым, а не в строю. Марш на кухню в распоряжение капрала Задика. Э-э... Во-во.

Это разрядило обстановку. Хотя лапы еще тянулись к глазам и кое-кто еще всхлипнул, но выглядели зайцы уже бодрее.

— Молодец, Ферра, верно понимаешь ситуацию. Сейчас перед нами важная задача: разделаться с теми, кто всем невзгодам причиной.

Керси скрипнула зубами.

— Скорей бы до них добраться.

— Разговорчики прекратили, дамы и господа! Оружие наготове, сидим тихо, ждем.

Капитан Зерик удовлетворенно хрюкнул, увидев, что дверь в восточной стене приоткрыта. Выпустив ухо Роджелла, белый лис проскользнул в аббатство и огляделся. Он махнул лапой, приглашая свое войско внутрь, и проворчал:

— Мыши с вениками! Где они, дубина?

Когда последний горностаи вошел в аббатство, капитан Фортиндом выскочил из укрытия, пнул его в спину, уложив ничком, захлопнул дверь и выхватил свою страшную саблю.

— Я вместо мышек, если не возражаете!

Зерик и его братья опешили от неожиданности. Опомниться им не дала новая неожиданность: со всех сторон на них уставились клинки и копья. Все пути к бегству отрезаны.

* * *

Кротоначальник Браффи, сестра Армила, Бруки и несколько оживший Берлап сражались, не щадя сил. При первых же звуках битвы Терген попытался выскочить наружу. Щелкая клювом и растопырив когти, ястреб скрежетал:

— Крр-акк! В стор-рону! Пр-ропустить! Пр-рочь! Нар-ружу!

Бруки накинула на птицу большой занавес и закричала:

— Держите другую сторону, он меня снесет!

Сестра Армила, Браффи и Берлап вцепились в края и ухитрились удержать занавес, под которым бушевал

неуемный ястреб. В конце концов все четверо уселись по краям занавеса.

Шум боя доносился от восточной стены. Звон оружия, боевые кличи, крики боли, стоны, хрипы, проклятия... Брат Грисом зажал уши.

— Ужасно, ужасно. Но выбора нет, что поделаешь...

Малыши Мадж и Перкл носились взад-вперед и вопили:

— Кровь и уксус! Юллаллийя-а-а-а!

Кротиха Альба поймала обоих за шиворот.

— А вот сейчас в кровати обоих!

Внезапно все стихло. Тишину нарушил нервный хохот Бруки:

— Ха-ха-ха! Как сковородой по голове: бьешь, бьешь, а когда перестанешь, приятно. Ха-ха-ха!

Стук в дверь прервал ее смех.

— Кто там? — воскликнул аббат.

— Свои, сэр, — раздался голос сержанта Тарана. — Можете открывать.

Входящих зайцев приветствовал восторженный гул, но все смолкли, увидев, с какой скорбной ношей они вернулись. На импровизированных носилках лежало тело Крамшо. В груди командира — две сломанные стрелы, страшная сабельная рана на голове, монокль болтается на шнурочке.

Капитан Фортиндом отсалютовал аббату саблей и спросил:

— Отец Монотон, где можно поставить носилки? Вечером мы похороним командира на территории аббатства, с вашего разрешения.

Аббат склонил голову над покойным. Он провел зайцев в Большой зал.

— Установим носилки перед портретом Мартина Воителя. Лучшего места не отыскать.

— Встреча двух истинных воинов, — улыбнулся сержант Таран. — Спасибо, отец Монотон. Командиру это пришлось бы по душе.

БРОДЯЧИЙ
КАМЕНЬ

КНИГА
ТРЕТЬЯ

Шагает Рэкет Рэкет Там!
Бьет барабанный бой!
Шагает Рэкет Рэкет Там!
Шагает он на бой!

Злодей из северных земель
В бой двинул злую зать.
Поклялся брата он убить
И Камень отобрать.

Любовь — не то чтобы морковь,
А сладкая награда,
Но чтоб об этом рассказать,
Живым остаться надо.

Сказать, что Дуги и Юфус ограбили лагерь неприятеля, было бы явным преуменьшением. Они его буквально перевернули вверх дном и обчистили до земли. Лихая парочка завершила буйство в стане врага, увешанная от уха до хвоста и от кончика лапы до кончика морды разнообразными украшениями, которые нечисть не успела прихватить с собой. Серьги, перстни, наладники, нахвостники, налобники, головные повязки, ожерелья, пояса, шарфы... Они с видом знатоков рассматривали друг друга, обменивались комплиментами и критическими замечаниями.

— Ой, ой, только не этот дурацкий медальон, друг!

— Почему нет? — удивился Юфус. — Он мне придает вид беспощадного, свирепого дикаря!

— Он тебе придает вид удивленной утки, у которой застряло наполовину снесенное яйцо. Согласен выменять его у тебя на этот пурпурный с золотом шарф. Ты мог бы повязать им голову. Или на плечи накинуть.

Юфус согласился и несколько раз обмотал себя вокруг пояса новоприобретенным шарфом. Он тут же начал пристраивать на поясе ножи, топорики и сабли и вскоре едва мог нагнуться за очередным оружием из кучи награбленного барахла.

Они снова ревниво оглядели друг друга. Юфус гордо ухмыльнулся:

— Была б у меня дюжина лап, я б с таким арсеналом мог напасть на целую армию. Послушай, Дуги, я бы на твоём месте повесил этот топор спереди. Сзади он может вывалиться и отхватит тебе хвост.

Дуги внял совету друга.

— Пожалуй, ты прав. А вот не хочешь ли выменять этот топор на вон тот маленький кинжальчик?

— Да, очень миленький кинжальчик, — сразу согласился Юфус. — Я обменяю его на твой большой.

Горец положил лапу на свой дирк.

— Сюда даже не смотри. Это дирк моего отца, а до него — деда. Вот пожрать у них в лагере нечего, а жаль. Я бы закусил сейчас.

— Я бы тоже закусил, но их провизия... Ф-фэ... — Юфус презрительно сморщил нос. — Всякой мерзостью питаются эти мясоеды. Надо найти что-нибудь приличное. Помогите-ка мне нести мой прекрасный барабан. Слишком он велик для одного.

— Эх разбежался, воровская морда! Это не твой барабан. Он принадлежит аббатству Рэдволл. Подарок зайцев.

Юфус вызывающе подбоченился:

— «Что с воза упало, то пропало», как говаривала моя дорогая мамочка.

— Точно, ребятки. Так что барабан теперича наш. Д-да-а.

Оба повернулись и увидели, что у них за спиной появилось еще шестеро действующих лиц: два хорька, ласка и три крысы. Бродяги-оборванцы, прикрытые какими-то лохмотьями и листьями, вооруженные дубинками и копьями с кремневыми наконечниками.

Атаман-ласка, кольнув Юфуса острием копья, ухмыльнулся:

— Д-давай, скидывай с себя б-барахло, не то хана тебе неминуемая.

Дуги подмигнул Юфусу и быстрой горской скороговоркой выпалил:

— Сыграем в дурачка с этими остолопами, может, еще и покормят.

Ничего не поняв, атаман обратился к Юфусу:

— Ч-чего он там б-болбочет?

Юфус сначала шепнул Дуги:

— Может, еще их склад обчистим. Потом он захныкал атаману: — Ой, страсти-напасти какие! Не надо обижать нас, добрый сэр. Мы мирные странники, сами мухи не обидим. Так что полегче на поворотах.

Атаман обернул отобранный у Юфуса шарф вокруг пояса.

— Га-га! Вот т-тебе и полегче стало. Вот я т-тебя и облегчил, ага!

Остальные бросились делить добычу и тотчас передрались. Атаман успокоил их парой пинков. Всю добычу он взвалил на двух крыс.

— Т-тащите, потом разберемся. И этих чудиков прихватите.

Дуги с Юфусом послушно поплелись перед крысами. Дуги иной раз едва сдерживался, бормоча Юфусу:

— Вот еще раз он меня пощекочет своей палкой, и я его так пощекочу, что больше никакая щекотка его не разбудит.

— Спокойно, спокойно, — уговаривал его Юфус. — Такая удача! Они вроде мои соседи. Кстати, сможешь познакомиться с моей очаровательной женушкой. Ай! Эй, уважаемый! Поосторожнее с этой длинной штукой! У меня уже вся спина в синяках!

Полдня шли они по лесу и равнине, затем вышли к реке и направились вдоль русла на юго-запад.

Юфус сиял:

— Ох, повезло нам! Сезоны благодатные послали эту нечисть ненаглядную, чтобы донести добычу!

— З-заткни пасть и шевели лапами! — гаркнул на Юфуса «ненаглядный» атаман.

Группа разбойников и пленников подошла к толстому вязу, у основания которого находился вход в нору. Нора оказалась просторной пещерой, стенами и потолком которой служили корни дерева. В пещере сидели два хорька и две крысы. Здесь же разместилось и семейство сонь, родители с детишками. Эта пещера была для них раньше милым, уютным домом, но нечисть лишила их обители всяких признаков уюта.

Отец семейства сразу узнал Юфуса:

— Мистер Легкая Лапа, какими судьбами?

— Шшш, вы меня впервые видите, мистер Маскар,
— забормотал Юфус.

— Так вы знакомы? — уставился на них атаман.

— Нет, сэр, что вы! Впервые встретились. Спросите хозяйку, уж она-то не соврет.

Жена мистера Маскара, Люпиния, помешивала какое-то варево в котле. Видно было, что она соображает быстрее, чем глава семьи.

— Нет-нет, еще не имела удовольствия. Будем знакомы. Меня зовут Люпиния Маскар, это мой муж Маскар Маскар, а это наши детишки: Пипат, Гретти, Вортл, Беррин, Бапик. Поздоровайтесь с джентльменом, которого вы никогда не видели, детки.

Детки радостно воскликнули в один голос:

— Привет, Юфус!

Люпиния вытащила из духовки хлеб и лепешки. Дуги зашевелил носом:

— Вы прекрасно готовите, мадам!

— Да не про твой хвост, — ухмыльнулась крыса и ткнула Дуги копьём.

— Ну, с меня хватит, — сообщил Дуги Юфусу. Тот сразу же повернулся к Люпинии и Маскару. — Не хотите ли прогуляться с малютками перед сном?

Как это часто бывает с отцами семейства у сонь, мистер Маскар соображал туговато. Он замигал и почесал брюхо.

— Да уж поздновато вроде....

Но жена его уже собирала детей.

— Верно! Непременно следует подышать свежим воздухом перед сном. Гулять, детки, гулять!

Детки с удовольствием понеслись к выходу и высыпали наружу. Муж тоже последовал за семьей, получив ускоряющий тычок от супруги.

- А жратва-то как же? — удивился атаман.
- Не беспокойтесь, сэр, мы вас сейчас обслужим, — заверил Юфус.
- О, еще как обслужим, — оскалил зубы Дуги в опасной ухмылке.
- Чё он п-пробулькал?
- Он говорит, что ему очень приятно вам услужить. Эта трапеза станет самым ярким событием вашей жизни. Присаживайтесь, пожалуйста.

Люпиния и Маскар сидели на берегу, наблюдая за детьми. Дети принялись пускать по течению кораблики из щепок с парусами из листиков. Мистер Маскар недовольно хмурился:

— Дальше некуда! Мало нам этой нечисти, так еще и сосед на ночь глядя из дому выставляет. Эти там сейчас всю еду сметут, а мы с детьми лапу сосать будем.

— Не беспокойся, дорогой, — утешала его жена. — Все образуеться.

Беседу прервал донесшийся из пещеры грохот. Испуганный мистер Маскар вскочил. Из двери его жилища вылетела крыса и рухнула у ног хозяина. Маскар отпрянул и вздрогнул от дикого вопля:

— Хэвэй бро-о-о-о-о-о! Я вам не соня, я Дикий Дуги по прозвищу Толстяк. Хэвэ-э-эй!

— А-а-а-а-а! Пусти! Путь...

— Копьем его...

— Я тебе покажу, как обижать моих соседей! — это уже Юфус.

— Д-дай этому чудику! Хр-р-р...

— Все, оттыкался своей палкой, чучело нечистое! Попробуй моей стали!

Из двери, скрючившись и держась за живот, вышел хорек. Сделал шаг, другой... рухнул и замер.

Маскар Маскар изумленно взирал на дверь:

— Это сосед и белка. Но как...

— Дети, играйте чуть повыше по реке! — скомандовала миссис Маскар. — Но далеко не убегать! — Она повернулась к мужу. — Дорогой, наш сосед и его друг — воины. Они знают, как это делается.

Мистер Маскар нагнулся и вынул из лап мертвой крысы дубинку.

Присмотри за детьми, Люпиния. А я на подмогу.

* * *

Когда все стихло, миссис Маскар привела детей домой. Юфус вежливо поклонился соседке:

— Заводите детей внутрь, мадам.

— Обед спасен, мэ, — доложил Дуги. — Заходите. Детишки наверняка проголодались.

Люпиния поклонилась избавителям:

— Спасибо вам, добрые звери. Не откажитесь разделить с нами ужин.

Юфус подтолкнул Маскара и Дуги.

— Ну что же, не откажемся. Где-то я видел у вас манджолину. Давненько не брал в лапы. Заодно и по-поем.

Гонь в очаге догорал, дети давно заснули. Люпиния Маскар схватилась было за метлу, но вздохнула и снова поставила ее в угол.

— Утро вечера мудренее. Завтра примусь за уборку. Спасибо вам за эту мирную ночь. Никакой нечисти, никто не хранит, не дерется и не ругается. Не знаю, как вас отблагодарить. Если мы что-то можем для вас сделать...

— Может быть, вы знаете дорогу к аббатству Рэдволл? — спросил Дути, завернувшийся в плед у очага.

— Два дня вниз по течению, — отозвался мистер Маскар. — На берегу в заводи спрятан плот нашей шайки. Вы можете его взять и спокойно плыть до самой быстрины. Оттуда на запад в лес. К Рэдволлу и выйдете.

Юфус устроился поудобнее в большом мягком кресле.

— Плот... великолепно. Плоты — моя слабость.

Дуги уже собирался заснуть, как вдруг вспомнил еще об одном:

— Кстати, Юфус, где большой барабан? Я чуть было о нем не забыл.

Из кресла послышался сладкий зевок.

— А, эта неуклюжая штуковина! Крысы оставили его на берегу, потому что он слишком велик. Никуда он не денется до утра. Спи, Дуги, спи.

И все заснули в тепле и домашнем уюте пещеры под корнями старого вяза.

Перед рассветом Дуги проснулся. Его дергал за плед один из детенышей семейства Маскар:

— Сэр, проснитесь, ваш друг пропал! Кто-то его ночью украл!

Горец уселся, протирая глаза.

— Пропал? Юфус? Куда же он делся?

На этот вопрос ему ответить никто не мог, поэтому Дуги вскочил и понесся к двери. Он тут же вернулся и принялся навешивать на себя весь арсенал.

Люпиния Маскар уже оживляла очаг, собираясь готовить завтрак.

— Что случилось, мистер Дуги?

— Мой компаньон испарился, мэм. И вместе с ним пропал барабан. И мой дирк.

Люпиния разбудила мужа:

— Дорогой, нужно найти друга мистера Дуги.

Маскар заморгал и уселся.

— Найти Юфуса? Сейчас, сейчас... Отыщем, конечно. Далеко он не ушел.

Но оптимизм Маскара не оправдался. Обнаружилось, что плот исчез из зарослей камыша в тихой заводии.

— Возможно, он направился домой, — предположил мистер Маскар.

— Вы знаете, где он живет?

Маскар указал вверх по течению.

— Там его дом. Бывал я там, знаю.

Дуги сжал лапу сони.

— Проводите меня. Мне нужно перекинуться парой словечек с этим наглым воришкой.

— Воришкой! — ужаснулся мистер Маскар. — Вы хотите сказать, что мистер Легкая Лапа... э-э... воришка?

— Да, да, вор, воришка, ворище, ворюга, жулик, грабитель, вымогатель... и крепко на лапу нечист. Все тырит, что видит. Отвернешься — он глаза твои сопрет в два счета.

Маскар Маскар ужаснулся:

— Сезоны милостивые, кто бы мог подумать! Такой милый, общительный зверь...

— Маскировка! — Дуги не смог сдержать улыбку. — Никогда не знаешь, что скрывает внешность.

С берега они свернули на запад. Как только вышли к озеру, сразу увидели Юфуса, увлеченно полирующего бока большого барабана. Время от времени он посту-

кивал по барабану колотушкой, которую держал своим коротким и толстым хвостом.

Появилась его жена Диджети.

— Прекрати наконец тарабанить, ради неба и земли! Ты меня с ума сведешь! Чисто ребенок с новой игрушкой...

Юфус дернул хвостом: *бум-бум!*

— Ты ничего не понимаешь в музыке, сахарная моя! — упрекнул он жену. — Вслушайся! — И он снова бухнул по барабану колотушкой. Увидев посетителей, Юфус не выказал ни радости, ни смущения. — Я так и знал, что мой добрый Дуги скоро появится. Понятно, что друг Маскара знает, где я живу. Вот послушайте, звук героев и воинов, правда?

Диджети поклонилась Маскару и ткнула в бок мужа:

— Кто этот серьезный кустохвост, твой друг?

Юфус выдал своей колотушкой тревожную дробь.

— Да, пышка моя сдобная, друг на все времена, друг верный и преданный. Ты пока пригласи мистера Маскара к нам да чайку согрей, а мы тут с мистером Дуги поговорим... Тра-та-там, та-ра-рим... У нас, видишь ли, дела... Тра-ля-ля, тра-ла-ла... Мы сию минуту... Ту-ту-ту, тру-ту-ту...

Когда они остались вдвоем, Дуги проскрежетал с опасным оскалом:

— Где мой дирк?

Юфус наивно улыбнулся:

— Дирк? Такой смешной длинный ножик? Друг, ты сам его куда-нибудь сунул, наверное...

Горец поморщился:

— Не смей называть меня другом, мошенник! — Сверкнул палаш, острое уткнулось в горло сжавшейся

полевки. — Слушай меня, жулик. Считаю до трех. Если при счете «три» мой дирк не вернется, не пить тебе чаю. Раз... Два...

Юфус судорожно глотнул.

— Постой-постой, я не успеваю! Дирк, дирк... вспомнил! Кто-то повесил его за этой дверью, там он и висит на гвоздике, тебя поджидает.

Дуги палашом направил вора к двери.

— Не ошибись, Юфус, не то твоя маленькая миленькая женушка мгновенно превратится в маленькую миленькую вдовушку. Входи.

Горец снял свой кинжал с крюка, и в этот момент раздался голос Диджети, как раз поставившей на стол поднос с пирожками и какими-то длинными толстыми катышами:

— Мистер Дуги, прошу за стол. Кусочек да глоточек с дороги. Пирожки с ревенем и вишней. Очень рекомендую мои колбаски.

— А... что такое колбаски, мэм? — озадачился Дуги. Диджети улыбнулась и охотно объяснила:

— Мое изобретение, сэр. Смешиваю молотый ячмень, овес, морковочку да грибочки. Все мелко-меленько. Заворачиваю смесь в луковую кожицу и запекаю в духовке на слабом огне. Вечером ставлю, утром снимаю. Всем очень нравится. О, не садитесь туда, мистер Дуги! Ему не нравится, когда на него садятся. Это наш Булька, Булыганчик. Такой милашка!

Дуги уставился на то, что он принял за небольшую каменную табуретку. Поверхность этой «табуретки» была разукрашена загадочным геометрическим мотивом. Юфус слегка постучал по «сиденью», и Дуги не поверил глазам. Из камня медленно высунулась голова. Похожая на змеиную, она отличалась спокойным,

сонно-дружелюбным выражением. Рот напоминал клюв. Шея морщинистая и чешуйчатая. Существо из другого мира!

Диджети протянула странной голове кусок сосиски:

— Иди к мамочке, радость моя! Вот твоя любимая колбаска!

Глаза Дуги раскрылись еще шире, когда из камня высунулись еще и четыре чешуйчатых ноги. Открыв рот с розовым язычком, Булыганчик поковылял к возжеленному лакомству.

— Что это за зверь каменный, во имя гор и грома? Откуда он у вас?

Диджети принялась кормить своего питомца.

— Юфус подарил мне его, чтобы не было так скучно, когда он где-то бродит по своим странным делам.

Дуги, не раздумывая, схватил великого вора за усы:

— Быстро отвечай, где ты его спер! И только правду!

Усы натянулись, Юфусу пришлось приподняться. Он застыл в неловкой позе.

— Вой-ой-ой! Отпусти, хулиган, бандит, убийца! Я его не крал, клянусь честью вора, не крал. Отстань!

Дуги разжал лапу, и Юфус поведал историю своей находки:

— История странная, но ты все поймешь, когда услышишь. Сидел я однажды на берегу озера, рыбку удил. Под старым кленом сидел, спиной к нему привалился. Мысли умные в голову лезли... И вдруг земля рядышком зашевелилась. Хо-хо, подумал я, наверное, крот заблудился. Ан нет, не крот там прятался. Вот этот друг появился вдруг. Кувырк — свалился на спину.

Лежит, лапами шевелит, шею тянет, обратно ему никак не кувыркнуться. Ну, помог я ему. Так он за мной и увязался. Своим ходом направился, вовсе я его не воровал! Диджети обрадовалась, назвала его Булыганчиком. Сокращенно — Булька. Так он с нами и живет. Ты ведь Булыганчик, дружок?

Странный зверь моргнул и кивнул. Диджети погладила его по чешуйчатой шее:

— Конечно, он не жук, не краб или тритон домашний, но я с ним не расстанусь ни за какие колбаски.

Дуги все понял:

— Он, разумеется, не жук и не жаба. Это Бродячий Камень, за которым охотится Гуло.

Услышав имя росوماхи, Булька втянул голову в свой панцирь.

Диджети нахмурилась:

— Мне до этого Гуло, как до прошлогоднего желудка. Я не отдам ему Булыганчика.

— Нет, мэм, не отдадите. Потому что Булыганчик направится со мной в аббатство Рэдволл.

Юфус встал, положив лапу на рукоять кинжала.

— Только через мой труп!

Дирк Дуги мгновенно оказался у носа Юфуса.

— Это условие легко выполнить.

Мистер Маскар, тихо наслаждавшийся колбасками, решил вмешаться:

— Но если вы так поступите, мистер Дуги, то окажетесь таким же вором, как и мистер Юфус.

Дуги воткнул в рот Маскару следующую сосиску.

— Вы лучше не вмешивайтесь, сэр. Дело это чрезвычайной важности. Булыганчик и барабан направляются в Рэдволл, и точка. Но прежде всего мы наве-

даемся к норке, в которой спрятаны палаш Мак-Берла и знамя этих королевских дураков.

— Надо же, ничего не упустил! — Юфус оттолкнул дирк от носа. — Ладно, сдаюсь. Пошли в аббатство.

Теперь запротестовала опечаленная Диджети:

— И я останусь здесь одна-одинешенька?

— Вы ведь можете нас сопровождать, мэм, — предложил Дуги.

— А как же дом? — беспомощно огляделась аккуратная хозяйка.

— За домом мы с Люпинией присмотрим, — вызвался мистер Маскар. — Будем готовить ваши прекрасные колбаски.

Юфусу вдруг понравилась эта идея.

— А что, отправимся на плоту вниз по течению. Райский отдых. Тебе понравится Рэдволл, Диджети, увидишь. Собирайся!

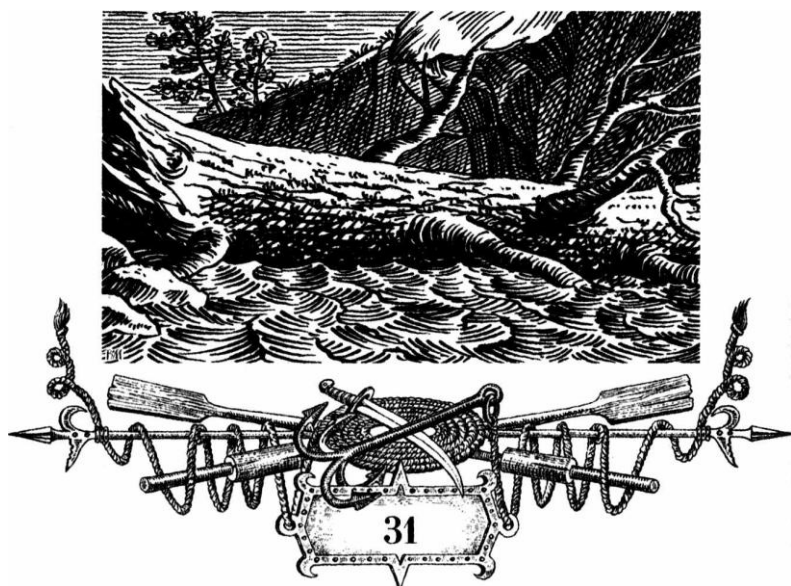
Дуги уселся к столу.

— А я тем временем заправлюсь.

Он принялся за колбаски и сразу же просиял:

— О мэм, я еще никогда такого не пробовал! Но с этого дня, будь моя на то воля, я бы только ими и питался!

Когда Гуло и двадцать девять оставшихся с ним бойцов вышли на берег, землеройки Гуосим и отряд Тама уже два часа дрейфовали вниз по течению. Гуло присел на берегу, изможденный непрерывной погоней. Он знал, что воины его тоже валялись с лап от усталости, но не допускал никаких проявлений слабости, ни своей, ни своих подданных.

Наблюдая за падающими на береговой песок песцами и горностоями, Гуло презрительно изрек:

— Х-ха, я еще младенцем загонял таких, как вы. Отдыхайте, пейте, охлаждайте лапы, и горе тому, кто завтра отстанет. Ейсей, ко мне!

Подбежал Ейсей, горноста́й-следо́пыт.

— Враг, думается мне, не без цели бродит. Куда-то направляется. Куда они могут попасть по этой воде?

Ейсей пожал плечами:

— Кто знает, господин?

Он тут же взвизгнул от боли. Когти Гуло вонзились в его ухо.

— Ты разведчик, следопыт. Шевели мозгами, или я их вышибу в реку. Куда они могут направиться?

Скривившись от боли, Ейсей принялся лихорадочно соображать.

— Если у мышей-лодочников нет где-нибудь какого-то укромного местечка, они могут идти на север, господин. Если эта вода не выходит к крепости красного камня, то они могут высадиться и пройти туда по суше.

Гуло разжал лапу.

— Так-то лучше. Крепость красного камня может укрыть моего брата и его зверей.

Ейсей точно знал, что Аскора нет среди преследуемых, но не отважился возразить Гуло.

— Возможно, господин.

Рэкеті Там стоял на корме лодки Лог-а-лога, глядя назад, против течения. Подошел Командор:

— Ничего не видно?

Там уперся взглядом в только что пройденный поворот.

— Пока нет. Но скоро они возьмут след. Однако нас вода несет, а им бить лапы да спотыкаться.

— Да, Там. Гнаться по берегу за лодками — занятие не из приятных. Можно бы нам и помедленнее, чтобы не стряхнуть их с хвоста.

Тут раздался крик Тоги с носа:

— Помеха по курсу! Дерево через реку! Тормози!

Там криво усмехнулся:

— Вот нас и замедлили. Пошли посмотрим.

Следующий за ними логоход повернул к берегу.

Гребцы лодки Тоги всю работу вели веслами, борясь с быстрым течением. Поток перегородила могучая ива, рухнувшая поперек русла. Повернувшись поперек течения, большая лодка Тоги медленно приблизилась к стволу и мягко ткнулась в него бортом.

— Попались мы крепко, — недовольно буркнул вождь. — Пойду гляну, что можно сделать.

— Лодки перетаскивать придется, шеф! — крикнула с берега какая-то молодая землеройка.

Лог-а-лог усмехнулся:

— Как же, перетащишь. Прыткий какой. Мое чудовище десять барсуков не поднимут.

Младший капрал Вилдери постучал по препятствию лапой.

— Что надо сделать, сэр?

Тоги безрадостно засмеялся:

— Если б я знал! Жду ваших предложений.

Капрал Задик вылез из-под навеса в середине логохода, где помогал поварам, и взглядом оценил препятствие.

— Ни сверху, ни снизу, во, во. Здоровенное полено!

Тоги покосился на него:

— Это все предложения?

— Предложения, сэр? — Задик стряхнул муку с лап.

— Во, как насчет рычага и опоры?

Землеройка по имени Пятирой хлопнул капрала по спине:

— Точно! Рычагом чего не сдвинешь!

Землеройки — большие любители поспорить, обсудить событие или ситуацию.

Очень скоро все войско орало и дико жестикулировало, каждый считал себя специалистом по рычагам и упавшим деревьям.

Лог-а-лог Тоги решил, что пора вмешаться, и заорал:

— Рифто, тащи свою лодку сюда, она будет осью! Бобрик, рычагом работаешь! Все свободные подкапывают корни! За работу!

Землеройки рванулись исполнять приказ, а Лог-а-лог пробормотал, повернувшись к МакБерлу:

— Видишь, как Гуосим решает вопросы — свободным демократическим обсуждением.

Командор хмыкнул:

— Такое «свободное» и «демократическое», что я уж опасался, как бы они друг другу носы не расквасили.

Землеройки суетились около упавшего дерева, а Рэкетти Там с Командором и зайцами направился по берегу навстречу Гуло. Двигались осторожно, используя деревья и кусты в качестве естественных укрытий. Заслышав пение землероек, Там возбужденно задвигал ушами.

— Ну они и орут! Далеко слышно.

— Что ж, помогают себе в работе. А Гуло и так знает, где нас искать, — с философским спокойствием заметил Командор.

Молодого Ейсея, самого зоркого и чуткого из всей стаи, Гуло отправил вперед, а сам, усталый, но не желающий думать об отдыхе, «подпирал» свое воинство сзади, готовый расправиться с любым отставшим. Отряд продвигался, хлюпая лапами по заводям, скользя и спотыкаясь на мокрых скалах, продираясь сквозь колючие кусты. Вдруг Гуло заметил спешащего к нему следопыта.

— Господин, я слышал пение! — доложил Ейсей, не переводя дыхания.

Гуло остановил отряд. Поняв его взгляд, все замерли. Захватив Ейсея, Гуло прошагал немного вперед и замер, поднеся лапу к уху.

— Пение... Не слышу пения.

Ейсей слышал, но молчал, не смея противоречить.

— Пение... — бормотал Гуло. — О чем?

— Господин, слов я не смог разобрать, но звук пения можно отличить от других звуков.

Этот ответ настроения Гуло не улучшил. Лапы вождя вытянулись вперед, он хлопнул горностаем по ушам так сильно, что тот свалился.

— Теперь у тебя в обоих ушах пение. Иди, идиот, и поторопи остальных идиотов.

Сдвинуть ствол при помощи рычага оказалось не так просто. Уже размером своим упавшая ива поражала воображение. Еще больше усложняли задачу ветви и сучья, образующие крону, и путаница торчащих во все стороны корней на противоположном конце. Одну лодку-долбленку приладили вдоль ствола в качестве опоры, другую перекинули через середину первой и подоткнули под ствол. Возле корней землеройки толпились с обеих сторон, готовые толкать и тянуть, — для

этой цели к корням привязали веревки и канаты. Предполагалось повернуть ствол с обоих концов так, чтобы его смогло унести течение реки.

Но теория плохо стыковалась с практикой. Лог-алог Тоги вертелся на середине бревна и выкрикивал приказы, выслушав которые землеройки принимались рьяно спорить, и казалось, это будет продолжаться бесконечно...

Гуло и Ейсей плелись впереди отряда. Слух Гуло уловил наконец отдаленные вопли и рычание. Он остановился и собирался открыть рот, но тут один из песцов прошептал:

— Господин, вон там враг, смотри!

Гуло спрятался за ствол вяза и увидел впереди зайца. Еще одного... Еще, еще... Зайцы, белка и выдра медленно продвигались по берегу.

Обозначив лапой полукруг, Гуло пробормотал:

— Разведка, значит... Охватить и отрезать от мышей-лодочников. За мной скрытно, если хотите свежего мяса.

Приготовив оружие, отряд растянулся дугой, следуя за своим господином.

Командор вскинул копье на плечо. Отвернувшись от берега, он обратился к Таму:

— Ни следа, друг. Здорово они отстали.

Там вложил меч в ножны.

— Возвращаемся. Поможем Гуосим.

Они повернули обратно, и в этот момент в бок Командора вонзилась стрела.

Идущий сзади капрал Задик крикнул:

— Засада! Нечисть!

Два зайца упали, сраженные стрелами и копьём. Из укрытия выскочил Гуло, увлекая за собой весь свой отряд.

— Гуло! Гуло! Бей-бей-бей!

— В воду! — приказал Там. — Плыть по течению!

В них полетели стрелы, топоры и копья. МакБерл стащил Командора в воду и оттолкнул от берега:

— Быстро к Гуосим!

Там выбрался обратно с мечом Мартина в лапе. Мимоходом сбил мечом лиса, замахнувшегося на Вилдери, и бросился вперед, отпихивая зайцев в воду и вопя все тот же приказ плыть вниз по быстрому течению. Пятеро зайцев упали, но остальных уже несла река.

Капрала Задика теснили спереди и слева. До него оставалось не больше пяти шагов, когда перед МакБерлом вырос громадный силуэт росوماхи. Свистнул меч Мартина, отхватив ухо Гуло, а МакБерл, не отнавливаясь, уже оказался возле капрала. Гуло взвыл и схватился за рану, из которой фонтаном хлестнула кровь.

У самой воды МакБерл и капрал сдерживали нечисть. Меч и рапира мелькали, как крылья ветряной мельницы в бурю. Гуло, схватившись за голову, подгонял свою нечисть:

— Бей! Бей! Сбить их!

— В воду, друг, — прорычал капрал.

— Уйдем вместе, — ответил МакБерл, сбивая очередного противника.

— Обоих убьют, — выдохнул капрал, отбивая топор. — В воду, сэр!

— Только с тобой.

Капрал покачнулся, но снова выпрямился.

— Мне не уйти. Гуло достал меня когтями, я уже покойник.

Отбивая копьё, Там скосил глаза и ужаснулся. Плечо и спина капрала разодраны, кровь окрасила воду и береговой ил.

— Прорвемся, друг! — выдохнул Там, сам себе не веря.

— Нет, друг, мне жить осталось минуту, но тебе помочь я еще смогу. А Гуло ты за меня отомстить.

Не ожидая ответа, заяц зарычал:

— Еулалиа-а-а-а! — и рванулся к врагу.

Там бросился в поток. Течение подхватило его, вода захлестнула нос и глаза. Не обращая на это внимания, Рэкети Там МакБерл клялся в этот момент исполнить завет храброго капрала.

К счастью, Там не видел, как умер отважный боец. Пронзенный несколькими клинками, он сломал рапиру и швырнул ее во врага. Повторить боевой клич капрал не смог, потому что впился зубами в горло визжащего от боли горностая.

Войско Лог-а-лога осилило наконец настырную иву, но с потерями: тяжелый комель придавил нескольких не успевших отскочить бойцов. Одновременно повернуть оба конца тоже не удалось. Сначала под воздействием рычажного усилия сдвинулась крона. Потом течение развернуло ствол, но не снесло его. При повороте и погибли землеройки. Веревки ушли под воду и запутались в ветвях и корнях. Проход для логоходов был, однако, открыт. Тоги носился взад-вперед, рассыпал распоряжения, и лодки наконец подготовились к дальнейшему следованию по реке.

Прежде чем землеройки успели достать тела погибших товарищей, из воды появился Командор:

— Лапы, братцы! Надо спешить!

Вытащив Командора, землеройки увидели, что он ранен.

— Что стряслось? — спросил Лог-а-лог, прикладывая ил к ране.

— Засада, — сообщил Командор, выдувая фонтан воды. — Некогда рассказывать, не стоит терять время, Тоги, Гуло на хвосте. Вот и остальные. — Он показал на реку, несущую зайцев. Длинноухих втащили в лодки. Издали донеслись вопли преследователей.

— Вон МакБерл! — вытянул лапу Командор.

МакБерл плыл сосредоточенно, сжимая меч Мартина и стараясь все время держать голову над водой. Нечисть, старавшаяся поспеть за ним по берегу, не скупилась на стрелы, падавшие в воду с недолетом. Вот прямо перед ним возникло протянутое с лодки весло. МакБерл последним усилием вонзил в весло меч и, держась за него обеими лапами, дал втянуть себя в лодку.

Скалистые берега вздымались все выше, зажимая реку и ускоряя течение. Вскоре быстрая река переродилась в ревущий поток. Лодками никто не управлял, они неслись меж пенных всплесков, подчиняясь течению, время от времени скреблись друг о друга и о скальные выступы.

Вернувшиеся лучники застали Гуло сидящим на упавшей иве и нянчащим дырку от уха.

Ейсей указал луком вниз по реке:

— Господин, они ушли по реке. Течение быстрое, скалы высокие. Мы не смогли догнать их лодки.

Гуло спрыгнул с ивы.

— Мой брат Аскор с ними?
Ейсей на всякий случай попятился.
— Нет, господин.

Гуло горящими глазами вглядывался куда-то сквозь разведчика.

— Прячется, трус. Залег в лодку. Но я его поймаю. Ты, ты и ты... все! У нас свое судно. Гребете копиями. Живо столкнуть это дерево в воду! Мы их догоним еще до Рэдволла. Веревки срежьте!

Ейсей хотел сказать о быстринах, но не осмелился. Поговоришь тут!

И вот громадный ствол понесся по реке. Забыв о ране, Гуло встал во весь рост, возбужденный опасностью гонки по бурной воде. Глаза светились бешеным блеском. Пнув ближайшего горностоя, Гуло гаркнул:

— Гребите! Живее! Живое! Живое! Живое!

Юфус сплел поводок для Бродячего Камня — Булыганчика. Яркая бело-сине-красная веревка заканчивалась мягким ошейником, подогнанным по шее Бульки. Диджети степенно прогуливалась со своим любимцем по плоту. Дуги сидел на руле и наблюдал за плавными движениями парочки.

— Он, должно быть, никогда и никуда не торопится. И вряд ли вообще в состоянии торопиться.

Юфус погладил животное по голове:

— Да, он у нас все делает медленно, степенно. И жует тоже. Смотри, вон рукав,

в котором я спрятал меч и флаг. Слева. Дай-ка руль.

Дуги уступил руль Юфусу и уселся на барабан.

— А ты уверен? Ты нас уже в два тупика загнал.

— Уверен, уверен. Я знаю эти леса как личико моей дорогой женушки.

Дуги поднялся и остановился между Юфусом и Диджети.

— А вот скажи-ка ты мне, друг, какого цвета глаза у твоей жены?

Юфус вдруг утратил уверенность.

— Э-э... голуб... то есть зеленые... ну, в общем, серые. Голубовато-зеленовато-серые, да, точно.

— Ах ты негодник! — возмутилась Диджети. — Глаза у меня карие с ореховыми крапинками, вот!

Юфус спрятал поводок в рукав, хихикнув:

— Конечно, сливка сахарная, разумеется. Я настолько забываюсь, глядя в твои очаровательные глаза, что забываю запомнить, какого они цвета.

Диджети подбоченилась:

— Я вот сделаю обед для нас с мистером Дуги, а про тебя забуду. Я тоже забывчивая.

Рукав реки оказался намного уже главного потока. Над водой сплелись ветви деревьев, растущих на противоположных берегах, по поверхности расстился зеленый ковер водорослей.

Дуги подошел к Булыганчику:

— Ох, опять он завел нас не туда. Как ты думаешь, друг?

Булыганчик закрыл глаза и спрятал голову.

— Вот и я говорю, — согласился Дуги, привязал Булькин поводок к барабану и пошел под навес, где Диджети готовила ужин и куда уже пробрался Юфус.

Надежды Дуги оправдались. Диджети захватила в путь запас колбасок. Она завернула их в тесто и поджарила на медленном огне. Костерок Юфус развел на плоских камнях, уложенных в середине плота.

— Закатанные рулетики, Дуги. Прелесть! Никто не готовит лучше моей женульки. Сумеешь закатить рулетики, Дуги?

Дуги откусил и сосредоточенно принялся жевать, не отвечая на глупый, по его мнению, вопрос.

— Очень просто, — не унимался Юфус. — Спусти его с горки, вот он и скатится, куда-нибудь закатится.

Дуги не нашел в этой шутке ничего смешного, но мистер и миссис Легкая Лапа покатались со смеху:

— Ха-ха-ха... Хи-хи-хи-хи-хи...

Дуги впился зубами в следующий рулетики. Когда смех супругов утих, горец уставился на Юфуса и серьезно пообещал:

— Если ты нас в этих протоках запутаешь, я не буду скатывать тебя с горки, а швырну с обрыва.

Диджети подвинула к Дуги тарелку с рулетиками:

— Не волнуйтесь, мистер Дуги. Юфус сделает все как следует. Давайте я лучше песенку спою. Может быть, это вас развеселит.

Дуги вежливо улыбнулся и даже умоляюще сложил лапы:

— Очень интересно, мэм, но шутки и песенки не помогут найти флаг и палаш, которые похитил ваш муж. И не приблизят к аббатству.

С видом уверенным и бодрым Юфус продвигал плот, отталкиваясь от дна шестом.

— И вечно он всем недоволен! Уж мне ли леса не знать! Прекрасно помню дорогу.

Но день клонился к вечеру, а обстановка лишь ухудшалась. Ветки склонялись к самой воде, а мутную жижу пронизывало все больше водорослей. Настроение Дуги тоже не улучшалось. То и дело приходилось прорубать дорогу сквозь заросли.

Диджети отмахивалась передником от назойливых мошек:

— Прочь, мелочь противная! Так и норовят меня съесть. Юфус, ты уверен, что не ошибся?

Мистер Легкая Лапа смахнул с лапы здоровенную волосатую гусеницу.

— Э-э... Вроде бы уверен, дорогая.

Дуги выплюнул мошку.

— Вроде бы? Ах ты жирнохвостый вун! Я тебя сейчас обмакну в этот кристально чистый компот!

Юфус попытался улыбнуться, но улыбка у него не получилась.

Даже Булыганчик с отвращением спрятал голову.

Плот еле-еле плыл по течению, но вдруг резко остановился, упершись в здоровенный, гнилой насквозь ствол бука. За деревом сочился еле заметный ручеек. Дуги ткнул шест в воду. Под шестом забулькало, Дуги сморщил нос от вони протухшего болота.

Диджети заплакала, прижимая к глазам передничек:

— О Юфус, как ты мог...

Дуги решительно схватил барабан и выволок его на берег. На барабан посадил черепаху.

— Утрите слезы, мэ, и перебирайтесь на берег. Я попытаюсь найти путь без помощи этого вруна, которого вы называете мужем.

Он сгрузил на берег Диджети, не забыл и запас продовольствия.

— А ты двигай дальше на плоту. Мне твое постоянное вранье надоело.

Стемнело. Перед маленьким костром сидели Дуги, Диджети и Булыганчик. Потрескивал огонь, доедались колбаски, убавлялась сливянка во фляге. Диджети исподлобья посмотрела на Дуги:

— Что-то там Юфус поделывает, мистер Дуги? Надеюсь, с ним ничего не случилось.

Дуги отломил кусок колбаски и сунул его Бульке.

— Я бы на вашем месте о нем не беспокоился. Ваш драгоценный супруг прячется вон там, в кустах, подсматривает да подслушивает по своей воровской привычке. Ничего с ним не сделается, и ничему он, боюсь, не научится.

Из-за деревьев донесся печальный голос Юфуса:

— Одинокая смерть в густом лесу, и все из-за малюсенькой ошибки. А кто-то сидит у живого огня, набивает брюхо и забывает ближнего, которого заедает мошкарка и мучает голод.

Диджети даже прослезилась и всхлипнула. Из глаза черепахи тоже выкатилась крохотная слезинка.

Дуги вздохнул:

— Ладно, мэ, зовите этого жулика сюда.

Диджети еще не успела открыть рта, а Юфус уже оказался у костра. На физиономии его играла веселая улыбка.

— Прекраснейшего вечера, ребята! Диджети, дорогая, сосисочку сюда, умираю от недоедания. Дуги, друг, как дела?

Прежде чем ответить, горец передал Юфусу кружку.

— Дела — как сажа бела, воровская морда. Слушай меня внимательно. С этого момента твоя забота — слушаться. Если я захочу потеряться в лесу, то потеряюсь и без твоей помощи. А ты кати за мной этот барабан и помалкивай.

Юфус закивал и несколько раз отдал честь, изображая боевого зайца.

— Слушаюсь, сэр, во, во. Приказ есть приказ. Так, Диджети, роза сердца моего?

Диджети раздраженно впихнула ему в рот колбаску:

— Тебе ведь велели помалкивать! Будешь болтать, не получишь ни кусочка. Вот так!

Юфус погладил голову черепахи и отщипнул ей кусочек колбаски.

— Хотя ты ко мне не придираешься, дружок. Давайте я вам песенку спою про бедного мыша и его сварливую жену.

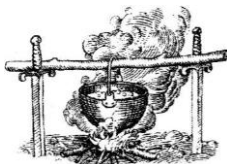
Дуги положил лапу на пояс вплотную к оружию.

— Еще чего. Доедай, и спать.

Юфус вздохнул:

— Приказ есть приказ.

Половинка луны сверкала в небе, как обломок серебряной монеты. Вокруг костра улеглась на покой крохотная группа путешественников. Дуги лежал, завернувшись в плед, и гадал, суждено ли ему вновь увидеть друга Тама и войти в гостеприимно распахнутые ворота аббатства Рэдволл.

Дека неслась с такой скоростью, что весла землеройки использовали, лишь чтобы отталкиваться от скал и придерживать середины потока. МакБерл сидел на корме большого логохода Тоги, держась обеими лапами за борт. Он с интересом рассматривал берега. Справа меловые скалы возвышались сплошным массивом, слева торчали разломами, поросшими деревьями и диким виноградом. Русло постепенно сужалось, течение ускорялось, рев воды заставлял кричать, чтобы собеседник смог разобрать слова. Над рекой клубилась дымка из мелких брызг.

Лог-а-лог Тоги сидел рядом с Тамом, прищурившись от водяной дымки. Одной лапой он управлял рулем, другой подавал знаки следующим за ним лодкам. Лодка Тоги шла первой.

Там оглянулся и крикнул Тоги:

— Ни следа нечисти!

Тоги махнул лапой в сторону левого берега.

— Они по берегу идут!

Командор выдр находился на корме последнего логхода. Он стоял на задних лапах, для устойчивости опираясь на свой мощный хвост. Уловив сзади движение, он закричал во весь голос:

— Погоня по воде!

МакБерл и Лог-а-лог обернулись и взгляделись. Река напоминала длинную дорогу. В отдалении можно было различить ствол ивы, несущийся по волнам. Гуло возвышался над своей командой, подбадривая гребцов криком и пинками. Расстояние между громадным деревом и лодками стремительно сокращалось. Тама охватила тревога, а Лог-а-лог подозвал еще одного ветерана. Они вместе посмотрели назад, потом о чем-то посоветовались, улыбаясь и кивая.

МакБерл удивленно спросил вождя:

— Над чем смеемся, друг?

Тоги указал вперед. За скалами близился поворот.

— Увидишь!

Он замахал лапами другим лодкам, указывая на левый поворот. Остальные подтвердили, что сигнал понят. На всех лодках гребцы опустили весла в воду и начали грести, помогая течению. Лодки ускорили ход.

Младший капрал Вилдери сидел на носу одной из больших передних лодок. Войдя в азарт от бешеной гонки, он вскочил и завопил:

— Еулалиа-а-а-а! Давай, братцы, давай!

Суровый ветеран-землеройка умирил его восторг:

— Не высовывайся, парень. Я должен видеть, что сигналист шеф.

Завидев Гуло, зайцы схватились за оружие, но, заметив, что лодки ускорили ход, успокоились. Длинные уши их трепал ветер быстрого движения. Землеройки на носках лодок принялись готовить веревки с привязанными к ним якорями-кошками. На своем импровизированном судне Гуло погонял зверье длинным ивовым прутом.

Перекрывая грохот воды, Лог-а-лог крикнул Таму:

— Хватайся за руль с другой стороны! По моей команде толкай изо всех сил. Понял?

— Есть, по команде изо всех сил! — повторил приказ Там и приготовился к повороту.

— Давай! — скомандовал вождь землероек.

Там уперся всеми лапами, напрягся, налег на руль. Вода каскадом падала в лодки, землеройки изо всех сил орудовали кошками, веслами...

За поворотом под раскидистыми ивами спрятался незаметный приток реки. Там почувствовал, как задрожала лодка от напора воды. Резкий толчок едва не сшиб его на дно логохода. Выброшенные землеройками кошки вонзились в древесные стволы, команда лихо радочно выбирала веревки, подтягивая лодки к берегу притока. Через мгновение все лодки покачивались в спокойной воде у зеленого берега.

— Мы из тебя заправскую землеройку сделаем, — пообещал Тоги МакБерлу. — Маскируемся, лодки скрыть, носов не высовывать!

Один из зайцев уважительно обратился к Триройке:

— Лихо справились, во. И часто вы такое выделываете?

Триройка посмотрела на него расширенными глазами:

— Никогда. Я сама боялась, что нас бурунами в крупу смелет.

У зайца от ужаса замерли уши и хвост.

— Дак... Предупредить надо было, что вам впервой, во...

Землеройки захохотали:

— А какая разница?

— Зачем маскировка? — спросил у Тоги Командор.
— Какая разница, заметят они нас или нет?

Лог-а-лог поскреб бороду:

— Привычка, тренировка, положено так. Бережного Сезоны берегут. А им мы хоть языки высунем и заорем вдогонку — все равно ничего не смогут сделать. Унесет их ивушку к водопаду, а под водопадом скалы, и высота там — падай и падай. Они уже, почитай, покойники.

Гуло даже не заметил тихого притока. Он был слишком занят: жадно вглядывался вперед, орал на своих нерадивых подчиненных и хлестал их ивовым прутом.

— Живо! Наддай! Шевелись, лентяи!

Никто не пытался управлять движением громадного дерева, иву разворачивало и швыряло, бешено и бестолково работающие копытами и ветками песцы и горностаи с трудом умудрялись не свалиться в кипящую и брызжущую пеной взбесившуюся воду. В очередной раз развернувшись, ива врезалась в выступ береговой скалы. Гуло спасся, лишь сообразив выпустить

свой ивовый бич и вцепившись в ствол всеми когтями. Дерево закружилось, зверье мертвой хваткой вцепилось в иву, с ужасом ожидая очередных ударов судьбы. Небо, скалы и вода пустились в бешеную пляску.

Когда команда обреченных скрылась из виду и вопли ужаса заглохли в грохоте воды, Лог-а-лог откинулся на румпель.

— Еще шесть поворотов у них впереди. Потом обрыв. Что от них останется, в миску собрать можно будет.

Там почувствовал, что шерсть у него на затылке зашевелилась, но бодро ответил:

— Добрый конец для злых гадов.

Надежно закрепив логоходы, все выбрались на берег. Повара уже развели костер. Народ отдыхал, сушил мокрую одежду. МакБерл, Командор и Тоги молча любовались закатом. Каждый думал о своем. Наконец Лог-а-лог погладил бороду и нарушил молчание:

— Что ж, ребята, денек выдался не из самых легких, но вечер пристойный.

Там принялся править дирк обломком скалы.

— Для Гуло и его нечисти день этот еще тяжелей, а вечер... Но я не сдержал клятву, не убил его.

Командор слизнул с хвоста каплю воды.

— И благодари судьбу. Спасибо матери-природе, которая сама управилась с этим чудовищем. С ним и вдесятером не сладить. Он свирепый убийца и гнусный мясоед. Ты могучий воин, Там, но не думаю, что у тебя был бы шанс в поединке с Гуло.

Там потрогал острие кинжала.

— Теперь это уже не проверишь.

Лог-а-лог решил сменить тему:

— Теперь уже не важно, друзья. Можно подумать не о Гуло, а о Рэдволле.

Там кивнул:

— Завтра с утра тронемся в путь. Гуло отправил отряд в аббатство, неизвестно, что там сейчас творится.

Командор помрачнел:

— Хочется надеяться, что ничего с ними не случилось. Монотон, моя Бруки... Ты, должно быть, об Армиле беспокоишься...

Там удивленно глянул на Командора:

— Я всем в аббатстве добра желаю. С чего бы мне больше беспокоиться о сестре Армиле?

Вождь выдр усмехнулся:

— Так ведь... глаза-то у всех есть. Кто не видел, как вы с Армиллой переглядывались да перешептывались?

Там вдруг не нашел слов для ответа. Выручило его появление младшего капрала Вилдери.

— Дак, ребята, вы разговорами питаться будете или от чего посущественней не откажетесь? Ужин ждет, во!

Утренняя зорька загорелась в небе рано, раньше, чем хотелось многим любителям поспать. Лагерь ожил, и народ занялся завтраком.

Лог-а-лог Тоги прощался с Тамом и Командором:

— Мы займемся лодками, а вам до Рэдволла отсюда два дня. Разройка и Дваройка вас проводят, выведут.

После гибели капрала Задика на Тама свалилась обязанность управляться с зайцами. Он сразу освоился с новой работой и расхаживал меж длинноухих, порывая и играя сержантскими выражениями и интонациями:

— Живее, пацаны и пацанки, хвосты задрать, на уши не наступать! Фланговые сигнальные по местам! Грудь вперед, животики подтянули! Болтовню прекратить! Равняйся! Смирр-на! Быстрым шаго-ом... ар-рш! Ать-два, ать-два, левой... левой...

Командор восхищенно кивал в такт:

— Здорово звучишь, друг. Настоящий строевик. Где ты так настропалился?

МакБерл пожал плечами:

— Тут и там бывал наш Там. У дурных королей иной раз командовал, приходилось. Все ж не первый сезон на службе.

Ближе к вечеру вернулись разведчики, Разройка и Дваройка. Ничего опасного они не обнаружили, нашли впереди неплохое местечко для раннего вечернего привала.

Там обратился к марширующим зайцам:

— Внимание, красавцы и красавицы, что вам больше нравится: ранний вечерний привал или топать допоздна, чтобы скорей до цели добраться?

— Вперед, вперед! — раздался дружный рев заячьих глоток.

Командор удивил МакБерла и всех остальных.

— Вперед, фиалки-незабудки, лютики лютые, лилии ленивые! Хочу добраться до Рэдволла, прежде чем до клюки состарюсь! — рыкнул он и повернулся к Таму: — Ну как?

Там отдал честь.

— Настоящий старший сержант! Будешь орать со мной по очереди до самого Рэдволла.

— Есть, капитан! — ухмыльнулся Командор.

Скауты-землеройки выбрали еще одно удобное местечко поближе к цели, там и остановились на ночлег.

Уже стемнело. Уставшие зайцы охладили лапы в ручье, перекусили сухим пайком и заснули крепким сном.

Командор проснулся первым и сразу заорал, как шершнем ужаленный:

— Подъем, молодцы и молодки, в нос вам хвост следки! Салатика свеженького, ватрушечек и земляничного торта не желаете?

— Еще как желаем, — зевнул молодой заяц и сладко потянулся.

— Я тоже желаю, — успокоил его «сержант» и рывкнул: — Нету! Кислое яблочко и водичка из ручеечка! Шевелись, жгучий корень вам под хвост, из ушей подтяжек понаделаю! Лопоухи, флягоносы, путаники-поперхунчики!

— Гм, — повел бровью удивленный Там, — Поперхунчики. Интересно, надо запомнить. Ох, скоро ль Рэдволл?

— Уж недалече, парень, — успокоил Командор, — Я уже кое-что узнаю на местности. Землеройки наши отличные воины, хорошо вели. Если и дальше так же резво пойдем, то завтра утром до аббатства доберемся.

Они маршировали весь день лишь с одним коротким привалом. К вечеру вышли на речной берег, выбранный землеройками для ночлега.

— Чтоб мне хвостом закусить! — вырвалось у Командора. — Там, узнаешь местечко?

МакБерл опустил лапы в воду.

— Знаешь, у меня в глазах рябит от деревьев. Я ведь родом из Приграничья. У нас все холмы да пустоши, вереск да можжевельник...

Командор махнул лапой чуть вниз по течению.

— Тут этот тип, как его, Фьюс, Хьюз, воришка мелкий, твой меч спрятал да флаг. Сейчас проверим.

Он стрелой нырнул в воду и устремился наискосок к другому берегу, не показываясь на поверхности.

Зайцы с почтением поглядели ему вслед:

— Х-ху! Здоровый парень, во, во!

— Весь день топал, а теперь, вишь, еще и искупаться захотел.

— Да, меня вот что-то в воду не тянет, во. Куда это он так резво?

— Сейчас увидим, — ответил Там, растягиваясь на берегу.

Ждать пришлось недолго. Вскоре Командор вернулся и протянул Таму длинный сверток.

— Нашел в норе на том берегу.

Там развернул мокрый флаг Аральтума и вынул из него свой палаш.

— Спасибо, друг, ты оказал мне громадную услугу.

Командор отряхнулся, рассеяв на окружающих тучу брызг.

— Рад тебе услужить, Там. Флаг высохнет и будет как новый. Палаш отполируешь и завтра войдешь в аббатство с двумя мечами, с песней и под развевающимся знаменем.

— Хотелось бы, — задумчиво протянул МакБерл. — Если Рэдволл не захвачен нечистью.

Аббат Монотон пребывал в полудреме, когда осознал, что кто-то тарабанит в дверь погребя.

— Кто там, во имя всех Сезонов милосердных? — хрипло пробормотал старый еж, отрывая голову от подушки.

Молодой Берлап уже вскочил и заспешил к двери.

— Я гляну, отец, не беспокойтесь.

Монотон уселся на узенькой раскладушке, протирая глаза и зевая. Перед ним стояла сестра Армила.

— Что случилось, сестра? Кто-нибудь серьезно заболел? Нужна моя помощь?

— Нет, отец Монотон, другое. Мне надо с вами поговорить.

Аббат сонно мигнул, качнулся и поднял лапу:

— Стоп, ничего не говорите. Я, кажется, понимаю. Опять Мартин?

— Д... да-а, — удивилась сестра Армила. — Но... как вы догадались?

— Потому что сам увидел его. Только что. Когда вы уже стояли передо мной.

Глаза Армилы расширились до предела.

— Мартин опять говорил стихами. Вот слушайте...

Но аббат открыл рот раньше:

— Смотри, вот два меча и стяг,
Бродячий Камень вот.
Но брат уйдет, он воин,
Он в бой один пойдет.

Сестра Армила всплеснула лапами.

— Именно так сказал Мартин. Что означают эти слова, отец Монотон?

Настоятель покачал головой:

— Могу только гадать.

Брат Берлап подошел к ним с двумя кружками горячего мятного чая.

— Вот, в кузне подогрел. Осторожно, сестра, чай горячий. Это вас подбодрит. А я пока займусь текущими делами... текущими протечками в бочках.

Берлап повязал передник, подхватил бочарный молот и пропал за своими бочками.

Армила проводила его взглядом.

— Отличный парень наш Берлап, правда, отец Монотон? Заботливый, внимательный...

Аббат подул на кружку.

— Да, сестра. Он мне как сын. Смотрю на него, и душа радуется. Но что нам думать о нашем видении? Хехм, у нас с вами общий сон...

Тут дверь грохнула, за ней послышалась возня, раздался жалобный писк. Еще раз грохнула дверь, в нее просунулась измазанная голова Мимзи.

— Сестрармила, а противный Мадж меня за хвост дергает!

— Х-хурр, врет она, — забубнил за нею невидимый Мадж. — Нужен мне больно ее хвост облезлый.

Дверь подалась, оба сцепившихся малыша, еще в ночных рубашонках, кубарем ввалились в погреб.

— Ф-ф-ф-хурр, дурра, отцепишь от нофа!

— Ва-а-а-а-а! — взвыла Мимзи. — Нога-а-а-а!

— Извините, отец Монотон, — улыбнулась Армила.
— Придется нам отложить беседу.

Она подбежала к драчунам и расцепила их.

— Прекратить! Почему не в кроватках? Утренний колокол еще не звонил, а вы уже носитесь по аббатству, да еще в ночных рубашках! Не терплю хулиганов! И отец аббат тоже!

Заплаканная Мимзи замахнулась на Маджа:

— Он меня разбудил подушкой.

Мадж воинственно выпятил живот:

— Не-а, врет она!

— И ни капельки не вру!

— Х-рвр-ешь!

— Не вру!

— Тихо, умолкли оба! — прикрикнула Армила. — Мадж, я только вчера говорила с тобой о драках.

— Хурр, вы только с Перклом велели не драться. А про Мимзи ничего не велели.

— Я обо всех говорила, а не только о Перкле.

Мадж исподлобья посмотрел на Армилу:

— Я всех не запомнил, хур-хур. Про Мимзи забыл.

Появился полностью одетый аббат. Улыбаясь, он взял обоих малышей за лапы.

— Сестра Армила, разрешите взять этих маленьких разбойников с собой к завтраку? Брат Грисом, конечно, уже в кухне. Придется его очень попросить, он тоже не любит хулиганов.

— А бывают аббаты-хулиганы, сестра Армила?

— Конечно нет, Мимзи. Чтобы стать аббатом, нужно вести себя примерно. Правда, отец Монотон?

— Конечно, сестра. Я был примерным малышом.

— Хурр, сэrr, неправда. Уолт Уплетун знает, наш аббат был крупный хулиган и мелкий разбойник, вот.

— Неужто? Гм, я с Уолтом перекинусь словечком.

— Хурр, когда я стану аббатом, буду крупный разбойник.

— Вот вырастешь, сделаем тебя разбойником аббатства.

— Ха-ха-хурр, разбойником аббатства. Ха-хо-хуррошо-о!

Утро выдалось серое, мягкое, морозящее. Мелкий дождичек, казалось, зарядил надолго. Дел у рэдловльцев хватало и под крышей. Сестра Армила с аббатом и сестрой Скривой устроились в лечебнице, размышляя над посланием Мартина. Брат Демпл не обращал внимания на морось. Накинув на голову и плечи капюшон из старого мешка, он пропалывал грядки.

О том, что происходило у восточной стены, садовник не подозревал. А там в это время Рэкети Там МакБерл взлетел на высокий вяз, выросший под стеною, и мощ-

ным прыжком перемахнул с него на зубец стены. Вот он уже спрыгнул на парапет, спустился по лестнице и отворил малую восточную дверь, впустив Командора с зайцами. А сам бросился к единственному замеченному живому существу, согнувшемуся над огородными травами неподалеку.

Сбитый с ног Демпл растянулся между грядками. Там зажал ему рот лапой.

— Извините, брат, крайне мало времени. Только тихо. Все ясно?

Демпл кивнул, и Там убрал лапу.

— Нечисть в аббатстве есть?

— Была, — шепотом ответил Демпл, облизывая губы.

— Где они?

— Больше нигде. — Демпл уселся. — Вся перебита. Мы их зарыли на равнине.

— Здорово, во, молодцы! — пробормотал кто-то из зайцев, уже окруживших Тама и Демпла.

— Не зря наши здесь объедались, во. Хоть поработали, пока мы там бродили по лесам да речкам.

— Мы немного помогли зайцам, — улыбнулся Демпл, озираясь по сторонам, — А как вы сюда попали?

Командор помог брату Демплу подняться.

— Все узнаешь, друг, только пошли под крышу, надоел этот дождик. Да и по пище порядочной мы, боевые зайцы, ой как соскучились!

Все высыпали в Большой зал встречать возвратившихся. Брат Грисом в тревоге созывал своих помощников:

— Все плиты растопить, загружаем все духовки! Печь хлеб, сыры из кладовой... Салат, салат, больше са-

лата! Грибов, цветной капусты для супа... Ватрушки, лепешки, варенье для пирога... Поспешаем, Мерли, не то зайцы нас самих съедят.

Аббат обнял МакБерла:

— Добро пожаловать в Рэдволл!

— Слава Сезонам, вы целы и невредимы, мистер МакБерл, — раздался голос из-за спины аббата, и Там встретился глазами с сестрой Армиллой.

— Я бы снес стену аббатства, чтобы увидеться с вами, сестра, — лихо заявил МакБерл.

— Это комплимент или угроза, Мак? — улыбнулась Армила.

МакБерл освободился от объятий аббата и поклонился Армиле:

— Красота располагает к комплиментам, а не к угрозам, Армила. Я сдержал обещание и возвращаю меч в аббатство.

— Нет, Там, держи его при себе. Он тебе еще понадобится. Мы тебе потом все объясним.

— Но почему? — озадачился МакБерл.

Командор крутил вокруг себя племянницу и чуть не снес ею Тама и Армилу.

— Ха-ха-ха-ха, чего уставился, хвост поджал? Поцелуй Армилку, она тут вся извелась с горя, как только ты пропал!

— Бруки, прекрати! — топнула лапой Армила.

Пришедшие зайцы смешались с товарищами, шумели, хлопали друг друга по спинам.

Шум перекрыл голос сержанта Тарана:

— Тэ-эк, Пещерный зал, стало быть, во, чистыми-умытыми-приглаженными-прилизанными. Вновь прибывшим сменить маскировочное тряпье на полковую форму. К исполнению приступить!

Мощная кухня аббатства приготовила пищу уже к полудню. Младший капрал Вилдери доложил капитану Фортиндому о потерях, сержант поведал вернувшимся о кончине командира Крамшо. Но о пропавшем Дуги никто ничего не знал.

Обычно Там не слишком беспокоился о суматошном горце. Не раз приходилось им разлучаться в прошлом. Но в этот раз беспокойство МакБерла особенно возросло, когда Там услышал от Армилы второе послание Мартина:

Смотри, вот два меча и стяг,
Бродячий Камень вот.
Но брат уйдет, он воин,
Он в бой один пойдет.

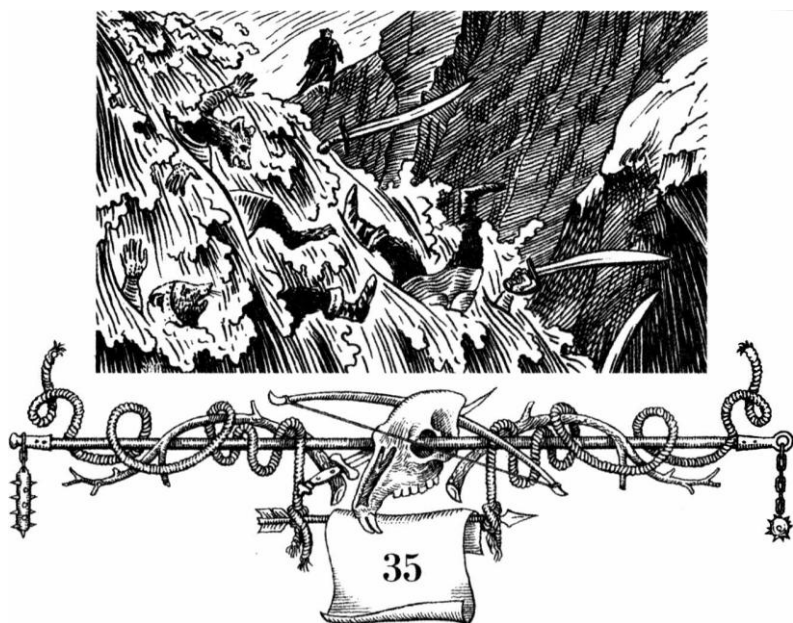
Приграничник нахмурился:

— Вот почему я должен сохранить меч Мартина у себя! — Там повернулся к Командору. — Получается, что Гуло не погиб в водопаде? Может такое случиться?

Вождь выдр оторвался от миски ракового супа со жгучим корнем, приготовленного братом Грисомом специально для него.

— Ну, Тоги говорит, что водопад этот смертельный, кто б ты там ни был, упал — пропал. Лог-а-лог знает, что говорит, это дело верное. Уж с водой-то лучше, чем он, никто не знаком, тоже верно, как смена сезонов. Да ведь... Гуло-то этот не такой зверь, как все...

Говорят, что судьба помогает отважным. Это, однако, не всегда так. Судьба — дама капризная, и часто везет дуракам, это тоже всем известно. Да и отважные разными бывают.

Гуло судьба улыбнулась и раскрыла объятия. Он не погиб в водопаде.

Ива летела к обрыву, продолжая волчком крутиться в бешеном потоке воды. Зверье судорожно цеплялось за ветки и корни. Гуло застрял в путанице корней, крепко вцепившись в них всеми четырьмя лапами.

Перед самым водопадом дерево взлетело над рваной поверхностью воды и врезалось в скальный выступ. Горностаи и песцы посыпались в буруны, сметенные страшным ударом. Один из них, пролетая мимо вождя, впился в его лапу, ища спасения. Гуло резко дернул лапой и стряхнул своего верноподданного, с воплем отчаяния продолжившего путь в бездну, навстречу смерти. Инстинкт самосохранения напряг мышцы росوماхи. В мощном прыжке Гуло перелетел через путаницу корней и оказался на скале. Скользя по мокрому выступу, он следил, как исчезают в пене его подчиненные.

— Сюда! — заорал он кучке зверья, уцелевшего возле корней ивы. — Прыгайте, или подохнете!

В панике звери принялись выполнять приказание. Восемь из них смогли удержаться на скале. Выжившие лежали словно мокрые тряпки, тяжело дыша и постанывая.

— Следуйте за мной или последуете за ними! — вырвал их из полузабытья грубый голос вождя.

Зная, что на пустые угрозы Гуло не горазд, звери кое-как поднялись и поползли за росوماхой по скользкой скале.

К вечеру они одолели подъем и растянулись на земле. Огня не разводили, пищу искать не было сил. Все погрузились в глубокий сон, прерываемый кошмарными видениями бурной воды, хлещущих по мордам веток и скользких скал. Гром близкого водопада оказался плохой колыбельной.

Когда Гуло проснулся, уже давно рассвело. Он рыкнул на свою крохотную армию, четверых отрядил за едой, двоим велел разжечь костер. Последние двое —

поджарая горностаиха Дудж и песец Герак — стояли, ожидая своей очереди.

— Влезь на то дерево и осмотри окрестности. Доложишь.

Горностаиха понеслась исполнять приказание. Гуло повернулся к песцу:

— Будешь моим капитаном. Звать как?

— Герак, о могучий.

— Отправимся в Рэдволл, — буркнул Гуло себе под нос. Он отвернулся от новоиспеченного капитана, глядевшего ему вслед, и направился от обрыва в заросли, продолжая бормотать: — Я еще не закончил, братец Ас-кор. Я тебя отыщу. Может, мои капитаны тебя уже поймали. Конечно, они взяли этот Рэдволл, и сидишь ты сейчас в погребке, меня поджидаешь. Ха-ха-ха, скоро встретимся.

Еще один песец вернулся в лагерь с топливом. Он защелкал сталью по кремню, высекая искры. Герак подсел к нему.

— Надо же, Гуло совсем одурел. Ты бы послушал, что он бормочет. Сам с собой разговаривает и смеется.

Второй песец, намного старше Герака, ответил чуть слышно:

— Долго до тебя доходит. Я служил обоим братьям и отцу. Все они сумасшедшие, а Гуло самый дурной из всех. И самый опасный. Лишнего не болтай и держись от него подальше. И проживешь дольше. Ладно, мне работать надо, не мешай.

Но Герак не отставал:

— Здесь прекрасные места, страна богатая, всего хватает. А мы гоняемся по ней да теряем народ.

Старый песец понимал, к чему клонит Герак. Он проследил за тоненьким сизым дымком, поднявшимся

над язычком пламени, оглянулся, убеждаясь, что вождя нет поблизости.

— Послушай меня, юноша. Внимательно слушай, может быть, это сохранит тебе жизнь. Мы привязаны к Гуло судьбой, служим ему не по любви или преданности, а из страха. Выкинь из головы мысли о бегстве. Гуло найдет тебя, и ты будешь призывать смерть, как желанное избавление. А теперь ступай и о своих несбыточных мечтах больше никому не рассказывай.

Горностаиха Дудж слезла с дерева и подбежала к Гуло, который беседовал с зарослями папоротника, хитро улыбаясь и покачивая головой:

— Иди и передай своему хозяину, что я тоже сын Драмза. Мне суждено править страной льдов и снегов. Я убил Великого Драмза. Передай Аскору, брату моему, что я уже близко и скоро сожру его сердце. — Он резко повернулся и уставился на Дудж. — Аскор подослал тебя шпионить за мной?

Горностаиха отпрянула, избегая безумного взгляда хозяина.

— Могучий, ты послал меня на дерево, чтобы осмотреть окрестности.

Гуло сверлил ее взглядом, как бы припоминая.

— Я тебя послал?

— Да, и я вернулась доложить.

Гуло прижал коготь к губам, покосился вправо и влево.

— Ш-ш-ш! Не здесь. Услышат. Идем.

Костер разгорелся. Возле него лежали убитый вальшнеп, рядом — кучка яиц из его гнезда, съедобные корни, недозрелые груши и немного ягод. Звери отступили от костра, пропуская Гуло. Хозяин уселся и подтянул к себе горностаиху.

Забыв об окружающих, он прошептал Дудж:

— Ну, говори, только тихо. Что ты там увидела? — Он рассеянно подобрал мертвую птицу и начал жевать ее сырой, хрустя костями, выплевывая перья прямо в морду горностаихи.

Перепуганная Дудж попыталась совладать с голодом:

— Могучий, к северу отсюда течет широкая река. Она соединяется с водами, по которым мы плыли вчера. Вытекает она с северо-востока, из лесов.

Она замолчала, ожидая, пока он выковыряет перо, застрявшее между зубов.

— Это все? — спросил Гуло.

Дудж кивнула, дрожа от страха и нервного напряжения. Гуло оторвал зубами еще кусок птицы и встал, небрежно уронив остаток в костер. Взгляд его рыскал по сторонам.

— Скажи капитану, что мы выходим в Рэдволл.

Герак уставился вслед удаляющемуся вождю.

Дудж недоумевала:

— То есть... сейчас уходим?

— Но ведь мы еще не позавтракали! — вскинулся Герак.

Старый песец выхватил из огня недоеденную птицу, схватил грушу и поспешил за Гуло, подгоняя остальных:

— Шевелитесь, пока целы. Жевать придется на ходу.

Звери рванулись сначала к пище, затем, кто с чем, а кто и ни с чем, заторопились за ветераном в лес.

* * *

Утро перешло в день, когда они вышли к реке. Шагали быстро, иногда приходилось бежать, чтобы не отстать. Если местность позволяла, Гуло мог припустить

бегом, и тогда его сопровождающим приходилось совсем несладко.

— Скажи ему, что от меня не уйти, — приказывал Гуло какому-нибудь дереву или валуну. — Бродячий Камень по праву мой. Твои дни сочтены, брат.

Внезапно вождь остановился у берега. Он улыбнулся:

— Приятное местечко, правда?

— Приятное, господин, — кивнул старый песец.

Гуло растянулся во мху и тут же захрапел.

Остальные удивленно уставились на вождя. Старик ветеран пожал плечами и тоже улегся — подальше от Гуло. Рухнули и его воины, радуясь возможности отдохнуть.

Ближе к вечеру местечко выглядело так же мирно и приятно. Трепетали радужными крыльями стрекозы, легко метались бабочки, деловито жужжали мухи и пчелы. Лениво шевелили ветками ивы. Птицы скользили над водою и кричали в отдалении. Старый песец спал, не задумываясь, с чего бы это Гуло вдруг заметил «приятность» речного берега. Раньше вождь не замечал красоты природы, но ведь он рехнулся... поэтому ветеран простил своему вождю мелкое прегрешение.

Еще ближе к вечеру отдохнувшее зверье проснулось. Вождь уже бодрствовал. Улыбаясь, он сидел на берегу и развлекался: гонял палкой в воде голову своего капитана. Налюбовавшись ею — и дав полюбоваться всем остальным, — он оттолкнул голову Герака от берега. Не поворачиваясь, обратился к оставшимся в живых. Говорил мирно, не повышая голоса, без обычного рычания.

— Гуло все видит. Собрался удрать парень. Понаблюдал я за ним. И поймал беднягу с поличным на месте преступления, когда он уже рванул прочь.

Он повернулся к Дудж и добавил, как будто прося прощения:

— Понимаешь, лучше учить своих воинов на примерах...

Лишившись дара речи, горностаиха кивнула.

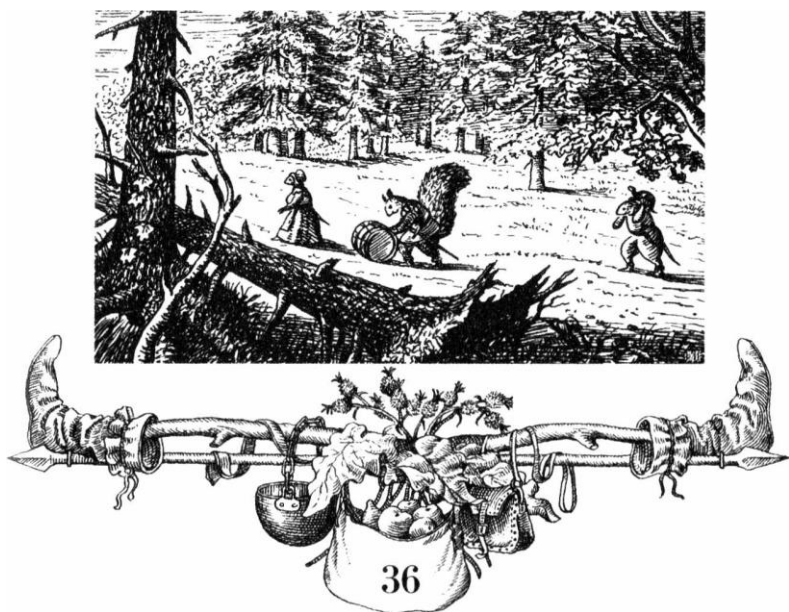
Гуло поднялся и осмотрел оставшихся.

— Отдохнули, набрались сил, теперь шагаем до рассвета. Скоро увидим наконец этот самый Рэдволл.

Они оставили полянку на берегу. Мирно текла река, ничто не говорило о том, что здесь недавно произошло убийство. Приятное местечко.

Старый песец шагал, стараясь не отставать. Как и все остальные, он боялся. Но и к страху можно привыкнуть. Конечно же, Гуло сумасшедший. Убить сильного бойца, когда народу так мало! Но теперь никто не посмеет удрать. Старый песец закусил губу, чтобы не заснуть на ходу. Да, хороший урок. Лишившись ума, зверь делается хитрее.

Наконец-то наутро после затяжного дождика засияло солнце. На юго-востоке Леса Цветущих Мхов Дикий Дуги, Юфус Легкая Лапа и его жена Диджети с черепашкой Булыганчиком проснулись, проведя ночь в сравнительно удобном местечке. Они нашли прибежище в странном полуразрушенном строении из красного песчаника.

Проснулся Дуги не от падения капель росы и не от звонкого птичьего пения, доносившегося из леса. Его разбудил Юфус. В попытках разбудить жену и добраться до мешка с провизией, служившего ей подуш-

кой, он сочинял песню, отбивая такт на барабане.

— А-ай!

Мешок ударил Юфуса по голове. Диджети, запустившая в мужа своей «подушкой», выпрямилась и подбоченилась:

— Угомонись наконец, негодяй! Вор — он всегда вор. Сон вот украл.

Юфус не обиделся. Он полез в мешок, улыбаясь Дуги.

— Мистер Дуги, дорогуша, грешно спать в такое прекрасное утро. Я, например, бодр, свеж и готов к завтраку.

Диджети вырвала у него мешок.

— Я за продукты отвечаю. А вы оба наберите хвоста для костра.

Она полезла в мешок, порылась в нем, вздохнула, покопалась еще и повернулась к мужу:

— Не надо костра. Готовить нечего. Сухие корки, котелок да сковородка.

Физиономия Юфуса вытянулась.

— То есть как? У нас, кончились продукты?

Диджети просунула лапу в большую дыру на дне мешка.

— Кончились. И вот почему.

— Мы умрем с голоду! — ужаснулся Юфус.

— Тем скорее надо найти это аббатство, путешественники беспутные.

Юфус обвиняющим жестом вскинул лапу в направлении Дуги:

— Это из-за него мы сбились с пути.

Дуги тотчас возмутился:

— Врун! Кто предложил свернуть влево у дуба с тремя верхушками, когда я советовал идти направо?

Юфус взмахнул лапами:

— А кто предложил свернуть на запад у реки? Кто? Ты, кустохвост попрыгуний!

Он тут же прыгнул за барабан, потому что разгневанный Дуги направился к нему, размахивая лапами.

— Никогда я не говорил про запад. Я все время хотел идти на север.

— Север? Да ты севера от клевера не отличишь! Это я предлагал идти на север. Я вор, но не врун, как некоторые, не будем называть имен.

Буммммм! — Диджети грохнула по барабану сковородкой.

— Замолчите оба! Наши споры нас с места не сдвинут. Еще начнете препираться, и я двину сковородкой уже по вашим твердокаменным черепушкам. Вы меня поняли?

Оба замолчали и насупились, как два малыша, которых послали в постель.

— Собирайтесь, пошли. Я сама поведу вас, славные следопыты. Найду вам Рэдволл.

— Но, дорогая, ты ведь никогда не была в Рэдволле.

— Ну и что? Вы оба там были, а проку-то! Уж больше вас я не наплутаю, это точно, светлые вы головушки. Живо, марш!

Они выбрались из ночного убежища. Дуги пожал плечами:

— Марш, согласен, мэм, но в какую сторону прикажете?

Диджети поставила сковородку наземь и крутанула ее. Она махнула лапой туда, куда показала остановившаяся ручка сковороды.

— Прощу туда!

И она посмотрела на Булыганчика. Тот кивнул.

Топкие места и неглубокий ручей путники преодолели без труда. Диджети выискивала просветы, похожие на тропки. Дуги катил за ней большой барабан, а Юфус плелся в хвосте.

Прошагав некоторое время молча, Юфус завел спор с черепахой, пристроенной за его спиной.

— Эх, Булька... Я-то думал, что ты за меня, а ты... На мои мудрые предложения ты никогда не кивал. И куда мы попали из-за тебя? А куда еще попадем! Уверяю тебя, мой каменный друг, Диджети хоть и милейшее создание, но пола не обнаружит, по которому шагает. Вот, теперь она застряла. Потерялась, конечно.

Юфус торжествующе подошел к жене:

— Чего стоим? Никак заблудилась?

Диджети искоса глянула на него, не прекращая собирать кресс, растущий вдоль берега ручья.

— С чего это ты взял? Иди собирай хворост, чем язык чесать попусту. Мистер Дуги, там, за ручьем, грибы и щавель! Немножко дикого чеснока прихватите.

Юфус тотчас принялся собирать ветки.

— Еда! — возбужденно бормотал он. — Давно пора! Мистер Дуги, у меня великая малютка жена!

Готовила Диджети действительно споро и ловко. Она подсушила над костром остатки овсяного печенья, покрошила их в наполненную водой сковородку, туда же нарезала грибы, кресс, чуть дикого чеснока, корни одуванчика, бросила дикую горчицу, добавила соли, оставшейся в кармане передника.

Суп получился густым и вкусным. Его разделили поровну, оставив остывать порцию для Булыганчика.

Дуги следил, как Диджети кормит черпаху.

— Как ты думаешь, Юфус, заговорит Булыганчик когда-нибудь?

— Если и заговорит, то перво-наперво спросит, что на десерт. Так ведь, Бульон?

Булыганчик, казалось, улыбнулся и кивнул. Дуги все задумывался над вопросами, которые Юфуса и его жену совершенно не волновали.

— А может он вылезти из своего камня?

— Стесняется, — с серьезным выражением лица ответил вор. — Однажды я его застал голеньким, так он закрылся лапами и сразу убежал.

Дуги чуть было не поверил воровским вракам.

— Да ну... Ах ты врун!

— Я? Да ты что! — оскорбился Юфус.

— Врун!

— Сменой Сезонов клянусь, своими глазами видел!

Диджети схватила пустую сковороду.

— Опять? Прекратите. Пора в путь.

Они отправились в дорогу. Юфус и Дуги, чуть отстав, шептались между собой.

— Хотел бы я знать, вернулся Там в аббатство или нет.

Юфус глянул в спину уверенно шагающей жены.

— Ох, друг, не суждено нам этого узнать. Мы так и будем бродить по этому лесу, пока не состаримся. Поседеют длинные наши бороды, на клюку опираючись, будем ковылять, пока не сгинем где-нибудь в трясине.

Дуги придерживался того же мнения:

— А мне даже показалось раз, что твоя миленькая маленькая женулька представляет, куда шагает.

Юфус поправил перевязь с Булыганчиком.

— Пропадем, как пить дать пропадем. О чем я думал, когда ей доверился? Она же ни разу за всю жизнь дальше порога носа не казала.

Дошли до какого-то холма. Диджети уверенно затопала вверх. Юфус смерил холм взглядом.

— Х-ха, мы на этот холм уже карабкались вчера. Смотри, бедняжка Диджети совсем рехнулась, что она там выделявает!

А Диджети плясала на макушке холма, размахивала лапами и вопила:

— Рэдволл! Рэдволл! Рэдволл!

Дуги и Юфус спешно полезли вверх. Добравшись до вершины, Дуги приложил лапу ко лбу. В отдалении маячило аббатство.

Юфус пустился в пляс, выделявая примерно то же, за что он лишь недавно осуждал жену. Он обнимал и целовал ее.

— Ха-ха! Я знал, что ты найдешь его, сливка моя сахарная! Кто еще мог найти Рэдволл? Я только что говорил мистеру Дуги, что ты выведешь нас к цели, правда, Дуги?

Дуги сидел на барабане и кивал. Правда была бы здесь явно не к месту.

— Да, мэм, Юфус о вас так тепло отзывался! А как я мог сомневаться в словах любящего мужа!

Взгляд Дуги упал на черепаху. Булыганчик укоризненно покачал головой и спрятался в своем каменном домике.

Польщенная градом похвал, Диджети не утратила рассудительности.

— Большое спасибо вам обоим за доверие и за теплые слова. Но следует поторопиться, чтобы не опоздать к ужину.

И они энергично зашагали к цели. Барабан побрякивал перед Дуги, катившим его, как детский обруч, при помощи палки. Через некоторое время Дуги заметил, что вор искоса поглядывает на барабан.

— Дуги, дорогой, ты устал, должно быть, все время катишь перед собой эту толстую бесполезную кругляшку. Давай я ею займусь.

Дуги постарался развеять воровские надежды.

— Барабан — собственность аббатства Рэдволл. Я доставлю его туда, а тебя прошу смотреть в сторону и к нему не приближаться. Что касается милого Булыганчика, это решит аббат Монотон.

Диджети забеспокоилась:

— Но я не смогу жить без моего любимого питомца. Думаете, аббат его у меня отнимет? — Она всхлипнула и утерла глаза передником.

— Что вы, мадам! Аббат добрый и справедливый. Он не позарится на чужое добро. — Дуги покосился на Юфуса. — Да и я ему объясню, что к чему.

— Спасибо, мистер Дуги, — улыбнулась Диджети. — Вы такой добрый и чуткий...

Хвост Дуги взметнулся дугой и прикрыл его физиономию — верный знак смущения.

— Да ну, мадам Легкая Лапа, бросьте, право, даже неловко... Чего не сделаешь ради ваших прекрасных колбасок... то есть глазок.

* * *

Под вечер усталые путешественники вынырнули из леса. За обширным лугом величественно высились стены аббатства. Юфус и Диджети шли рядом чуть впереди, за ними Дуги катил барабан.

Истинный воин, Дуги почуял опасность затылком. Обернувшись на неясный шорох, Дуги увидел сзади шестерых белошкурых и их вожака. Враги дугой охватывали троих странников. Горец выхватил палаш и завопил:

— Бегом к аббатству! Я задержу!

Юфус и Диджети на мгновение замерли от неожиданности, потом обернулись — и снова замерли, на этот раз от ужаса.

Дуги бросился на врага, крича:

— Бегите! От вас здесь проку не будет! Бегом! Хэ-вэй бро-о-о-о!

Юфус подхватил жену и припустил к дверце в южной стене. Один из крайних белошкурых оторвался от дуги охвата и припустил за беглецами. Дикий Дуги рванулся к нему наперерез. За остальными он в этот момент наблюдать не мог. Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Гуло подобрал увесистый булыжник и запустил в горца. Камень шмякнул Дуги по затылку, и тот ткнулся носом в траву.

Водные полевки тем временем без оглядки неслись к дверце. Юфус вопил:

— Откройте! Впустите нас! Атака!

Диджети присоединилась к нему:

— Спаси-ите! На по-омощь!

* * *

К счастью, мимо дверцы как раз проходила кро-тиха Альба с ребятишками. Перед сном их вели к пруду погулять. Бруки пошла с ними на случай, если кто-нибудь свалится в воду. Такое с непосадами частенько случалось.

Услышав крики полевок, Брукфлоу действовала решительно и быстро.

— Назад, в аббатство! — крикнула Бруки Альбе. —
Пришли подмогу!

Альба захлопотала, удерживая малышню, рванувшуюся за Бруки.

— Хурр, назад, назад! Мисс Бруки, осторожнее!

Бруки отперла и приоткрыла дверь и сразу увидела береговых полевок.

— Мистер Легкая Лапа! Что там происходит?

Юфус ворвался в аббатство и втащил Диджети.

— Ох! Легкая, конечно, Легкая, кто же еще! Запирайте, запирайте скорей, там нелегкая нечисть принесла!

К ним уже подбежали Там, Командор и зайцы Дозорного Отряда. Юфус почувствовал, что опасность миновала, и снова стал самим собой.

— О мистер МакБерл, как я рад вас видеть! Познакомьтесь, это моя дорогая жена. Поздоровайся с добрыми зверями, Диджети.

Там сгреб лапу вора:

— Где Дуги и что там происходит? Говори!

— Ой, ой, лапу сломал! Скажу-скажу, только отпусти!

Там ослабил хватку.

— Шевели языком!

Погоня одолела половину луга, когда беглецов впустили в аббатство. Дверь за береговыми мышками захлопнулась. Гуло посмотрел на лежащего без движения Дуги, на большой барабан и взмахом лапы вернул свое воинство.

— Этого и барабан тащите в лес! — распорядился он.

— Пошевеливайтесь. У меня есть план.

Выстро темнело, и сержант Таран предложил перенести допрос полёвок в помещение. В Большом зале предмет, висящий за спиной Юфуса, привлек всеобщее внимание.

Аббат Монотон осторожно потрогал странный камень.

— Что это у вас, мистер Легкая Лапа? Диджети опустила своего питомца на пол.

— Это мой дорогой Булыганчик. Несказанно удивив присутствующих, из камня вдруг высунулась голова, он выпустил ноги и направился к малышам. Те завизжали и отпрыгнули.

Кротоначальник Браффи поскреб нос:

— Ху-урр, в жизни не видывал, не-е...

Сестра Армила опустилась на пол перед Булыганчиком. Странное существо вытянуло шею, и Армила пощекотала его под клювом.

— Друзья, познакомьтесь с Бродячим Камнем!

Аббат невольно поднес лапу ко рту.

— Конечно!.. Где вы нашли его, мэ?

Юфус гордо выпятил грудь:

— Это я его нашел, батюшка аббат!

Армила перебила Юфуса:

— Подождите. Вы нашли это существо возле лесного озера. Оно выползло из норы у подножия большого клена, обвитого множеством побегов плюща.

Впервые в жизни Юфус растерялся:

— К... Ка... Как? Кто? Откуда вы знаете?

Сестра Скрива вынула из рукава свиточек и развернула его.

Я встал, где солнце с неба — бух! —

И по камням плясать пошло,

Где малый лист большой убил,

где землю дерево нашло.

Там, где сын Драмза не найдет,

В укромный уголок,

Великий символ власти —

Бродячий Камень лег.

Юфус уставился на сестру Скриву:

— Как вы это узнали?

МакБерл не прерывал Армилу и Скриву, но дольше терпеть не было сил.

— Миссис Легкая Лапа вам все объяснит, а я должен срочно побеседовать с ее мужем. Командор, Фортиндом, Таран, прошу со мной.

Воришка слегка струхнул.

— А-а... как же знаменитое рэдловльское гостеприимство? Я с голоду умираю.

— Вот потолкуем, и я тебя накормлю до отвала, парень, во, — мрачно процедил капитан Фортиндом, подталкивая воришку. — Пошевеливайся!

Юфус исподлобья оглядел окруживших его суровых воинов и поежился.

— Значит, дело было так, — затараторил он, — Выходим это мы из лесу, я, моя миссис и Дути. Я тащу барабан и Бульку, веду народ... Я ведь выкрал барабан из-под носа у нечисти! И только мы выскочили из лесу, откуда ни возьмись банда белошерстных!

— Сколько их было? — перебил Командор.

Вранье, как и воровство, было в крови у Юфуса, вторая натура. Он прищурился и поскреб горло.

— Трудно сказать... Не меньше двух десятков. И Гуло с ними. Страшный! Клыки, когти... Вы бы видели!

— Хватит о Гуло, — перебил Там, — Сколько белых было, вспомни-ка поточнее, без вранья.

— Ну-у, десятка два я видел, но в лесу еще вопили... Много, много! Все вооружены до зубов!

МакБерл скрипнул зубами.

— А Дути?

— Сейчас-сейчас, вы мне не даете слова вставить! — обиделся воришка. — Как я уже сказал, нечисть кинулась на нас, и я сразу занялся троими. Но надо было подумать о жене. И я сказал Дути: «Их слишком много, надо пробиваться. Увидимся в аббатстве». Барабан пришлось бросить. Жизнь дороже барабана.

Сержант Таран перебил вора:

— Короче, вы с женой убежали в аббатство. Но что стало с Дуги?

— Хо-хо, сэр, я на вашем месте не боялся бы за Дуги. Он может постоять за себя, нигде не пропадет!

— Это нам не надо рассказывать, ближе к делу. Что с Дуги?

Вор пожал плечами:

— Ну, нас разнесло по сторонам, больше я его не видел. Да вы не бойтесь, может, он скоро постучится в ворота.

Рэкета Там направился к выходу.

— Мне это не по нутру. Надо его выручать.

Командор обогнал МакБерла и остановился перед дверью.

— Подожди, друг. Давай обдумаем положение, прежде чем действовать. Уже стемнело, сколько их и где они, мы не знаем...

— Дикий Дуги — мой боевой товарищ уже много сезонов. Я должен спешить к нему на помощь.

Капитан Фортиндом шагнул к Командору и остановился спиной к двери.

— А если это ловушка?

— Какая?

— Например, чтобы выманить нас из Рэдволла и оставить его незащищенным, Гуло пропустил сюда этого вруна с женой. Ведь если Дуги прячется в лесу, ему мало что угрожает.

— Капитан дело говорит, сэр, — проворчал сержант Таран. — Лучше удвоить караул на стенах и ждать рас-света.

МакБерл нервно зашагал взад-вперед, сжимая рукоять меча Мартина. Он понимал, что товарищи правы.

— До рассвета, друзья. Я буду на южной стене.

Юфус похлопал его по плечу:

— Не беспокойся за Дуги, с ним все будет тип-топ.

МакБерл смерил вора ледяным взглядом:

— Если с Дуги что-нибудь случится из-за твоего вранья, пожалеешь, что на свет родился.

* * *

Заячью стенную стражу усилили рэдволльцами. Терген оставил свое убежище на чердаке. Он вышагивал по парапету стен и башен, пронзая взором ночную мглу.

Малыши в аббатстве не желали укладываться спать без своего нового друга. Диджети согласилась провести ночь в спальне малышей, чтобы только не отрывать их от миленького Булюшки. С большими предосторожностями она разрешила Мимзи и Перклу нести черепаху, основательно их проинструктировав:

— Осторожнее, не уроните! И не кормите его сахарными каштанами. У Булыганчика животик заболит.

Малыши сыпали вопросами, на которые Диджети едва успевала отвечать.

— А Буля купается, мэм?

— Нет, его нельзя купать, он может утонуть.

— Счастливый Булька! Мыться нельзя! Булькнуть может!

— А он наружу вылезает?

— Нет. И не пытайтесь его вытащить из домика.

Аббат Монотон проводил процессию взглядом и улыбнулся.

— Бедная миссис Легкая Лапа! Подумать только, провести ночь в спальне малышей! — Он повернулся к брату Гордилу и сестре Армиле. — Может быть, отнесем ужин нашим друзьям на стены?

На кухне они встретили Берлапа, который сторожился воинского ремесла с памятного дня битвы, когда он убил живое существо. С помощью Берлапа и других рэдловльцев-добровольцев они наготовили булочек с разными начинками, десертными и питательными.

* * *

Рэкета Там стоял в углу юго-западной башни, вслушивался в ночные звуки. К нему неслышным шагом подошла сестра Армила. Там вздрогнул.

— Извини, Там. Не хотела мешать. Подкрепись немного.

— Я тебя не услышал, потому что все внимание направлено туда. — Он кивнул на стену.

Армила поставила поднос в нишу.

— Ничего не слышно?

— Пока ничего. Но чую я, что Дуги где-то рядом. Подождем.

— Можно пока перекусить.

— Не хочу. Не до еды мне.

— Надо питаться вовремя, мистер МакБерл.

— Я уже сказал, что мне не до еды, сестра Армила.

Армила развела лапами:

— Мистер МакБерл, рано или поздно придется поесть. Я готовила это специально для вас.

— Ну, давай вместе. Пополам.

Она улыбнулась:

— Как маленький. Приходится упрашивать да уламывать, насильно заставляя делать то, что делать необходимо. Согласна, пополам.

МакБерл впился зубами в булочку.

— Ммм! Сыр с луком! Что ж ты сразу не сказала, это мои любимые!

— Ну-у, можно, конечно, заманивать да упрашивать, но иной раз хочется и покомандовать. Кушайте на здоровье, мистер МакБерл.

— Будет исполнено, мэм-командир! — улыбнулся Там.

Они ели, пили, беседовали. На стенах аббатства тем же самым занимались саламандастронские зайцы и жители Рэдволла, вглядываясь в ночную тьму.

Таинственным светом озарился восток, послышалось раннее птичье пение. И гулко ударил большой барабан. Терген, дежуривший над главными воротами, подскочил и закричал громко и тревожно:

— Ййи-карр! Вр-раг! Ййи-карр!

Рэкета Там понесся к главным воротам, Армила заспешила вдогонку. Командор и капитан Фортиндом выкрикивали команды:

— Постовым оставаться на местах!

— Лучники Долгого Дозора, собраться над главными воротами!

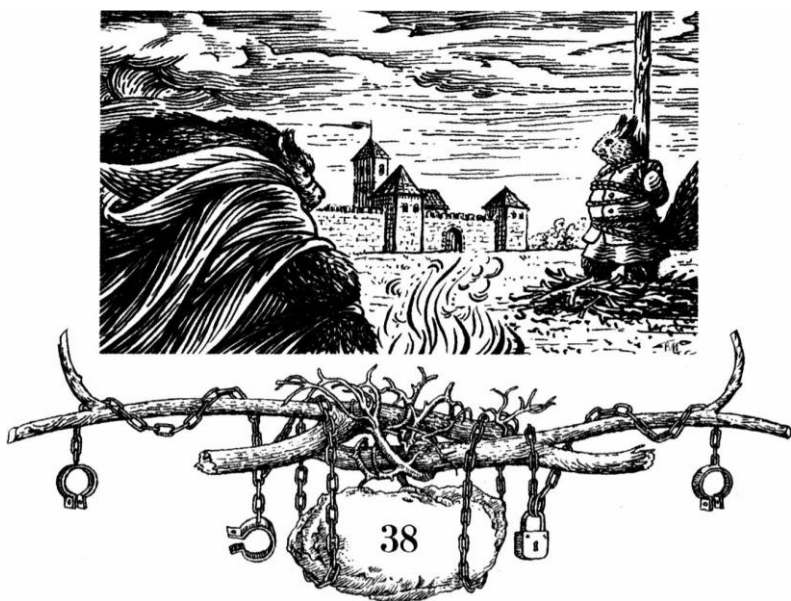
Рэкета Там МакБерл затормозил возле ястреба.

— Где противник, Терген?

Буммм! Буммм! Буммм!

— Ййа-аррг! — Клюв Тергена вытянулся в сторону большого барабана.

МакБерл повернул голову... и замер.

Дуги очнулся еще до рассвета, выплывая из мрачного моря беспамятства к пылающим берегам боли. Пульс страшными ударами крушил затылок. Горец не мог пошевелиться, не мог издать ни звука. Что-то царапало ступню. Медленно открыв один глаз, он слегка повернул голову. Дуги понял, что торчит у толстого шеста, вертикально воткнутого в землю, весь обмотанный веревками. Горностай и белый лис сгребали к его ногам ветки, листья и всякий иной сушняк. Песец заметил движение пленника. Он проверил кляп во рту Дуги и просипел:

— Могучий, пленник очнулся.

Дуги открыл второй глаз. Гуло молча сидел на барабане, глядя на беспомощного горца. Но вот покрытые вспененной слюной губы росوماхи раздвинулись в ухмылке, обнажились громадные клыки.

— Посмотрим, захочет ли мой брат спасти тебя. Рассветет, и я вызову Аскора на бой. Ему хорошо известно, что, пока я жив, ему не стать правителем страны льдов и снегов. По закону он должен драться со мной. Твоя жизнь зависит от храбрости моего братца, древесный попрыгунчик. Как ты думаешь, примет Ас-кор мой вызов?

Дуги не мог ничего ответить, хотя уже порядком измочалил кляп острыми зубами. Этот сумасшедший монстр уверен, что брат его жив и прячется в аббатстве, понял Дуги.

Гуло потянулся, играя мышцами. Зашевелились длинные кривые когти, торчащие из-под длинной шерсти лап.

— Жаль, что папаша Драмз не увидит, как его любимый сын убьет сынка-любимчика. Ты, я вижу, воин. Обещаю тебе хорошее зрелище. Бой насмерть, победитель забирает все: Бродячий Камень, большой барабан, этот Рэдволл. По справедливости, так?

Он отвернулся от Дуги и, казалось, совсем о нем забыл. Спрыгнув с барабана, Гуло вдруг понесся по равнине кругами, из-под когтей его полетели комья грязи. Вот он снова остановился, огляделся, задрал морду к небу.

— Драмз, ты слышишь меня? Взгляни от Адских Врат, к которым я тебя швырнул. Тебя забудут, но будут помнить обо мне, великом Гуло, могучем и свирепом.

Горностаиха Дудж мастерила факел. Она взяла у старого песка моток бечевки и хмыкнула:

— Только свихнувшийся может думать, что Аскор прячется в этой крепости.

Песец пожал плечами:

— Кто знает? Я, кажется, заметил вчера Бродячий Камень за спиной у одного из сбежавших. Может, и Аскор там. Будем надеяться, что он побьет Гуло. Аскору служить все же легче.

Дудж привязала к палке пучок сухой травы.

— Похоже, ты тоже свихнулся. Надейся, что птицы соведут гнезда под водой, а рыбы запрыгают по деревьям. Никто не сможет одолеть Гуло в бою.

— Тихо! Гуло возвращается.

Гуло снова уселся на барабан, на этот раз спиной к Дуги. Заметив первые признаки рассвета, он указал на землю у своих ног и приказал песцу:

— Здесь разожги костер. И дай мне факел.

Песец вырыл ямку, приготовил кучку топлива и заклацал кремнем, а Гуло начал колотить в барабан ручкой факела.

Буммм! Буммм! Буммм!

Дуги выплюнул обрывки кляпа. В неясном рассветном освещении оценил позицию. Он находился на равнине перед главными воротами аббатства, чуть дальше полета стрелы. Напрягая зрение, смог разглядеть на стенах Тама, Командора, Тергена и зайцев. Дуги яростно заработал зубами и вскоре полностью избавился от кляпа.

Голова, казалось, взлетела на крыльях боли, отделившись от плеч, когда Дуги завопил:

— Хэвэй бро-о-о-о-о-о! Здесь Дикий Дуги! Хэ-вэй!

Песец ударил белку по голове. Оглушенный Дуги замолчал. Гуло улыбнулся:

— Теперь твои друзья знают, что ты жив.

Он сунул факел в огонь костерка и подождал, пока тот разгорится. Все еще улыбаясь, Гуло воскликнул:

— Начинаем, братец, начинаем!

Рэкеті Там бился в лапах Командора, Тарана и Фортиндом, пытаясь вырваться.

— Дуги! Это Дуги! Лапы прочь!

Сержант Таран негромко бурчал ему в ухо:

— Дак, погодите маленько, мистер МакБерл, чисто маленький, во. Вон Гуло сюда топает, потолковать хочет. Послушаем, во. Что мне вас левой успокаивать, прямым в челюсть, что ли?

МакБерл опомнился:

— Все. Понял. Можете меня отпустить.

Гуло остановился на некотором расстоянии от ворот и поднял факел.

— Аскор! — закричал он. — Мне нужен Аскор! Где Аскор?

Ответил ему Командор:

— Мы тебя слышим, Гуло. Здесь нет никого по имени Аскор. Ты меня слышишь? Ты, должно быть, с ума сошел, если думаешь, что мы впустили бы в аббатство такого, как твой брат.

Гуло засмеялся и завертел головой, как будто что-то высматривая.

— Сошел с ума? Это ты сошел с ума. Я знаю, что у вас в крепости мой брат и Бродячий Камень. Вас мне не нужно, мне нужен брат. Я убью его в поединке и заберу камень. Это дело кровное.

— А если нет? — крикнул капитан Фортиндом.

Гуло замахал факелом, раздувая его пламя.

— Тогда я сожгу твоего товарища и большой барабан.

Фортиндом презрительно скривил губы.

— Что еще можно ожидать от такого негодяя? — проворчал он и заорал, обращаясь к Гуло: — Послушай, парень, у тебя все войско — шесть сабель. Нас здесь в тридцать раз больше, вооружены до зубов. Мы сейчас выйдем, и от вас клочья полетят.

Гуло обнажил клыки в усмешке:

— Мне все равно, сколько вас. Я, могучий Гуло, не нуждаюсь в оружии. Я перебью вас всех. Но пока вы добегите, в муках умрет ваш друг, сгорит барабан. Пламя может разрушить ваши ворота, и в крепости вы от меня не спрячетесь.

Пока Гуло и Фортиндом препирались, МакБерл лихорадочно соображал, искал решение. В мозгу его вдруг зазвучал чей-то голос: «Спаси аббатство, ты — мой избраннык!» Сначала он подумал, что это результат бессонной ночи, помотал головой, чтобы избавиться от наваждения. Но он снова услышал эту фразу и внутренним взором увидел говорящего. К нему обращался Мартин Воитель, хозяин его меча. МакБерл решительно шагнул к краю стены. Он поднял лапу и обратился к чудовищу:

— Сын Драмза, ты ищешь мертвеца! Я убил твоего брата. Тебе придется биться со мной.

Гуло недоуменно уставился на нахала:

— Что за вздор! Мой брат убит... и убил его... ты?

— Да, я, Рэкети Там МакБерл, убил твоего брата Аскора, и я докажу это!

Там прошептал что-то сержанту Тарану, который отдал честь и понесся куда-то.

Гуло потряс гигантской головой:

— Никто не одолеет росомаху в бою. Мы правим страной льдов и снегов за Великим Холодным Морем.

МакБерл махнул лапой в сторону аббатства.

— А я правлю здесь. Не воображаешь же ты, что этой крепостью может управлять дурак и слабак! Ха, твой брат так думал, и он поплатился за это жизнью. Я воин, рыцарь Рэдволла, и никто не устоит против меня. Вот, полюбуйся!

Прибежал запыхавшийся Таран и сунул в лапу МакБерла черепаху. Там высоко поднял Булыганчика.

— Если я не убил Аскора, то откуда у меня это?

Гуло замер. Он понимал, что, будь его брат жив, то ни за что не расстался бы с Бродячим Камнем. А МакБерл продолжал:

— Когда солнце остановит свой подъем, я выйду к тебе на равнину. С тобой шестеро — шестеро выйдут со мною. Если что-нибудь случится с моим товарищем, мы немедленно атакуем вас всеми силами и уничтожим. Теперь иди. Я все сказал.

Все молча раздумывали над услышанным. Молчал и Гуло. Вот он отвернулся и зашагал прочь.

Арила схватила МакБерла за лапу:

— Там, это невозможно. Ты не можешь сражаться с этим чудовищем.

Там освободил лапу и потрепал ее по плечу:

— Что ж в этом невозможного? Наоборот, невозможно без этого обойтись. Здесь ты мною не покомандуешь, сестричка.

Капитан Фортиндом высказал свои соображения по поводу возможного развития событий:

— Я бы хотел предложить вам помощь, мистер МакБерл. У вас слишком разные весовые категории с этим мясоедом, во.

— Спасибо, капитан, но я уже получил необходимую помощь. Со мной слово Мартина Воителя и его меч. Разве этого мало?

Командор хлопнул МакБерла по спине:

— Это большая помощь, друг.

— Извините, сэр, а что следует делать нам всем? — спросил сержант Таран.

Там вынул дирк и скинд, положил их на парапет рядом с мечом Мартина.

— Сейчас я прошу вас доставить сюда мой щит, сержант. А в полдень попрошу вас, капитана, Командора, Тергена, младшего капрала и Фердимонда выйти со мной из ворот. Пока что я хотел бы остаться здесь один.

Аббат Монотон застыл у окна одной из верхних спален. Рядом с ним стояли Армила, Командор и Кротоначальник Браффи. Из окна открывался вид на равнину перед западной стеной. Природа нежилась в лучах ласкового солнца. Зеленая равнина пестрела разноцветьем: клевер, лютики, ромашки, колокольчики, валериана — чего только здесь не было! Картину портило присутствие Гуло и его шестерых попутчиков, застывших с горящими факелами возле столба, у которого стоял связанный Дуги.

Монотон не мог оторвать глаз от мощной фигуры росوماхи.

— Да ниспошлет судьба удачу нашему рыцарю.

Армила уловила печальные нотки в голосе настоятеля.

— Но ведь это несправедливо, отец Монотон. Конечно, МакБерл истинный воин, но никакой воин в одиночку не одолеет это страшилище.

— Да они толкуют о законах войны, правилах поединков. Так, Командор?

— Точно, друг. Но я вам скажу, что наш Там хоть и помельче будет, зато быстр, как молния. Видел я, как он владеет оружием. Не бойтесь за него, сестра.

Армила подошла к Командору:

— Как я хотела бы, чтобы вы оказались правы, сэр!

Она посмотрела на стену, где спиной к ним сидел Рэкети Там, занимаясь оружием. Можно было расслышать тонкое пение затачиваемых клинков. Закончив заточку, Там окунул тряпочку в слегка смоченную древесную золу.

— А что он сейчас делает?

Вошедший в спальню капитан Фортиндом подошел к окну.

— Полирует клинки, во. Будь парень воин или повар, фермер или писарь, если он знает в своем деле толк, инструмент его всегда в наилучшем виде. Глянь-те, во что он щит свой превратил! Как зеркало сверкает! Молодец Мак, во! Зря болтают, что внешность обманчива.

— Наверное, вы правы, — рассеянно согласилась Армила. — Я об этом не задумывалась.

Фортиндом решил развить тему:

— Помню себя зеленым рекрутом в Саламандастроне. Был у нас въедливый сержант-наставник. Мы у него целыми днями что-нибудь да полировали, во. И был у меня товарищ, Пухохвостом звали. Вот однажды на смотре не понравился сержанту клинок этого Пухохвоста. Ну, пятнышко какое-то нашел, во. Зарычал,

зашумел сержант. И лапы, мол, у Пуха не оттуда растут, и глаза не туда смотрят, разнес несчастного Пухохвоста в пух, во. И велел драить сталь до тех пор, пока свою физиономию в ней не увидит.

— Бедный Пухохвост, — улыбнулась сестра Армила. — Ну и чем это закончилось?

— Чем закончилось? Сержант ушел, Пух уселся на плацу и надраивает свою железку. А в полночь вышел командир прогуляться, воздухом свежим подышать, во. Видит рекрута усердного на плацу, подошел. А клинок уже и среди ночи солнцем сияет, надраен лучше некуда. Командор его похвалил: молодец, мол, всем ребятам пример, то, се... Иди отдыхать. А Пух докладывает, что вроде нельзя. Приказал, мол, ему сержант полировать, пока физиономия его не будет видна, как в зеркале. «А я, — говорит Пухохвост, — сколько ни тру, все не могу разглядеть там сержанта». Такая светлая головушка был наш Пух.

Слушатели засмеялись, а Командор озабоченно посмотрел на небо.

— К полудню идет. Пошли, капитан, пора. Мак-Берл уже спустился.

Дудж увидела, что ворота крепости открылись. Из них появились семеро. За белкой шагали три нахальных зайца, зверь, похожий на тюленя, и большая мрачная птица. Горностаиха отбежала к своим. Все сидели, отвернувшись от Дуги, факелы догорели. Гуло жевал козодоя, сбитого пращей старого песка. Не переставая хрустеть костями птицы, властелин покосился на Дудж:

— Бродячий Камень с ними?

— Да, тюленевый зверь несет его в корзине. Они все хорошо вооружены, кроме птицы.

Гуло неторопливо поднялся, сдувая перья с губ.

— За дело, команда! Попробуем мясо этих олухов.

Пленника затыкали уже три раза, а он умудрялся разжевать и выплюнуть кляп. И опять от шеста донесся его насмешливый голос:

— Х-ха, землю вы жрать будете, а не мясо. Хэвэй бро-о-о-о, Та-а-а-ам!

— Хэвэй бро-о-о-о, Дуги! МакБерл за тебя!

Эти возгласы вызвали громовой отклик со стен крепости:

— Еулалиа-а-а-а! Рэдово-о-олл!

По знаку Гуло горностаиха Дудж покатила барабан в сторону крепости, колотя в него рукоятью палаша Дуги. Нечисть громко завопила в такт ударам барабана:

— Гуло! Гуло! Бей-бей-бей! Гуло! Гуло! Гуло!

Обе группы замерли в нескольких шагах одна от другой. Гуло и Там сблизились, встретившись глазами. Командор опустил наземь корзину с Булыганчиком и оперся на длинный тяжелый дротик. Один из песцов потянулся к рукояти сабли и осторожно двинулся к корзине. Тут же рапира капитана Фортиндама покинула ножны и уставилась на песца.

— Еще шаг, и ты покойник, бледнолицый! Схватка один на один, все остальные остаются на местах. Нарушителю — смерть! В-во!

Гуло и Там двинулись по дуге, не мигая, сосредоточившись на предстоящей схватке. Устрашающий облик росوماхи всегда сковывал, подавлял неприятеля, вызывал панику. Но Рэкетти Там спокойно и уверенно, с мечом Мартина на изготовку, не отводил глаз от противника.

Гуло издал леденящее кровь рычание, топнул, подняв облачко пыли и вытянул лапу к бравой боевой белке.

— Крошка-воин, ты храбрец. Твое мясо укрепит мое тело. Сердце твое я съем сам.

Ответ Тама озадачил чудовище. Он отчеканил:

— С чего бы это я отдал свое сердце такому уроду? Мое сердце уже обещано прекрасной даме!

МакБерл молниеносно взмахнул мечом, и коготь Гуло со звоном отскочил от лапы и воткнулся в землю. Взревев, Гуло взмахнул лапой, и щит белки загудел от удара. Там уклонился и взмахнул мечом, но лишь отхватил клочок густой спутанной шерсти от шкуры монстра. Гуло бросился вперед и врезался головой в центральную шишку щита, отбросив белку далеко назад. Там кувыркнулся и заскользил по траве. Наблюдатели отскочили. Гуло издал оглушительный рык, воздев передние лапы к небу, и бросился в атаку. МакБерл встретил нападающего мечом. Инстинктивным, неосознанным движением он проткнул росомaxe лапу. На этот раз вопль врага был вызван резкой болью. Обороняясь мечом и прикрывшись щитом, Рэкету Там попятился от напирającego противника.

Гуло стал осторожнее. Перед его мордой сверкал меч Мартина.

— Можешь отступать, можешь удирать, но от Гуло нет спасения, — прорычало косматое чудовище.

Однако МакБерл не собирался спастись. Он вдруг сдвинул щит вбок, и меч засвистел перед Гуло сверкающей восьмеркой, заставив его отпрянуть. Но тут же последовал прыжок росомaxe вперед и вбок, и острый коготь вспорол ногу белки. Другая лапа Гуло устремилась к груди противника, и лишь отскочив, Там смог

спасти от мгновенной гибели. Вместо его груди лапа чудовища врезалась в щит, и сила удара подбросила изрядно помятую тарелку щита вверх. Сверкнув на солнце, отполированный щит упал у края канавы, глубоко врезавшись в землю.

Секунданты обеих сторон, увлеченные жаркой схваткой, придвигались все ближе к сражающимся. Гуло заметил в лапе одного из своих песцов палаш Дуги.

— Дай-ка эту штуку! — приказал он.

Белый лис протянул клинок своему господину. Фердимонд де Мэйн сделал было шаг вперед, чтобы помешать Гуло взять палаш, но сержант Таран удержал его:

— Нет, оставь, во. Он тоже имеет право на оружие.

И Гуло рванулся на МакБерла уже вооруженным, неуклюже размахивая острым палашом, как дубиной. Там отступал.

Собравшиеся на западной стене мрачно молчали. Казалось, что их герой обречен. Звенела сталь, Там отходил, отражая сыпавшиеся на него удары палаша, длиной превосходившего меч Мартина. Не видя, куда он идет, Там все же знал, что приближается к краю канавы.

Гуло сопровождал каждый взмах палаша воплем:

— Гуло! Бей! Гуло! Бей!

И тут Там остуился.

Он с размаху упал на спину, видя над собою Гуло с занесенным палашом.

На краткий миг время остановилось. Затем Там увидел, как на него медленно надвигается, паря в застывшем воздухе, косматая масса с окровавленной ра-

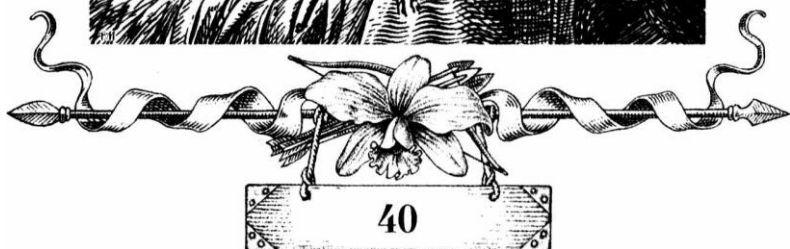
зинутой пастью И сверкающим палашом, занесенным для последнего удара. Последний момент! Решающий! Рэкета Там перехватил меч Мартина обеими лапами за рукоять и конец и поднял его горизонтально над собою. Он собрался в комок и с криком:

— Хэвэй бро-о-о-о! — молниеносно спружинил всеми четырьмя лапами навстречу падающему на него врагу.

Подброшенный Гуло перелетел через противника и тяжело рухнул на краю канавы. Вытянутая вперед шея с силой опустилась на заостренный край торчащего из грунта щита. Голова отделилась от тела росомахи и продолжила движение вниз. Долетев до дна канавы, она с глухим стуком подскочила, плюхнулась на дно и замерла.

Не пришлось свирепому варвару Гуло править страной льдов и снегов за Великим Холодным Морем.

Экетти Там смутно припомнил дни далекого детства, когда он нечаянно схватился за чертополох, собирая цветы для матери... или не для матери? Для какого-то существа с добрыми глазами, ласково шепчущего ему:

— Потерпи, сейчас, уже почти все...

Открыв глаза, он увидел стены больничной кельи, белоснежную простыню и склонившуюся над ним сестру Армилу, отложившую в сторону какие-то инструменты.

— Я не плакал? Все шипы вытащили?
— спросил Там, еще не полностью проснувшись.

— Ха-ха, ты храбрый малыш, совсем не плакал, ха-ха-ха, — раздался где-то над его головой грубый смех Дикого Дути.

— Мистер Дути, не дергайте лапой, стойте спокойно, испортите повязку. — Это снова была сестра Армила.

МакБерл попытался сесть, но сестра Армила мягким усилием удержала его. Вытянув шею, Там увидел, что в коридоре за открытой дверью толпится народ. В палате возле него находились лишь сестра Армила, Дути и аббат Монотон.

— Что, собственно, произошло? — слегка удивился Там. — И что с ногой? Я не могу ею шевельнуть.

Армила разделалась с перевязкой и деловито пояснила:

— Ваша нога и не должна шевелиться, уважаемый МакБерл. На ней шины, она сильно повреждена когтями этого чудовища. И передняя лапа сильно поранена мечом Мартина. Я ее зашила, но придется еще долго лежать, так что наберитесь терпения.

— Ну вот, опять раскомандовалась. Ребята, у меня что-то с памятью. Помню только, что ничего не помню. Как у канавы рухнул — так и все... Расскажите, что произошло.

Дути тотчас откликнулся на просьбу друга и сварливо заворчал:

— Я тебе скажу, что случилось, парень. Ты напрочь погубил мой лучший... и единственный палаш. Уж не знаю, из чего этот меч Мартина ковали, но он мой клинок как капусту раскрошил. Поднимаю я свой любимый палаш, а он у меня в руках надвое разламывается. Щит твой, кстати, тоже, почитай, на половинки развалился. Он теперь и на кухне ни на что не годен. А с чего ты вдруг сообразил так заточить его край?

Там опустил голову на подушку.

— Маленькая подсказочка Мартина Воителя.

— Угу. Надо ему титул удлинить: Мартин Воитель Оружия Разрушитель. Такой был палаш, такой палаш... И щит тоже...

Аббат и сестра Армила с любопытством внимали шутливой перепалке друзей.

— Ты кошмарный тип, Дути Дикарь. Кстати, победил я или проспал свою победу?

— Гм... Я, видишь ли, и сам вздремнул от скуки, но народ болтает, что вел ты себя непристойно. Голову Гуло щитом срубил, а не как у добрых зверей принято. Голова еще в канаве, можешь сам с ней потолковать. Только она с тобой после такого обращения и общаться не захочет.

— А что с остальной нечистью?

— Да я бы с ними чайку попил, но Фортиндом с Тараном все испортили. Терген с Командором тоже невоспитанная публика. Но видел бы ты землероек! Вот кто больше всех горевал!

— А они-то откуда взялись?

— Х-ха! Из леса, вестимо. Лог-а-Лог-то побежал, наябедничал... Капитан еще саблю вытирал, а они уж из-за деревьев посыпались. Две сотни из Гуосима, орут, несутся, оружием размахивают... Испугали, конечно... брата Грисома. Подставь, на такую ораву готовить! Да-а... Вот и все мои горести. А ты своими радостями поделишься?

— Да, есть у меня добрая новость. Знаешь, что Командор нашел мой палаш и знамя короля Аральтума?

Дути ухмыльнулся:

— Слышал. И не только слышал. Я даже уговорил сестру Армилу отдать мне твой палаш. Ведь ты мой в труху превратил, так? Справедливость восстановлена.

Возмущенный Там напрягся, чтобы вскочить, но сестра Армила навалилась на него и удержала на месте.

— Я действовала в ваших интересах, мистер МакБерл. Кроме того, зачем вам два меча?

— Меч Мартина принадлежит аббатству, сестра, это меч Мартина Воителя, а не палаш Рэкети Тама МакБерла.

— Но вы защитник аббатства и можете носить этот меч. А знамя я подлатала, вычистила и выгладила. Вполне прилично выглядит.

Но Там не слушал Армилу.

— Ты не лучше Юфуса, Дикий Дуги Толстяк. За моей спиной выболтал мой кровный лучший палаш у наивного бесхитростного создания. Стыдно! Пала-шовый вор — что может быть отвратительнее? Придется мне получше присматривать за своим дирком, вдруг ты и на него глаз положишь.

— Хватит! — прикрикнула Армила. — Покиньте помещение, мистер Дуги! И вы, отец Монотон, пожалуйста. Вы тоже, в коридор! Что, вам нечем заняться? Все уходите, пациенту нужен отдых.

Отец Монотон робко возразил:

— Но ведь я-то сижу тихо, не болтаю.

Там улыбнулся аббату:

— Я бы на вашем месте не спорил, отец Монотон. Видите, в ней командный зуд проклюнулся...

Армила с трудом сдержала улыбку.

— Еще слово, мистер МакБерл, и я...

— Ну-ну... — подзадорил ее Там.

— И я попрошу брата Грисома прислать сюда чай для двоих. Вы не против, мистер МакБерл?

Рэкети Там МакБерл расплылся в улыбке:

— Отличная идея, сестра Армила!

Нрошло пятнадцать сезонов с той поры, когда отец мой убил свирепого варвара Гуло. Лето подходит к концу, листья желтеют и падают, шелестят под ногами. Прекрасно провели мы лето. Никогда не удалялась я от стен аббатства, а тут такое увлекательное путешествие!

Моя мама Армила убедила наконец Рэкета Тама, моего отца, и Дикого Дути, моего дядю, вернуть большой флаг владельцам. Отца, собственно говоря, уговаривать и не пришлось, это дядя Дути все время ворчал:

— Перебьются и без флага, стоит из-за этих пустоголовых придурков переть в такую даль... — Он и покрепче выражения применял.

Но мама раскомандовалась и настояла на своем. Отец смеется и говорит, что в ней иногда просыпается командирский дух. И вот мы отправились в путь: я, мать, отец, дядя Дуги, Терген и мамина подруга тетя Бруки. Никогда не думала, что Лес Цветущих Мхов так велик! Мы продвигались без спешки, посетили место, где отец отнял у нечисти меч Мартина. Этот меч путешествовал с нами. Точнее, со мной. Дядя Дуги настоял, чтобы я несла меч. Они с отцом с самого моего рождения обучают меня искусству владения клинком. Начали с маленького скинда, потом перешли к дирку. А с одиннадцатого сезона жизни я приступила к тренировкам с мечом Мартина и палашом дяди Дуги (отец утверждает, что это его палаш).

Мама беспокоится, когда видит меня с оружием, но дядя Дуги ее успокаивает:

— Да не с чего тут волноваться, Армила, — говорит он. — Кроха увереннее ведет клинок, чем мы с Тамом. — Это его точные слова.

На реке мы встретили целый флот. Это большие лодки, выдолбленные из древесных стволов. У меня появился еще один дядя, тоже толстый, но бородатый. Его зовут Лог-а-лог Тоги. Такой славный старикан! Дал мне поручить логоходом и сказал, что из меня получится лихая землеройка. И мы отправились дальше по реке. Незабываемые впечатления! Журчит вода за бортом, медленно проплывают деревья, береговые скалы, поляны... Мелкая волна убаюкивает, усыпляет... А готовят повара Гуосим — коготочки оближешь!

Очень интересно было и у Юфуса с Диджети. У них я познакомилась со знаменитым Бродячим Камнем. Сначала я приняла его за скамеечку для лап, вот балда! И колбаски-сосиски у них знаменитые, ведь по рецепту Диджети их теперь готовит и брат Грисом. В жизни я столько не смеялась, веселые они, Юфус и Диджети. Даже Бруки хохотала чаще, чем обычно. Хотя казалось, что чаще и некуда. Они нам закатили пир, Диджети пела, Юфус рассказывал о своих воровских похождениях, а Бродячий Булыганчик Булька лежал у меня на лапах и дремал.

Утром мы собрались в путь, а флаг пропал. Вместе с ним исчез и палаш дяди Дуги. Моя мама и миссис Диджети устроили Юфусу такую выволочку, что он сразу все вернул. «Ой, ой, я таки одолжил эти мелкие вещицы на минутку, так из-за чего такой тарарам! Скажи им, Бульончик!» — так он оправдывался.

Мы снова пустились в путь по лесам, равнинам, дюнам и вышли к симпатичной рощице. Невдалеке шумело самое настоящее море! Столько воды я себе и вообразить не могла!

Дядя Дуги опять заворчал:

— Ну вот, задача выполнена, флаг доставлен, совесть чиста. Давайте теперь швырнем эту пеструю тряпку в море и прогуляемся обратно.

Кажется, отцу идея понравилась, но мама Армила схватила дядю Дуги за ухо и пообещала швырнуть их обоих в море вслед за флагом. «Правда, Бруки, мы так и сделаем?»

Тетя Бруки обрадовалась:

— Хо-ха-ха-ха-ха! Конечно! Ха-ха-ха-хо-хо! Будут солеными морскими огурчиками, а-ха-ха-ха-ха!

Мы остановились отдохнуть на краю рощи. Дядя Дуги пошептался с Тергеном, и тот полетел куда-то над деревьями. Вскоре мы услышали шум и гам, с деревьев спрыгнули два десятка белок. Терген важно шествовал за ними, как пастух за стадом.

Дядя Дуги захохотал палашом по щиту и закричал:

— Вижу двух мелких шмакодявок, Аральтума и Идгу. Покорнейше прошу Их Величества сюда, к нам, есть дело.

Из толпы белок вышли две самые толстые, разряженные и расфуфыренные. На головах у них неловко сидели самодельные короны. Почему-то эти толстуны выглядели испуганными. За ними выскочил толстый бельчонок, видимо их принц, — тоже разряженный и расфуфыренный. Он нахально обвел нас взглядом и закартавил-зашепелявил:

— Что за звейи? Бйосить их в туюьму! Тйи дня без хйеба и пийожных!

Отец мой поморщился, выступил вперед, заслонив дядю Дуги от разгневанного бельчонка. Он развернул знамя, встряхнул его в воздухе, потом скатал в толстый длинный шарф и повязал этот шарф на шею Аральтума и Идги, на обе сразу.

— Вот ваше знамя. Наша клятва выполнена. Очередь за вами. Выполняйте вашу клятву, король Аральтум. Освободите нас от присяги.

Отец и дядя Дуги вырвали из ножен оружие и направили его на короля Аральтума. Терген щелкнул клювом. Даже у меня лапа потянулась к поясу, хотя на нем, к сожалению, в этот момент не висело ничего, кроме очень миленькой поясной сумочки со множеством отделений.

Аральтум шагнул вперед, возложил лапы на меч Мартина Воителя и палаш, вздохнул и произнес дрожащим голосом:

— Я освобождаю вас от принесенной мне клятвы верности. Отныне вы можете использовать свои клинки как вольные звери.

Белки, пришедшие с королевской парочкой, радостно завопили.

После этого мы направились к крепости барсуков, горе Саламандастрон. Долго еще слышались сзади приветственные крики белок.

Я раньше думала, что Рэдволл — самая мощная крепость на свете. Но видели бы вы Саламандастрон! Дух захватывает! А как нас встретили! Зайцев я еще никогда не встречала, они ушли из Рэдволла еще до моего рождения. Но по рассказам и описаниям я сразу узнала сержанта Тарана, капитана Фортиндомы Деррона, капрала Вилдери, Фликку, Флакку, Ферробурру и еще пару женатиков, Фердимонда де Мэйна и Керси. У них есть малыш, толстощекий Донси де Мэйн, названный в честь погибшего брата Керси.

Почетный караул проводил нас в Банкетный зал, где в нашу честь устроили пир. Полковые повара постарались! Там мы встретились и с леди Мелемой, барсучихой-правительницей. Какая она здоровенная! А одета просто и ведет себя скромно, хотя и величественно. Сразу понятно, почему барсуки считаются особенными зверями.

В Саламандастроне мы пробыли шесть дней. Ему я хочу посвятить время этой зимой, опишу это место и изложу все, что там узнала, хотя это и нелегкая задача. Слишком много славных дел и таинственных историй

связано с горой барсуков. Я обязательно посетую эту славную крепость еще раз.

Мы покинули Саламандастрон в сопровождении эскорта из трех дюжин зайцев. Фердимонд и Керси со своим малышом направились в аббатство, чтобы поселиться в нем. С Тергеном пришлось расстаться. Он остался в Саламандастроне в качестве дозорного. Боевая птица решила, что ей лучше будет среди воинов, чем в нашем мирном аббатстве.

Что вам еще поведать, друзья? Мы вернулись в свое любимое обиталище, наступила осень. Брат Берлап решил, что завтра пора приступить к сбору осеннего урожая. Луна Урожая уже сияет в небе. Мы с мамой поведем к пруду всех малышей, к которым теперь присоединился Донси де Мэйн. Будем швырять камушки в отражение луны. Говорят, если загадать желание до того, как волна от падения камушка дойдет до берега, то желание исполнится. Я брошу камушек в самый центр луны и пожелаю всем нам, жителям Рэдволла, моим родителям, друзьям... Чего же я пожелаю? Обильного урожая, удачного праздника. Пожелаю мира и процветания, любви и счастья всем-всем. Ну, желать, чтобы еда понравилась, ни к чему. У нас иначе и быть не может! И для вас я оставляю местечко за нашим столом. Добро пожаловать в любое время!

*Меланда МакБерл, летописец аббатства Рэдволл
в Стране Цветущих Мхов*

Оглавление

ПРОЛОГ

9

КНИГА ПЕРВАЯ ВОИН, ПРОДАВШИЙ СВОЙ МЕЧ

11

КНИГА ВТОРАЯ ВОИН, ВЕРНУВШИЙ СВОЙ МЕЧ

141

КНИГА ТРЕТЬЯ БРОДЯЧИЙ КАМЕНЬ

255

ЭПИЛОГ

345

Литературно-художественное издание

Серия «Рэдвалл»

Для среднего школьного возраста

Брайан Джейкс

КЛЯТВА ВОИНА

Редактор Евгения Тихонова
Художественный редактор Валерий Макаров
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Татьяна Бородулина, Татьяна Никонова
Верстка Алексея Положенцева

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 28.02.2007.
Формат издания 60х84 1/16. Печать офсетная.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Тираж 10 000 экз.
Усл. печ. л. 20,46. Изд. № 317. Заказ № 0702580.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 78.01.07.953.П.002602 05.04 от 16.09.2004

Издательский Дом «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

